

Барбара Хэмбли Перекресток

Хэмбли Барбара Перекресток

Глава 1.

Это случилось вскоре после начала вечерней вахты.

Позднее с этим согласились все.

Ровно в 19.40, в звездный день 6251.1 капитан Джеймс Кирк был в спортзале на восьмой палубе звездолета "Энтерпрайз" и боксировал с энсином Лао Зимингом (21 год, плотное телосложение, в равной степени умен и ловок). В это время раздался звонок линии связи и туда пошел один из баскетболистов с противоположного конца огромной, выгнутой дугой комнаты.

Чуть погодя он позвал: — Капитан?

Кирк увернулся от удара, отскочил назад, тяжело дыша и все еще поднимая руку для защиты; Лао с усмешкой расслабился и поддразнил: — Спасен звонком, сэр.

— Я или ты? — Кирк вернул усмешку и легко подбежал к ближайшему коммуникатору- всего в большом гулком помещении, которое огибало жилой сектор вокруг главного корпуса корабля, их было восемь. При этом он отметил, что баскетболисты не возобновили игры. Они слонялись без дела, стучали мячами по натертому полу или растягивались на перекладинах. Они не то чтобы подслушивали, скорее ожидали, и лишь немного — совсем чуть-чуть — беспокоились о том, что понадобится сообщить капитану после того, как его сегодняшняя вахта закончилась.

Нажимая кнопку коммуникатора, Кирк чувствовал, что всплеск адреналина, который он ощутил вдобавок к тому, что пробудил боксерский матч, пожалуй, великоват.

Лао сохранял дистанцию, но тоже прислушивался.

— Капитан? — низкий голос Махейз звучал совершенно беспристрастно, словно это было не ее дело. — Буи первой линии охраны поблизости от зоны Федерации вокруг звездной системы Тау Лира сообщают о неопознанном объекте.

— Это невозможно, — сказал Лао.

Кирк мельком бросил на него взгляд. Парень откинул назад свои прямые, промокшие от пота черные волосы, нахмутив лоб из-за несообразности информации.

— Мы пробежали сканерами весь квадрант три часа назад, сэр, прежде чем ушли с вахты. Вы же это видели. Это пустынное место. Ни флота, ни горнодобывающей промышленности, ни звездных баз... Вообще нет цивилизации, за исключением Тау Лиры. За это время в пределах досягаемости буев ничего не могло появиться. Поблизости ничего нет.

— За исключением Перекрестка. — Пот, высыхающий на груди под расстегнутой спереди формой, слегка охладил Кирка. Конечно, с чего бы ему еще холодать?

— Но ведь... — Лао внезапно замолчал. Он был молод, только что из Академии. Однажды, Кирк знал это так же точно, как знал свое имя, он станет одним из лучших капитанов Звездного флота.

— ...в туманности Перекресток ничего нет? — Кирк закончил протест за него и еще раз криво усмехнулся. Усмешка вышла такой же кривой, как и представления молодых людей о том, как точны показания приборов на окраинах неизвестного космоса, он помнил это по себе. — Насколько мы знаем, энсин. Насколько мы знаем.

Он резко повернулся и хлопнул рукой по кнопке коммуникатора. — Мы идем.

— Это, несомненно, корабль, сэр. — Лейтенант Тони Барроу дала максимальное

увеличение показаний приборов, а Кирк набрал код, чтобы переместить их на миниатюрный оперативный экран в подлокотнике своего командирского кресла. Это доказательство было слишком слабым, чтобы посчитать его удовлетворительным — у оперативных данных была возвышенная привычка пренебрегать всем, что было рангом ниже фотонных торпед — поэтому он встал и шагнул вниз, к месту навигатора вечерней вахты. Мистер Спок, читавший у себя в каюте, когда появилось известие о потенциальном нарушении, спустился со своего места за центральным компьютером и присоединился к нему.

В ониксовой бездне экрана плавали зеленые огни. Тусклый желтый туман создавался первыми, отдаленными эффектами кометного пояса звезды Тау Лира, хотя сама звезда была слишком далека, чтобы показаться на экране. Крошечная световая точка отмечала буй, который излучал сигнал тревоги, перекрывая даже кометы; движущееся, похожее на муравья светящееся пятнышко указывало на приближающееся судно.

— Похоже, они направляются к Тау Лиры, сэр, — сказала Барроу, подняв глаза на Кирка. Это была темноволосая женщина, обаятельная и знающая, о которой отзывались как о приличном игроке в покер. За четыре года и девять месяцев миссии "Энтерпрайза" члены экипажа приходили и уходили, но Барроу была из той небольшой группы, что была на борту с самого начала.

Вечерняя вахта была непродолжительной, так что обязанности навигатора и рулевого совмещались. — Точно сказать трудно, но вокруг явно нет ничего, куда бы они могли направиться еще. Высокие субсветовые скорости.

— Место отправления?

— Туманность Перекресток, сэр.

Кирк немного помолчал, оценивая и измеряя все про себя. Он чувствовал неловкость, которую испытывает экипаж на мостике; понимал, что знает их меньше, чем группу из дневной смены, хотя поставил себе за правило проводить несколько часов на мостике каждый вечер, когда мог. Он знал, что крупный, добродушный инженер лейтенант Уинфильд в основном забегает на мостик в его отсутствие; заметил, как тот обменивается тревожными взглядами с лейтенантом Махейз, чувствовал, как тяжело молчит Дикстра, продолжавший работать на командном пункте. Он словно чувствовал пульс всех сотрудников в комнате — за исключением, возможно, невозмутимого мистера Спока — и пульс этот слегка частил.

Он вернулся на свое место, вулканец спокойно пошел за ним. — Когда исчез последний корабль вблизи от туманности Перекресток?

— 3.7 стандартных года назад, капитан. Это был разведчик Федерации "Харриет Тубман", с экипажем из двенадцати человек, со Звездной базы 20. Имеются более ранние непроверенные сведения о свободном торговце "Саггитариус", который последний раз вышел на связь поблизости отсюда. Помимо этого, три буя наблюдения Федерации, размещенные по внешнему периметру зоны вокруг Тау Лиры, исчезли, когда в туманность были посланы три автоматических сигнала из Федерального Научного Института, чтобы определить, существует ли на самом деле аномалия Тертлдава внутри туманности.

— И это все вы держите в голове? — Двери турболифта мягко закрылись, а доктор Маккой сел в кресло рядом с командирским креслом Кирка и устремил взгляд веселых саркастических глаз на офицера по науке с Вулкана.

Спок остановился ненадолго и ответил: — Поскольку наше текущее положение позволяет освободить ряд инструментов, мне показалось логичным самому познакомиться с потенциальными опасностями этих феноменов. Квадрант шесть большей частью неисследован. Карты, которые мы составили этим утром, первые после вулканических материалов пятисотлетней давности, где этот регион был также охарактеризован как п'лаака — склонный к непредсказуемым событиям. С тех пор туманность Перекресток, по-видимому, не увеличилась и не изменила своего положения в пространстве. Это аномалия, но не опасность.

— Пока не подойдешь слишком близко, — проворчал Маккой.

Спок приподнял бровь. — То же самое можно сказать о куче грязи в ванной. Хотя

данные неполны, есть основания полагать, что регион был отмечен на старинных картах из-за необъяснимых исчезновений. Вследствие исчезновения "Харриет Тубман" Федерация объявила туманность зоной постоянной опасности. С тех пор используются беспилотные устройства.

Не говоря уж о том, думал Кирк смущенно, что стандартные предупреждения касаются всех планет, населенных или нет, в пределах 5 парсеков от мест аномалий.

— Организованные исследования должны начаться через год, — сказал энсин Лао. Он появился на мостике лишь несколькими минутами позже Кирка, подобно Кирку, уже натянул свою золотую форменную командирскую рубашку, мокрые волосы были зачесаны назад, а глаза горели энтузиазмом при мысли о таком задании. — Лично я хочу поближе посмотреть на ту планетную систему, что обнаружилась этим утром на краю туманности. Если только они меня возьмут.

Кирк усмехнулся бодрому пылу его слов. — Ну что ж, так как ты, похоже, один из немногих курсантов, которые находятся на расстоянии плевка от аномалии, они едва ли тебя упустят.

— Если Звездный Флот сможет найти деньги, — проворчал Маккой цинично.

— Естественно, — сказал Спок, — у меня нет данных о финансовых проектах Флота. Но до тех пор, пока экспедиция не будет сформирована, наша информация вынуждена оставаться отрывочной.

— Но они нашли осколки, — сказал Кирк.

Спок наклонил голову. Весь экипаж на мостике — и уж наверняка большинство из четырехсот мужчин и женщин на борту "Энтерпрайза" — знали об осколках. Что бы ни было причиной происхождения тех разрозненных фрагментов металла и фарфора, которые "Тубман", согласно отчету, захватила с собой на окраине туманности за 4 или 5 часов до собственного исчезновения, именно об этом Кирк готов был поклясться — думают все внезапно прервавшие игру баскетболисты в спортзале, а сейчас и Барроу с Уинфельдом, судя по напряжению в их позах. Отчет был в центральном компьютере и наверняка изучался всеми на борту.

В нем было сказано Технология неизвестна.

Сейчас, впервые за пять столетий, о которых было известно все, из темного сердца газовых туманностей, из туч пылающей пыли, флюктуирующих экранов и полей радиации мю-спектра, которые делали Перекресток почти непроницаемым для любых форм сканирования, появился корабль. И корабль этот держал курс прямо на незащищенный, быстро приближающийся мир Тау Лиры III.

— Мы получили данные, — сказала Барроу. — Такая же масса, как и у "Энтерпрайза", но значительно меньшая мощность. Похоже, что мощность падает даже сейчас.

На другой стороне мостика кто-то сказал: — Это не "Тубман"....

— Показатели мощности?

— Аномальны. — Барроу дважды проверила свои данные, ошеломленная. — Похоже на какой-то двигатель вещества-антивещества, но коэффициент сгорания ниже.

— Его изображение получено, — лейтенант Махейз начала говорить, но вдруг внезапно замолчала, раскрыв рот. Ее глаза расширились, она беспомощно смотрела сквозь Кирка, качая головой. Кирк знал, как много нужно, чтобы так выбить из колеи Махейз.

— Дайте изображение, лейтенант.

Она шептала: — Я этому не верю, — даже выстукивая пальцами код увеличения.

Чужой корабль, захватчик, тайно скрывавшийся в сердце туманности Перекресток, был звездолетом Федерации.

Он был абсолютно черного цвета, почти невидимый на фоне бархатной пропасти космоса. Его освещал и вообще делал видимым только отблеск света, пойманный извне, из пыльной завесы туманности,

Иллюминаторы с этой стороны были темными. В машинном отделении вспыхнуло неяркое зарево, и все. Не будь на черной краске пятен грязи и ржавчины, перед ними было

бы зеркальное отображение "Энтерпрайза" или любого другого из одиннадцати звездолетов класса "конституция". Изношенные, обгорелые гондолы в выбоинах от метеоров, форма командной тарелки и знакомые обтекаемые обводы тут трудно было ошибиться.

— Занимательно. — Спок заложил руки за спину и изучал экран.

— Да? Ну тогда я красноглазая макрель, — прошептал Маккой, а мистер Спок так был погружен в рассмотрение темного корабля на экране, что даже воздержался от какого бы то ни было ответа на этот образчик размышлений о реинкарнации.

— Это...это один из наших. — Голос Барроу звучал совершенно ошеломленно. И мы тоже могли, размышлял Кирк.

Позади него пристально всматривался Лао, раскрыв от удивления рот. Кирк подумал, что он слишком юн, чтобы понять — во мраке звездных просторов, которые являются их неизведанным миром, было или могло быть возможным все.

— Идентификационный код?

— Слишком далеко, чтобы сказать, капитан. Я не могу ничего получить, даже помех нет.

Взгляд Кирка отвердел. — Тогда откройте стандартную частоту для переговоров. Мистер Уинфильд, поднять защиту дефлектора.

Он мельком взглянул на показания своих приборов, все более многочисленные и точные с того момента, как дистанция между темным кораблем и "Энтерпрайзом" уменьшалась. — Их мощность падает, но резервов, чтобы сделать одну-две попытки оторваться, еще хватит. — Видит бог, добавил он про себя, он закрутил на "Энтерпрайзе" достаточно гаек, держащихся на последнем издыхании, чтобы не доверять даже самому слабому из поврежденных кораблей. И даже без фазеров существовали еще и фотонные торпеды, с которыми тоже надо считаться.

Они были уже достаточно близко от другого корабля и теперь могли поймать его без увеличения. Черные корпуса покрывали полосы ржавчины, следы дыма, серебристые выбоины от метеоритных осколков, многочисленные следы борьбы с огнем. Под краской можно было увидеть множество больших заплат на самом металле. Какие бы серийные номера или имена ни были там когда-то, они были выжжены и разрушены очень давно.

Когда? Кирк мысленно вернулся назад, попытался вызвать в памяти пропавшие ранее звездолеты Флота. Этот, судя по виду, находился в космосе и попадал в адские боины не один десяток лет. Но ведь корабли этого класса существовали всего двенадцать лет. Может, под большим давлением...

Но это будило в нем мрачные ощущения, те же, что он чувствовал, когда во время инцидента на Гамма Гидра II смотрел в зеркало, видел в нем старика, пристально глядевшего на него и знал, что это он сам.

На фоне тусклого отблеска движущейся вдалеке газообразной туманности второй звездолет изменил направление, уходя прочь. Тут же Барроу сообщила: Они ускользают.

— Задержите их.

Когда Кирк отдал приказ, навигатор повернул руль. Изображение звезды Тау Лира, которая с такого расстояния была не больше желтой булавоочной головки, пропадало в чернильной глубине. Темный корабль впереди вяло увеличивал скорость. Наметанный глаз Кирка отметил блеск и вспышки огня двигателя, а это означало, что поток вещества-антивещества принимает эллипсоидную форму. Он скользнул взглядом по Споку, снова склонившемуся над компьютером. Лао стоял рядом.

— Автоматы, которые исчезали в Перекрестке, сообщали о потере мощности?

— Да, капитан. — Голубой свет от приборов всколыхнулся вокруг угловатых черт лица. — "Тубман" отмечала аномальные эффекты на расстоянии двух парсеков от края самой туманности. Показания наших собственных приборов по этой планетной системе мы нанесли на карту этим утром и они весьма нас встревожили. Я полагаю, что если звездолет еще хоть немного приблизится к туманности, мы передадим последнее уведомление о преследовании.

— К черту это уведомление, — пробормотал Кирк сквозь зубы. — Я хочу знать, кто

они и что делают со звездолетом. — Он знал, что Спок, разумеется, прав. Он не имел права вмешиваться в опасную погоню, основываясь лишь на своем нетерпении, на желании расколоть тайну — особенно ввиду постоянных предупреждений об опасности в этом районе. Существовал вполне реальный шанс, что черный корабль был приманкой, которую послали завлечь "Энтерпрайз" к кому-то, кто жил в глубинах Перекрестка — к кому-то, кто был причиной странных изменений в показаниях приборов и знал спектр энергии, неизвестной в наши дни (из-за отсутствия лучшего термина его называли аномалиями Тертлдава — по имени его открывателя).

Спок, имевший превосходный слух вулканца, удивленно поднял брови. Больше никто не услышал. Черный корабль впереди опять повернулся, на этот раз держа курс в глубину космоса, прочь от опасностей туманности и запретной системы Тау Лиры. Барроу развернула "Энтерпрайз" вокруг, сокращая дистанцию еще больше. Кирк пробормотал Маккою: — Если они думают, что могут оторваться на такой скорости, хотел бы я на это посмотреть... Мистер Спок, имена всех звездолетов Федерации не на службе...

— Согласно последним данным "Конstellейшн", "Вэлиент" и "Интрепид" были уничтожены — есть убедительные доказательства их уничтожения. В действительности, — вулканец выпрямился и бросил взгляд мимо Кирка на темное изображение на экране, — никогда не было случая, чтобы звездолеты конституционного класса просто исчезли без следа.

— Черт, так кто же они тогда? — спросил Маккой, и Спок снова поднял бровь.

— Я полагаю, это риторический вопрос, доктор.

— Они теряют энергию, сэр, — вмешалась Барроу, и Кирк заметил, что красноватое свечение других машинных систем явно потускнело. — Сенсоры показывают, что внутренние системы могут быть повреждены. Хотя сказать трудно, там какая-то необычная защита.

— Частота для переговоров открыта, капитан

Кирк включил микрофон. — Теперь давайте посмотрим, что они скажут сами.

Сигнал был плохим, он тонул в помехах. Кирк придавал своему голосу необходимую жесткость, что давало больше шансов быть услышанным, и сказал: — Это Джеймс Т. Кирк, капитан звездолета "Энтерпрайз" Объединенной Федерации планет. Вы нарушаете правила флота Федерации и Первую Директиву Федерации. Пожалуйста, сообщите идентификационный код, ваше имя и свое занятие на территории Федерации.

Помехи усиливались, заполняя весь мостик неприятным хрустом. В течение долгой минуты было тихо, хотя Кирк чувствовал, что его слышали, как будто он мог видеть кого-то, стоявшего там же, где стоял он сам, на затемненном мостике судна, силуэтом выделяющегося на фоне светлой завесы движущейся пыли.

— Они нас слышат? — спросил он мягко.

Махейз дотронулась до коммуникатора в ухе. — Должны.

— Если их энергия истощилась, — предположил Спок, бросив короткий взгляд на свой экран, — системы жизнеобеспечения могут быть значительно поражены. Последние передачи от "Харриет Тубман" отмечали не только уменьшение энергии, но и серии необъяснимых энергетических волн и перегрузок, когда они уходили от самой туманности.

— Ну что ж, тогда там кто-то живой, — вдруг сказала Барроу. — Они бегут от этого.

На переднем экране черное судно накренилось и пошло вниз, пытаясь нырнуть под "Энтерпрайз" и уйти прочь в безопасность. Кирк резко сказал: — Достаньте их тяговым лучом, мистер Дикстра! — а Барроу как раз сжала руль и бросила звездолет вниз на беглое судно, подобно ножу гильотины. Неизвестный корабль сменил направление, накренился, пытаясь уйти из границ захвата луча. Но его резервы были истощены, его пилот — на пределе выносливости.

— Мы достали их, капитан, — сообщила Барроу.

— Тогда держите луч, — сказал Кирк. — Пусть они нас немного побуксируют.

Двигатели темного корабля осветились, вспыхивая неровным пламенем. Потом в

кабине плеснулся огонь, и их яркость поблекла от красного до коричневого, в то время как внутреннее тепло сочилось в холодный мрак вакуума. Спок сообщил: Внутренняя энергия корабля исчерпана. Работа систем жизнеобеспечения остановлена.

Кирк склонился к передатчику в подлокотнике кресла и еще раз сказал, перекрывая морской грохот помех: — Это корабль Федерации "Энтерпрайз", повторяю, это "Энтерпрайз". Приближаюсь.

— Они дрейфуют, капитан, — сообщила Барроу. — Машины мертвы.

— Может быть, не только машины, — добавила Махейз мягко.

— Есть данные хоть о какой-то жизни? — взглянул Кирк на Спока.

Буква V в изогнутых бровях вулканца углубилась. — Неясно, капитан. Этот корабль, как заметила лейтенант Барроу, очень сильно — а скорее даже чрезмерно — защищен. Кроме того, показания, которые я получаю, крайне необычны и искажены из-за радиации мю-спектра, которая создается в самом корабле.

— Мю-спектр? — Лао резко поднял глаза от пульта управления оружием. — Но ведь это... — Он остановился сам, осознав, что прервал беседу своего начальства.

— ...весьма характерно для аномалий Тертлдава, — закончил Кирк задумчиво.

В это время, перекрывая шум помех, раздался голос мужчины, который хрипло, с напряжением, словно он боролся за глоток воздуха, сказал: — Федерация...

— Вы целы? — требовательно спросил Кирк. — У вас серьезные повреждения. Готовьтесь к сдаче.

— Нет, — прошептал голос. Раздался другой звук, кажется, другой голос, и сильное шипение пара.

Шумит охлаждающая жидкость на пульте, подумал Кирк. Должно быть, прорвало все системы на мостике. Помехи достигли максимума, затопляя измученный голос, который, задыхаясь, повторил: — Никогда...

Кирк обменялся взглядом со Споком. — Цианотическая дезориентация?

— Или муки нечистой совести, — вставил Маккой.

На экране перед ними вновь пронзительно оранжево вспыхнули гаснущие машины черного судна. Кирк сквозь палубу ощутил вибрацию тягового луча, когда чужой корабль делал свою последнюю, бесполезную попытку вырваться на свободу. Потом краткая вспышка затихла.

Кирк стукнул по кнопке коммуникатора. — Мисс Органа, подготовьте команду для высадки. Полная боевая и внешняя защита. Доктор Маккой, достаньте для себя и сестры Чейпл все необходимое и нагоняйте нас... — Он ударил по кнопке линии внешней связи. — Неизвестному кораблю — мы собираемся к вам на борт и снимем вас, если вы не против, — сказал он.

Было тихо. Кирк кивнул Маккою, который направился к выходу с мостика. В это время с мучительной медлительностью по подпространственной связи снова заговорил голос. — Сдаюсь, — сказал он хрипло. — Телепортируйте нас... Координаты...

Кирк был уже на ногах, говоря по линии связи с транспортаторной. — Определите их местоположение; я спускаюсь. Охрану ко второму транспортатору. Мистер Уинфильд, примите мостик.

— А в каких-либо стандартных предупреждениях об опасности в этом районе есть хоть что-то...ну...насчет этого?

Вопрос Лао разорвал тревожную тишину, которая стояла в турболифте, пока в его темном обзорном окне быстро мелькали освещенные полосы этажей. Кирк, погруженный в собственные размышления, посмотрел на него с краткой вспышкой удивления: Лао всегда на высоте, так что его работа с компьютерами и очевидные способности в физике и механике иногда заставляют забывать, насколько он молод и неопытен.

Забавная штука, думал Кирк, быть наставником. Конечно, это не заставило его почувствовать себя старым, но заставило понять, как далеко ушел он сам за почти пять лет в миссии "Энтерпрайза". Это наконец-то заставило его осознать, что если в начале ее ему было

всего тридцать четыре, то сейчас осталось не так уж много месяцев до сорока.

— Нет... по существу.

Лао опустил брови, расстроившись. Спок объяснил: — Стандартные предупреждения в этом секторе рассматривают вероятность неожиданностей. В пределах пяти парсеков от любого доказанного или возможного места аномалий может быть высокое процентное соотношение необъяснимых событий: на 7 % увеличиваются компьютерные нарушения, не обусловленные ошибками оператора или механики; на 4 % увеличиваются статистические колебания во всех биохимических экспериментах.

— И больше всего происшествий с вторжениями яггхортов, — сказал Кирк тихо, которые тоже, кажется, имеют место в пределах пяти парсеков до мест аномалий.

Лао вздрогнул. С ним это тоже может случиться, подумал Кирк. Сам он яггхортов никогда не видел — некоторые приписывали это название какому-то любителю древних книг Г.П.Лавкрафта в Звездном Флоте, хотя были некоторые доказательства в пользу иного происхождения — но он бывал на борту судов, которые были ими заполнены, и помогал доставать останки членов команды из вентиляционных труб и проходов, где эти твари обычно хранили свою добычу.

И он видел эти записи. Он был уверен, что за прошедшие несколько недель все на корабле просмотрели эти ленты и прочитали сообщение об исчезновении "Тубман". Даже лучшие из них, найденные в сброшенной гондоле восьмого сектора, были нечеткими; они были сделаны после того, как вылетели все системы корабля; так что скелет, светящаяся голова, похожая на кальмарью и мокрые щупальца были освещены лишь горящим двигательным отсеком неизвестного торгового судна. Но сам их вид — безглазые, шипящие, извивающиеся, пока их разорванные тела раскрывались, словно разрезанные огромной бритвой — был источником кошмаров, которые, похоже, сбежали из мрачайших уголков преисподней.

— Ведь сквозь нашу защиту никто не смог бы проникнуть, правда? — Лао постарался, чтобы голос звучал очень твердо. — Мне кажется, звездолеты этого класса почти непроницаемы для любого воздействия, да?

Дверь перед ними скользнула в сторону на уровне холодных даже при свете коридоров седьмой палубы, открывая яркие униформы мужчин и женщин из второй группы охраны, которые занимались своей работой.

— Энсин, — сказал Кирк, — первое, что вы должны понять о глубоком космосе ничто не защищает от всего, что в нем есть, и второе — то, что мы можем вообразить, это совсем не то, что есть на самом деле.

Глава 2.

Золотое мерцание лучей в комнате уже застывало в фигуры гуманоидов, когда Кирк, Спок и энсин Лао вошли в третий транспортатор. Доктор Маккой и Кристина Чейпл были уже здесь, они вытаскивали разборную каталку из намагниченной стенной панели. Шприцы для триокса, адреналин и антишок уже были вытащены. Мистер ДеСолл тоже был здесь с парой крупных краснорубашечников. На транспортаторном пульте с мистером Маккайлом — который вносил изменения, учитывающие специфику защиты на черном корабле — находился мистер Скотт, отметивший: — Их всего шестеро, капитан.

— Но это не значит, что они не уйдут, стреляя. — Кирк изучал экипаж беглецов. Помимо всего, эти люди готовы были предпочесть смерть в холоде космоса капитуляции перед Федерацией. Это было аргументом, как сказал Маккой, в пользу нечистой совести.

— Фазеры на оглушение, мистер ДеСолл.

Сверкающие золотые колонны слились в одно целое.

Во всяком случае, гуманоиды.

Сестра Чейпл сделала произвольный шаг вперед.

Один из беглецов, юноша-подросток с Вулкана, был без сознания, его поддерживал невысокий худой мужчина в центре группы. Этот человек сделал быстрое движение, но поспешно удержал его, словно человек, не желающий испугать уже испуганное и потенциально опасное животное, поскольку Чейпл приостановилась. Остальные члены вновь прибывшего экипажа прикрывали оборону, но Кирк инстинктивно знал, что тот худой, неприметный индивидуум с обожженными руками и в мешковатой обгоревшей одежде их лидер.

Кирк шагнул вперед. — Вы находитесь под арестом по подозрению в пиратстве. Я капитан Джеймс Т. Кирк; вы на борту звездолета Федерации "Энтерпрайз".

Меньше всего он ожидал такой реакции. Один из них — долговязый, с темными, жесткими от пота волосами, — хрипло захохотал, словно у него сдали нервы. Женщина с Ориона с соблазнительной фигурой удивленно расширила глаза и поглядела на другого члена команды, невысокого, смуглого и похожего на ангела, который начал говорить с выражением протеста в глазах.

Капитан беглецов сказал: — Не сейчас, Тэд.

Высокая клингонка позади него шагнула вперед и положила руку на талию лежащего без сознания юноши-вулканца, чтобы поддержать его.

Командир выставил вперед руки, чтобы показать, что они пусты. — Я Дилан Ариос, — сказал он. У него были зеленые волосы, которые прядями свисали вдоль выступавших скул и правильно очерченной хрупкой челюсти. Измененный оттенок кожи вокруг внимательных зеленых глаз, пятна на бинтах, которые украшали его пальцы и запястья, говорили об инопланетной крови.

Маккой поднял глаза от своих приборов. — Давайте этого парня на каталку, коротко распорядился он, и после минутного колебания — и кивка Ариоса клингонка почти перетащила мальчика-вулканца вместе с Чейпл, которая поднялась на транспортную платформу, чтобы помочь.

Трое оставшихся у платформы — девушка с Ориона, в которую Лао и другие мужчины в комнате вглядывались с искренним восхищением; молодой человек, которого называли Тэдом; и высокий мужчина с лицом, покрытым шрамами, который смеялся — взволнованно переглянулись между собой, словно собираясь заговорить, но Ариос снова предостерегающе поднял руку и сказал: — Не сейчас. — Это его голос, этот слабый, скрипучий тенор, Кирк слышал сквозь рев помех с мостика черного звездолета. Обернувшись к Кирку, тот объяснил: — У нас была утечка во вспомогательном реакторе. Наш медицинский отсек пропал.

— Это весь ваш экипаж? — Маккой отрегулировал кислород у воскового лица юноши, быстро пробежался сканером по груди и отметил опасный уровень токсинов в крови, шок, травму, истощение. — Всего шестеро?

После мгновенного колебания Ариос кивнул. — Остаься с Шарнасом, Фил, сказал он, и высокий мужчина сошел с платформы.

— Будет сделано, мастер. — Он сам держался за угол каталки, чтобы не потерять равновесия, но пошел незамедлительно.

Пока Чейпл разворачивала каталку к двери турболифта, а Фил шел за ней следом, ДеСолл бросил взгляд на Кирка; Кирк кивнул и ДеСолл подал знак одному из краснорубашечников присоединиться к маленькой процессии к корабельному лазарету.

— Мы не различали вас, — пояснил Ариос, сложив руки на груди и отходя назад, когда Маккой направил сканер в его сторону. — В туманности нас атаковал корабль, который мы толком не разглядели. Он вывел нашу оптику из строя, поэтому у нас были только ваша масса и показатели мощности, а они были близки к его. Энергия у нас почти иссякла. Оставалась только скорость.

— Вы не могли... — начал Лао, но Кирк сделал ему знак замолчать.

Кирк кожей чувствовал, что этот человек лжет, и знал, что на вопрос, почему Ариос отказался от капитуляции даже после того, как его преследователь был идентифицирован как

представитель Звездного Флота, он получит очередную ложь. И сказал только: — Я понимаю. — После его кивка ДеСолл и оставшаяся охрана вышли, захватив с собой оружие.

Ариос сделал жест перебинтованными пальцами, похожими на узловатые стебли травы, в сторону других, все еще стоявших в комнате. — Адайя с Ориона, представил он. — Ракша...

— Очень рада, — прошептала клингонка, угольно-черные глаза которой испытующе осматривали не только комнату, но и людей в ней, словно она решала в голове какую-то математическую головоломку. Изменник? спрашивал себя Кирк. Или сторожевой пес для настоящих мастеров, как бы там экипаж Ариоса его не называл? Мальчик-вулканец — Кирк не думал, что это ромуланец — выглядел слишком юным, чтобы быть предателем, но это было вполне в пределах возможного.

— Таддеус... — возникла мгновенная пауза, в течение которой Ариос почти явно выуживал имя... — Смит. — Ангелоподобный юноша открыл было рот для протеста, но Ракша резко толкнула его коленом в ногу. Всю остывшую часть беседы Кирк краем уха слышал, как Тэд повторял про себя имя Смит, чтобы запомнить его.

— Имя вулканца — Шарнас Т'Гаи Кир — его акра-имя, конечно.

Его настоящее имя, догадывался Кирк, как и у мистера Спока, произнести было бы совершенно невозможно. Он с интересом увидел резко поднятую левую бровь своего офицера-исследователя с Вулкана, но, уловив намек капитана, тот никак это не прокомментировал. Кирк подумал, что у мистера Скотта, закончившего уже повторную проверку показателей пульта, нашлось бы что сказать; за инженером наблюдала Ракша, женщина с Клингона, настороженно осматривавшая каждую деталь в комнате вокруг. Самому Кирку были интереснее все остальные: поведение Адайи, которая жалась к Ариосу, и едва сдерживаемый ужас в глазах Тэда.

— С Шарнасом остался Фил Купер, — продолжал Ариос. — Мой навигатор и суперкарго. Мы свободные торговцы.

В Звездном Флоте говорили: "Любой контрабандист — свободный торговец для своих друзей". Но снова Кирк только кивнул. В такой разномастной одежде (не говоря уж о присутствии клингонки и вулканца в одном и том же экипаже) эта потрепанная толпа, конечно, могла быть и свободными торговцами, но им не хватало типичного для свободных торговцев духа бесприютности и легкомыслия. И пусть даже черный корабль мог везти контрабандой какой-то товар — что именно, Кирк собирался выяснить при первой же возможности — но инстинкты говорили ему, что там затевается что-то еще.

Мистер Скотт сказал мягко: — Для свободных торговцев у вас самые странные показатели двигателя, которые я только видел, — но несмотря на взгляд, брошенный Ракшей искоса, Ариос притворился, что не слышит.

— Ты можешь пообщаться с ними сейчас, Джим, — сказал Маккой, сделав записи о показаниях сканера и положив инструмент обратно в упаковку. — Но я хочу видеть всех этих людей в корабельном изоляторе в течение двух часов. — Ракша резко повернула голову, чтобы посмотреть через плечо доктора на его трикодер, задумчиво сощулив темные глаза.

— Мы нашли этот корабль брошенным на краю туманности Перекресток, — сказал Ариос, следуя за Кирком, немного прихрамывая, из транспортной комнаты в комнату для совещаний, следующую за гауптвахтой. ДеСолл и его ребята ненавязчиво следовали сзади. — Его идентификационный код и пароли были уничтожены. Мы назвали его "Наутилус".

Кирк узнал имя первой атомной подводной лодки Земли и сделал вывод, что, как и он сам, кто-то на борту является горячим поклонником военно-морской истории прежних времен. Наверное, размышлял он, это окажется Фил Купер. У этого молодого человека, несмотря на его потрепанную самодельную одежду, еще явно была заметна военная выправка,

— Когда это было?

Дверь перед ними скользнула в сторону.

Ариос и Ракша следовали за Кирком по пятам, но Кирк с интересом отметил, что Таддеус и Адайя колебались, поглядывая, во-первых, на двух армейских офицеров охраны позади себя, а затем, словно для поддержки, на своего мастера. Девушка с Ориона была взвинчена, готова бежать или сражаться, словно дикая кошка. Таддеус был откровенно, почти трогательно напуган, его темные глаза бегали туда-сюда, словно у зверька в ловушке, а по пухлым щекам стекал пот. После кивка Ариоса он проскользнул в комнату и занял место рядом с Ракшей, которая рассматривала экран в центре стола, стараясь делать это очень незаметно.

Кирк занял место во главе стола, мистер Спок — слева от него, Ариос справа, Скотт — рядом со Споком, а Лао — в дальнем конце стола, с магнитофоном и бортовым журналом. Дверь беззвучно скользнула, закрываясь, и ДеСолл со своими людьми сделался таким незаметным, как могут только телохранители. Кирк коснулся сигнальной кнопки под столом, чтобы запросить дополнительную охрану и снаружи, за дверью. Он почувствовал, что оба, и Ариос, и Ракша знали, что он сделал.

Тщательно выбирая слова, Ариос сказал: — Мы нашли "Наутилус" четыре, может пять дней назад. — Кирк почти слышал его рассуждения о том, что это случилось слишком недавно, чтобы сообщить о находке властям.

— И вы оставили свой собственный корабль?

— Мы вели его на буксире до тех пор, пока нас не атаковали в Перекрестке. — У Дилана Ариоса был совершенно восхитительный вид полнейшей невинности, Кирк такого не встречал со времен своей последней стычки с грозным мошенником Грязным Гарри. — Наш кормовой тяговый луч погас и мы его потеряли.

— Мы наблюдали за Перекрестком в эти дни, — сказал мистер Скотт, складывая руки и продолжая внимательно наблюдать за Ракшей. — Голову даю на отсечение, что туда никто не лез, да и оттуда некому выбираться, всякий знает.

Ариос только покачал головой. — Мы его ни разу четко не видели, — сказал он. — Первый выстрел был неизвестно откуда и вывел из строя нашу оптику. После этого мы бежали вслепую.

— И в поисках убежища вас занесло к Тау Лиры III?

Он уловил взгляд, которым обменялись Ракша и Адайя, увидел, как расширились глаза у девушки с Ориона. — Что...?

— Мы не были уверены, — голос Ариоса плавно перекрыл ее.

Кирк резковато сказал: — Система Тау Лира отмечена на любой звездной карте и в руководстве для компьютера на любом корабле Флота. И отмечена, кстати, как находящаяся под защитой. Предупреждения посылаются буями — вы пересекли их первую линию. Высадка на третью планету, ее орбиту или орбиты других планет в системе, или приближение к внутренним планетам системы любой цивилизации, выходящей в космос, даже в случае угрозы, связанной с опасностью для жизни, может быть истолковано как нарушение Директивы Невмешательства. Если вы получили подготовку, достаточную, чтобы вести звездолеты любого типа, вы должны это знать.

Ракша иронически скривила губы; Адайя нахмурилась с недовольным видом. Таддеус начал, озадаченный: — Но Федерация...

— Заткнись, Тэд, — резко оборвала Ракша, и Кирк пристально посмотрел на молодого человека, которого так резко прервали.

— Федерация? — подсказал он.

Тэд пожал плечами с простодушной улыбкой. — Я забыл. Извините. Я только подчиненный.

Кирк повернулся назад, молча изучая Ариоса. — Имя и идентификационный номер вашего собственного корабля?

— "Антилопа", — сказал Ариос, чьи глаза были испытующе прикованы к лицу Кирка.

— Регистрационные номера?

Ариос не ответил. Чуть погодя Спок поднял глаза на центральный терминал и сказал:

— В документах Звездного флота нет сообщений о кораблях с таким именем.

Наблюдая за их лицами, Кирк увидел, что Тэд испугался, а Адайя смутилась. Ракша скривила рот с выражением, напоминавшим удовлетворение, словно пророк, что возвестил гибель города и видит, как он горит перед ним.

Тэд начал протестующим тоном: — Но, мастер, это... — и получил резкий взгляд от Ракши.

Взгляд Кирка снова вернулся к капитану беглецов, еще раз отмечая странное, чужеродное строение тела, выглядевшего так, словно в нем было больше суставов, чем должно быть, травянисто-зеленые волосы. — У вас есть какое-то объяснение этому?

Зеленые глаза встретились с его; затем Ариос покачал головой. Его ресницы тоже были зелеными. — В данный момент нет.

— И даже тому факту, что ни один корабль Звездного флота не числится пропавшим?

— Параллельная эволюция? — язвительно выдвинула предположение Ракша, а Тэд начал: — Какая параллельная...?

Ариос сделал им обоим знак замолчать. — Я и сам не понимаю, — сказал он, отлично имитируя искренность. — Но мы нашли этот корабль брошенным. Мы не могли ошибиться.

Тэд заметно испугался, а Адайя стала старательно крутить браслеты с драгоценными камнями, чтобы должным образом расположить их на своих тонких запястьях; клингонка, заметил Кирк, наблюдала за людьми вокруг стола с выражением мрачного неодобрения. Он бы многое отдал, чтобы узнать, почему.

Ариос спокойно продолжил: — Если вы хотите задержать нас и проверить записи о преступлениях в Федерации, пожалуйста, это ваше дело...

Тэд побледнел, но ничего не сказал.

— ...но вы не найдете никаких записей ни о ком из нас.

Кирк прищурился. — Может быть, их нет, — сказал он. — Но сейчас вы задержаны в связи с расследованием по поводу пиратской деятельности и по подозрению в нарушении Первой Директивы. Мистер ДеСолл...

Начальник охраны вышел вперед и Ариос встал, сделав знак остальным делать то же самое.

— Разместите капитана Ариоса и его экипаж на гауптвахте. Сообщите доктору Маккою, чтобы он их посмотрел, с соответствующей охраной. Мистер Спок, приготовьтесь пойти со мной на этот корабль...

— НЕТ! — Ариос, Ракша, Тэд и Адайя, вскочив, почти опрокинули свои стулья; Ариос непроизвольно поймал Кирка за рукав. Потом четверка экипажа "Наутилуса" нерешительно переглянулась, не вполне понимая, что говорить дальше.

— Возможно, это не слишком хорошая идея. — Ракша небрежно оперлась на край стола, пытаясь сделать вид, что никто не заметил тревоги и ужаса в ее глазах. — У нас были неприятности с встроенной системой защиты корабля. Там сплошные мины-ловушки...

— ...и вонь от испарений реактора, — живо добавила Адайя, отцепив локон цвета воронова крыла, в котором запуталась серьга.

— Капитан Кирк, — сказал Ариос, — я бы не советовал этого делать. — Руку, которую он положил на плечо Кирка, словно собираясь насильно оттащить того от двери, он уже убрал, но Кирк видел, как дрожат от изнеможения и напряжения перебинтованные пальцы. — Как и говорит Ракша, взойдя на борт, мы нашли несколько весьма неприятных сюрпризов встроенной защиты. У нас почти не было времени даже обследовать корабль, не говоря уж о том, чтобы обезвредить хотя бы половину того, что мы уже нашли. Если вы собираетесь на борт, возьмите меня с собой.

Кирк долго изучал его, пытаясь понять, что за страх видит в зеленых глазах мастера. Он отметил, что и Ракша, стоявшая позади, утратила свой вид циничной отрешенности; это тоже был страх. Что-то страшнее, чем обнаружение контрабанды? И какая контрабанда стоила бы смерти от холода и удушья на умирающем корабле?

Чего же они боятся?

— Я приму это к сведению, — сказал Кирк задумчиво. — Мистер ДеСолл, проводите их.

— Обещайте. — Ариос вырвался из рук ДеСолла. — Не поднимайтесь на борт "Наутилуса" без меня или Ракши. Пожалуйста.

— Заприте их, — сказал Кирк, — Ракшу и Ариоса в отдельные камеры; Адайя и Тэддеус могут остаться вместе. — Оба они взглянули на него с ужасом, а Адайя даже отодвинулась в угол, словно хотела с этим поспорить. — Мистер Спок? — Он повернулся к вулканцу, пока экипаж "Наутилуса" выводили из комнаты для совещаний.

Мистер Спок, в то время как все остальные сгрудились около двери, остался на месте, щелкая один за другим информационными экранами через терминал на столе. Теперь, когда все остальные ушли, он поднял глаза, и рассеянный голубой свет подчеркнул необычную лепку его лица.

— Никаких сообщений о кораблях — Федерации, свободных торговцев, союзников — которые назывались "Антилопа", — сообщил он. — По предварительным данным, нет сообщений о пропаже каких-либо звездолетов, а также о частично построенных, но недоукомплектованных звездолетах, пропавших без вести. Анализ наружных обводов "Наутилуса" показал наличие самых последних разработок в конструкции звездолета. У мужчин, называющих себя Фил Купер и Таддеус Смит, не найдено никаких отклонений ДНК или сетчатки глаза; о женщинах с Ориона и Клингона, естественно, никакой доступной информации; предварительный сканнерный анализ капитана Ариоса показал, что он — гибрид человека и какойто неизвестной инопланетной расы. А Т'Гаи Кир, — добавил он, соединив перед собой длинные пальцы, — является моим родственником, и в настоящее время право использовать это имя, включающее имена пяти прародителей в возрасте более 250 лет, имеют матриарх, четыре ее дочери и сын — он в Вулканской Академии Наук, ему 47 лет, он не женат, и его зовут не Шарнас.

Глава 3.

— Сейчас пусть он лучше отдыхает. — Кристин Чейпл взяла свой журнал, чтобы отметить показания диагностического прибора над головой спящего юноши вулканца, проверила, поступает ли нужная доза антишока, и вновь вернулась к долговязому молодому человеку, который дремал в кресле напротив стены.

Фил Купер резко дернул головой. Его сон пропал. — Хорошо. — Он потер рукой небритое лицо. — Видит бог, ему пришлось хуже всего, когда взорвались катушки. По крайней мере, все остальные были на мостике.

— Что же он делал внизу, в инженерном отсеке? — спросила Чейпл мягко. Даже в глубоком сне, вызванном снотворными, тень боли омрачала веки в синяках и необычной формы губы юноши. Его волосы, (их длины хватало, чтобы заплести их в плотно прижатые к вискам косы), обрамляли лицо, желто-зеленый оттенок которого делал его похожим на мистера Спока, когда Спок болел.

— Я слышала о юношах-помощниках инженеров, но ему ни в коем случае не стоило находиться там в одиночку.

— Нет... То есть да... То есть... Шарнас... он из тех... Ну в общем, ему пришлось быть там. — Купер устало покачал головой. — Наш инженер — это Дилан, мастер — но, понимаете, ему надо было быть на мостике. Последние два года он заставлял машины работать чуть не на честном слове, но проходить через Перекресток — это было словно скатиться с горы в бочке с булыжниками. — Он снова потер лицо дрожащей от усталости рукой. Он и сам плохо выглядел, его брови и темная щетина бороды казались чернее на фоне бескровного, изможденного лица.

Чейпл никак не прокомментировала противоречия между мастером, который заставлял машины работать чуть не на честном слове последние два года, и утверждением самого мастера, что он нашел черный корабль четыре дня назад, как полузасыпанную песком на

пляже бутылку.

— Сестра Чейпл, — из двери соседней лаборатории вышел Маккой с листами цветных цифровых фотографий внутренних органов в руке и выражением озадаченности на лице. Он приостановился на мгновение, изучая Купера, а затем сказал: — Думаю, вам нужно немного привести себя в порядок, мистер Купер.

Купер махнул рукой. — Я в порядке. — Он моложе, чем выглядит, подумала Чейпл, изучая его лицо в профиль. Серые глаза были уже окружены сетью глубоких морщин, как от смеха, а в жестких коричневых волосах виднелась седина.

— Черта с два. — Маккой передал Чейпл пачку бумаг и поднял сканер. Купер напрягся, словно готовился к атаке, несмотря на то, что его физические силы были на пределе. — Приборы показывают, что вы страдаете от отравления низкорadioактивным радоном и находитесь на грани шока из-за травмы. А также ожоги — и некоторые из них весьма сильны...

Молодой человек отступил назад, когда Маккой направился к нему, и снова сказал: — Я в порядке. Мастер велел мне позаботиться о Шарнасе...

— О Шарнасе позаботимся мы, — сказал Маккой твердо. — Это наша работа. Вам нужно отдохнуть, и если для этого понадобится инъекция лексорина, я это сделаю.

Чейпл, которая рассматривала верхние кадры из пачки бумаг, в замешательстве подняла голову. Это были данные по нервной системе вулканца, получанные — судя по показателям биоэлектрической активности синапсов — прежде чем начали действовать антишок и релаксанты.

Но ей бросилась в глаза вовсе не туманная галактика работающих синапсов. Среди розового и голубого цвета нервов позвоночного столба видны были белые участки, выключенные из работы — они тянулись от клеток костного мозга и до коры головного мозга.

Купер, который встал на ноги, когда Маккой пошел к нему, снова сел на лабораторную табуретку, на которой сидел раньше, но все еще, похоже, был готов напасть, оказись Маккой в пределах досягаемости его рук, чего, как отметила Чейпл, доктор предусмотрительно не делал. Для человека, который вел себя так, словно говорил Ерунда-я-всего-лишь-сельский-доктор, за четыре года на "Энтерпрайзе" у ее коллеги выработался прекрасный инстинкт самосохранения.

Маккой взглянул на трикодер, и его голубые глаза сузились и отвердели. Повернитесь, — приказал он.

Купер только настороженно посмотрел на него.

— Повернитесь, — повторил Маккой. — Я хочу посмотреть, что там у вас на шее. У вашего друга это тоже есть... — Он кивнул в сторону спящего вулканца, — и судя по предварительным данным, у капитана Ариоса, так что поворачивайтесь и дайте мне взглянуть, или я зову сюда старшину Вольфмана и вас повернет он.

Рука Купера скользнула вниз и сжала ножку стула, и на какое-то мгновение Чейпл, прикидывая расстояние до кнопки тревоги, которая вызвала бы офицера охраны из соседней комнаты, решила, что он им сейчас замахнется. Маккой не шевельнулся, даже глаз не отводил от пациента. Потом Купер расслабился и тихо сказал: — Какого черта... Вы, наверно, все равно догадались.

Он повернулся на стуле, наклонил голову и обхватил руками грудную клетку. Там, где его черные волосы были разделены на пробор и падали по обеим сторонам согнутой шеи, Чейпл увидела цепочку рваных Х-образных шрамов и тусклый отблеск металла, проступающий сквозь кожу.

— Это наследство Флота, — сказал Купер тем же низким, покорным голосом. Мастер не дает им зарастать и обрывает рецепторы каждые два месяца. Он делает это также и для Шарнаса, как может. — Он чуть склонил голову, и несмотря на пот, что внезапно выступил на лице, и на мелово-серый цвет губ, в глазах мелькнула вспышка цинизма. — Но если вы хотите узнать мое настоящее имя и номер идентификационного кода Звездного флота, вам

нужно всего лишь просмотреть данные ДНК.

Маккой уставился на него в замешательстве. — Вы хотите сказать, что это сделал с вами Звездный Флот?

— Уж всяко не феи при моем крещении. — Купер повернулся и снова прислонился плечами к стене. Его глаза закрывались; он резко встряхнул головой, чтобы не задремать. — Как еще они заставили бы людей вроде нас этим заниматься?

Маккой бросился вперед, когда Купер начал соскальзывать в сторону; Чейпл отбросила карты и шагнула, чтобы ему помочь. Навигатор "Наутилуса" даже не открыл глаз, пока Чейпл и Маккой несли его на кровать; Маккой достал шприц и ввел антишок, потом проверил показания трикодера и сказал: — Возьмите по пузырьку мазиформа и далпомина и ожоговый комплект.

Когда Чейпл вернулась, Маккой перевернул пациента и разрезал его рубашку, обнаружив, как и предполагал, что сведения о травме были вызваны двумя длинными, покрытыми волдырями ранами на теле, которые тянулись от правого плеча Купера вниз по спине, а ожоги — результат падения на разорванные электрические кабели. Пока она помогала Маккою заменять самодельные бинты, которые кто-то наложил еще на "Наутилусе", ее взгляд снова возвращался к полузажившим следам ран и шрамов, которые тянулись от первого грудного позвонка до шейного и прятались в мокрых от пота волосах.

— Звездный флот... — мягко сказала она. — Доктор, но ведь эксперименты по неврологическому контролю — если это они — незаконны.

— Даже если это не они, — ответил Маккой, распыляя траумекс на область ожогов и артистично разрезая повязку, — эти имплантанты настолько далеки от всего, о чем я когда-либо слышал, что я не уверен даже, как они работают. Для него это просто — я собираюсь еще раз его обследовать, пока он отключился — но если верить индикатору, все это идет прямо к мыслительным центрам мозга этого парня. Одному богу известно, для чего они нужны.

Он шагнул назад, обозрел своего пациента, затем повернулся и глянул через плечо на скачущие золотистые треугольники данных над затихшей фигурой вулканца.

— Но он либо столкнулся с инопланетной цивилизацией, которая убедила — или запрограммировала — его солгать... либо в Звездном Флоте происходит что-то очень странное.

Одетый в черный, облегающий спортивный костюм, с мокрыми от пота черными волосами, которые падали на глаза, рулевой первой смены "Энтерпрайза" очень сильно отличался от того, как обычно выглядел на мостике.

Тау Лира III.

Статус — 1 уровень защищенности

Самый высокий технологический уровень — электричество на 3 уровне

Общий технологический уровень — пар на 5 уровне

Цивилизация класса К — объединение разнообразных типов

Тип планеты М

Культурные зоны -20

Радио лингвистический индекс -8

Климат — умеренно-полярный/тропический

Лес занимает 45 %

Вода занимает 73 %

Разумные цивилизованные виды -1

Разумные нецивилизованные виды — 2–4 (?)

Вся информация основана на показаниях автоматических зондов (ЗД 1547.8, 1790.11, 2018.3)

Планета Тау Лира III была отмечена как возможный протекторат в 1798.9 году по Звездному Исчислению на основе радиосигналов, ей был предоставлен первый федеральный уровень защищенности, стандартная зона приближения установлена по области комет.

(Смотри протоколы Комиссии по Первой Директиве, Совет Федерации, 9-7-2261, и публикации 2261.1). Разумные цивилизованные виды называют себя Йоны, а планету в радиовещании называют в основном Йондри. (См. отчет № 3 об анализе радиовещания на Тау Лира III). По мнению доктора Феншана Кзница из вулканской Академии Наук, анализ радиосигналов затруднен из-за возможного наличия в языке телепатического компонента. На протяжении 12 стандартных лет никаких конфликтов не наблюдалось, а автоматические зонды не нашли свидетельств глобальных военных действий по меньшей мере в течение последние 50 лет, а возможно, в два-три раза дольше. Нет также серьезного технологического прогресса, который можно отметить или наблюдать, хотя из-за телепатической составляющей языка определить это сложно.

Тау Лира не представляет стратегической, военной или коммерческой важности. Местоположение может быть использовано, если будет необходимо наблюдать за туманностью Перекресток, но искусственная станция в кометных полях осуществима, по крайней мере, с экономической точки зрения, в зависимости от культурной восприимчивости Йонов.

Стандартные предупреждения относ ятся ко всем планетам системы. Смотри журнальные статьи...

— Так чего бы им там понадобилось? — спросил мистер Сулу, щелкая экраном и выбирая из программы вполне определенные файлы, касающиеся стандартных предупреждений, Положений об Опасности и "Харриет Тубман".

Навигатор Павел Чехов вернулся от раздаточного автомата из комнаты отдыха, балансируя тремя чашками кофе в руках. — Не повезло нам — не в наше дежурство это случилось.

Он покачал головой, и изящная лейтенант Ухура в ярком трико для разминки, заметила: — Тони и все остальные уже, должно быть, час как закончили. Можно спросить у них.

Кристина Чейпл в дальнем углу почти пустой комнаты отдыха явно почувствовала взгляд молодого навигатора, но Ухура подняла тонкий палец, удерживая Чехова от любых вопросов, которые он мог ей задать. Она была благодарна за это. Гипотезы Маккоя — и ее собственные, по поводу того, что сказал Купер, данные, которые она получила с индикаторов и при дельта-сканировании двух незнакомцев в изоляторе — все это ее сильно беспокоило.

Четыре года Звездный Флот был ее домом, единственным, который у нее остался. Здесь были ее единственные друзья — и мужчина, которого она любила. Она спрашивала себя, как эта информация — и двусмысленные возможности, которые выявили их обрывочные гипотезы — скажется на ее выборе, который был все ближе и ближе.

Она устало смотрела на экран.

Возвращение к гражданскому статусу?

Да Нет

Цель после увольнения?

Сан-Франциско — Земля

Альфа Мемори

Вулкан — Центральный порт

Другое

Выбор перевода по службе?

На планете (список некоторых дополнительных файлов в порядке предпочтения)

Не на планете (список некоторых дополнительных файлов в порядке предпочтения)

Что-то очень странное происходит в Звездном Флоте...

В этот час — после половины одиннадцатого — большая комната отдыха на восьмой палубе освобождалась. За отдельными столами сидели небольшие компании, играющие в карты или доедающие поздний десерт; кто-то был в форме, если привык, остальные — в спортивных костюмах или в гражданской одежде из дома. Несколько человек, отметила

Чейпл, занимают информационные экраны.

Три месяца, думала она, и путешествие окончится. Пятилетняя миссия будет выполнена.

Им всем надо будет выбирать снова.

На обзорном экране над столом, где сидели Ухура, Чехов и Сулу, куском усыпанного алмазами бархата завис главный экран "Энтерпрайза", а темные очертания "Наутилуса" казались во тьме почти невидимой загадкой.

— О дилитии не планете ничего не сообщалось, — говорил Сулу, — нет метебелита, вообще нет редких элементов. Как ни взгляни, это болото, край света.

— Может, это был тайник контрабандистов? — предположил Чехов, положив ноги на кресло и облокотившись на колени.

— Но зачем выбирать систему, в которой эта затея находится в зоне ближайшего окружения? — Ухура пила кофе небольшими глотками, хмуро поглядывая на экран. — В этой системе есть и другие необитаемые миры с такой же атмосферой и гравитацией, не так ли?

— Гамма Геликон 2 почти идентична, — согласился Сулу.

— Почти, — ухватился за слово Чехов. — Может, сначала стоит разобраться, в чем различия? И могли ли они иметь какое-то отношение к их выбору?

— Если у них был выбор.

Чейпл, уже переводя взгляд на свой экран, чуть не расхохоталась из-за уместности этой фразы. Если у них был выбор.

Последний осознанный выбор, который она сделала — отказалась от изучения биохимии, чтобы направить все силы на кропотливое, иссушающее сердце дело поиска человека, которого она бесконечно любила — окончился для нее такой горечью, таким смятением и болью, что и теперь, спустя годы, она просто плыла по течению.

Хуже ей было бы или лучше, если бы "Энтерпрайз" никогда не сел на ЭксоIII? Если бы она никогда не узнала, жив Роджер Корби или нет? Если бы она никогда его не нашла? В крайнем случае, подумала она устало, она еще могла бы продолжать поиск.

У нее были друзья на "Энтерпрайзе". Ухура, лучшая подруга и доверенное лицо тысяч долгих ночей в комнате отдыха. Доктор Маккой, скорее друг, чем начальник — интересно, где он будет работать потом. И будет ли возражать против продолжения ее работы в качестве его медсестры, его заместителя в медицинском отделе, который он возглавит на каком-нибудь другом корабле... Если он снова выберет Звездный Флот.

Спок...

Ее сердце сжалось, словно стиснутое гигантским кулаком, и она почувствовала себя разбитой и совершенно потерянной.

Она не получила диплома по биомедицине и только-только подходила для должности в Отделе Науки — так что не было никаких гарантий, что она получит назначение на другой корабль, если попросит.

И она знала, что делать все кое-как — это ребячество, глупость.

Следуй за своим сердцем — сказала ей однажды Ухура — и повторяла неоднократно. Но Чейпл подозревала, что навигационный компьютер в ее сердце сломался.

— Может, они направлялись к каким-то космическим осколкам? — предположила Ухура, наклонившись вперед, чтобы изучить карту, которую Сулу вызвал на единственный — и сейчас ужасно перегруженный — информационный экран, расположенный под темным изображением молчащего корабля. — Может, они следовали за чем-то неизвестным, так же, как об этом сообщила "Тубман", а оно дрейфовало к Тау Лиры 3...

— И не сгорело в атмосфере?

— Брось, Павел, ты понятия не имеешь, какая у него могла быть защита!

— Кристина?

Она быстро подняла глаза и увидела, что рядом с ней стоит лейтенант Лао Зиминг.

Он был все еще в форме, с бортовым журналом в руках. Должно быть, только что

подошел со второго совещания с мистером Споком и мистером Скоттом возможно, там велись такие же рассуждения, что и в экипаже первой смены, который находился в данный момент вокруг информационного экрана. Между бровей у него пролегла легкая морщинка озабоченности и сосредоточенности.

— Что-нибудь решили? — спросила она. — Или они просили тебя ничего не говорить?

Лао покачал головой, пристроившись в кресле рядом. — Я не думаю, что это что-то засекреченное, — сказал он. — Они собираются продолжить исследование корабля, на который натолкнулись, прежде чем пройдут на него — мистер Скотт вытащил целую коллекцию схем клингонских мин-ловушек, а то на этом корабле такая защита — сквозь нее трудно разобраться. Но в конце концов кому-то туда пойти придется.

В его голосе прозвучала надежда. Чейпл улыбнулась.

— А мистер Маккой осмотрел всех остальных? — спросил он после небольшого колебания. — Или — задавал им вопросы? О том, что они делали на том корабле?

Чейпл покачала головой. — Завтра, — сказала она. — Почти все они заснули мертвым сном через минуту после того, как доктор закончил предварительный осмотр. — Она нахмурилась, заметив тревогу в его глазах и вспомнив...

— Тэд, — сказала она, вдруг поняв его беспокойство и то, что он пытался выяснить.

Он кивнул.

— У него нет никаких генетических маркеров синдрома Пеллетера или Така, сказала она немного неуверенно. — Я знаю, это единственные виды, которые не поддаются лечению.

— Пока. — Он повернул голову, а в его глазах был вызов и надежда, смешанные с гневом — гневом на судьбу и на тех, кто такую судьбу принимает. — Пока. Потом он вздохнул, и какая-то часть его петушиного задора словно погасла. Он прижал бортовой журнал к себе и на мгновение уставился в пол.

— У твоего брата синдром Пеллетера, не так ли?

Лао кивнул. Чейпл помнила, как вместе с Лао участвовала в массированном набеге на магазин игрушек на Андорусе и наблюдала, как молодой человек со своим обычным пылким рвением покупал все, что попадало в поле его зрения сцена, которая и в самом деле была бы забавна, если бы игрушки не предназначались человеку 30 лет.

— Смит, кажется, не настолько плохо, как Квиксу, — сказал он, помолчав. — У него могло все начаться хуже, а потом улучшиться, но одного я совершенно не представляю — как он мог очутиться в космическом экипаже. Даже если кто-то вроде Смита смог спрятаться от глаз Службы Помощи, то все равно от него наверняка никому нет пользы. У экипажа пиратов или контрабандистов возникло бы слишком много неприятностей, окажись такой человек на борту.

Что-то очень странное... Слова Маккой снова промелькнули в мыслях Чейпл.

Лао смотрел на информационный экран, а его темные прямые брови опустились с выражением, похожим на боль.

— Моя мать говорит, он спрашивает обо мне каждый день. Когда я вернусь назад? Сколько я пробуду? Он не понимает.

Он покачал головой. — Он никогда не мог понять, почему я могу уйти в космос, а он нет. Ему не нравилось учиться работать с машинами — хотя на самом деле это все, что он может делать — а лекарственная терапия ему только повредила. Он обычно плакал, когда ему не разрешали провожать меня до школы.

Он молчал, как будто сквозь тьму экрана видел совсем другую сцену: большой неуклюжий мальчик в толстом синем пальто, который стоит в Пекине в снегопад и смотрит, как уходит от него младший брат.

— Мне не нравилось оставлять его на Земле. Я знаю, Служба Помощи хорошо о нем заботится, и у него есть работа, и люди присматривают за ним... но это не одно и то же. Я знаю, это не одно и то же. — Он закрыл глаза, словно не мог видеть эту сцену, не мог видеть своей вины. — Но я должен был сделать свой выбор.

— Как и все мы, — сказала Чейпл мягко. Она протянула руку и стала щелкать

каналами, не отмечая, не выбирая, не сохраняя. — Как и все мы.

Глава 4.

Впервые о побеге Дилана Ариоса с гауптвахты старшина Вейн из отдела безопасности узнал примерно восемнадцать часов спустя после того, как его туда поместили. Тогда он услышал, как в коридоре у него за спиной со свистом закрылась одна из дверей. Вздвогнувшись, он вскочил на ноги. Он осознал, что на мгновение уплыл в фантазии, представляя, как в кают-компанию отдела безопасности сворачивает очаровательная старшина Шимада, но знал, что его мысленная рассеянность продолжалась недолго. Кроме того, как, ради бога, Ариос мог сбежать и куда уйти?

Коридор гауптвахты — в котором у охранника находился небольшой столик был всего тридцати метров длиной и ничем не покрыт, лишь немного изгибался по форме главного корпуса, но этот изгиб нигде не был настолько силен, чтобы закрывать обзор с места охранника. Вейн подошел проверить первую дверь напротив. Сквозь кристально-твердый плекс двери он видел клингонку Ракшу, которая исследовала визиком камеры: независимый модуль, по вполне понятным причинам не подсоединенный к центральному компьютеру.

Вторая камера (ее заливал мягкий белый свет) в которую был заключен Ариос, была пуста, только на полу слева от узкой кровати что-то мерцало.

Удивленно выругавшись, Вейн нашел комбинацию для двери и вошел.

Впоследствии, когда он попал в изолятор, Вейн признавал, что сначала надо было бы нажать на кнопку "Дублер" на своем столе, а уж затем войти в камеру, чтобы проверить, как Ариос мог сбежать и что он оставил на полу. Вейн не мог объяснить, почему не заметил, что на самом деле Ариос не покинул камеры; во всяком случае, не покинул ее тогда. На самом деле Ариос покинул ее именно в те секунды, когда Вейн открывал дверь; сразу после этого он перетащил бесчувственное тело офицера охраны на кровать и накрыл легким одеялом, освободив его во время этого процесса от фазера.

Разумеется, на полу не было никаких маленьких светящихся предметов — там вообще ничего не было.

— ЧадХом... — Ариос прижался к решетке коммуникатора с другой стороны камеры, прошептав уменьшительное имя Ракши как раз в тот момент, когда дотянулся до экрана сенсорной панели. Он уже успел совершить набег на выдвижной ящик стола Вейна за кабелем, который подсоединил к терминалу. Сквозь прочный кристалл двери он видел, как она приближалась.

— Попробуй ИМП/ВЫП/НОМ, — выдохнула она. — И не называй меня ЧадХом.

Ариос отошел к терминалу, быстро отстучал команду, покачал головой.

— ИМП/ВЫП/СЕТЬ.

Очередная неудача, и Ракша пробормотала: — Чтоб их всех... — по-клингонски. Она задумалась на мгновение, затем сказала: — СЕТЬ/ТЕСТ

Дверь с шипением открылась.

— Я же тебе говорил, это магия, — сказал Ариос, когда Ракша подошла к терминалу, легко отсоединила кабель и начала выстукивать быстрые вереницы команд. — Нужно всего лишь сказать правильное заклинание.

— Когда у нас в следующий раз будет три-четыре свободных дня, напомни мне — я объясню тебе всю глубину твоих заблуждений. — Черное облако ее волос упало на лицо, пока она работала, крупные руки быстро и нежно касались клавиш.

Ариос сделал пару шагов в коридор, потом вернулся, приподнял ее волосы руками и наклонился, чтобы поцеловать в затылок.

— Когда-нибудь — непременно, — решил он, и она взглянула на него, в глаза, ясные, словно солнечный свет, смеющийся в листве. Ее собственная улыбка на мгновение сделала ее лицо прекрасным и юным.

Потом он пошел по коридору, набрал код камеры Тэда и Адаи — который ему перед

этим дала Ракша — а она в это время затянула ремень куртки и засовывала в образовавшийся мешок не только кабель, но и все инструменты вместе с запасными деталями компьютера из ящика стола. Когда дверь, скользя, открылась, Адайя вскочила с пола, где сидела (узнав об использовании стульев только недавно и не вполне точно), а Тэд с огромным облегчением буквально бросился в объятия Ариоса. Ни один не сказал ни слова, потому что у обоих имелись здоровые опасения насчет наличия скрытых микрофонов; к тому времени, как они достигли коридора гауптвахты, Ракша перепрограммировала визуальные датчики, чтобы они показывали их собственную программу, и четверка проскользнула мимо двери в кают-компанию отдела безопасности — вопреки мнению Вейна, практически пустой — и за угол коридора, который привел их, в конечном счете, в инженерный отдел и сопутствующие склады.

Доктор Маккой долго стоял, глядя на двух своих подопечных — распростертые без сознания, все еще обнаженные до талии после его осмотра, они лежали на темных плоскостях диагностических кроватей — и на яркие прямоугольники диаграмм дисплея, которые пылали на экранах около каждой кровати, словно окна какого-то причудливого собора.

Он в буквальном смысле не видел ничего подобного в своей жизни.

Ребра Фила Купера под обожженной повязкой спокойно поднимались и опускались в такт дыхания. Восемнадцать часов отдыха и частичного покоя значительно стабилизировали его показатели, и организм начал отвечать на введение гиперены и других катализаторов метаболизма. Шарнас Т'Таи Кир пока еще выглядел очень плохо. Только равномерные подъемы и падения энцефалограммы и сердечных сокращений на мониторах и показывали, что на самом деле парень не был трупом, которым выглядит. Его волосы были откинута, и от лопаток к основанию черепа словно след неумелой резни бежал беспорядочный рисунок оливково-зеленых шрамов. Только при ближайшем изучении становилась очевидна деликатность разрезов, следовавших непосредственно за самими нервами. Ариос, если это сделал он, точно знал, что и где ищет... независимо от того, что это было.

В соответствии с дельта-схемами и показаниями индикаторов, эта конструкция у обоих мужчин выходила далеко за зону разреза, с захватывающей дух легкостью сливаясь непосредственно со спинномозговыми нервами. Даже после почти целого дня изучения Маккой не был уверен, как ему занести свои наблюдения в журнал.

Одному богу известно, для чего это нужно.

— Это наследство Флота, — сказал Купер, и усталость, покорность его голоса потрясли доктора даже больше, чем сами имплантаты. Невысказанное О, такая мелочь.

Вы угадали, что это. Вы видели это раньше. Поэтому вы должны знать, кто я.

Согласно показаниям трикодера, полученным во время утреннего медосмотра на гауптвахте, эти сложные имплантаты (и шрамы на спине) имелись и у Ариоса — и что-то похожее было также в мозгу у Тэда.

Маккой знал, что определенные формы задержки умственного развития корректируются имплантатами. Но те имплантаты находились снаружи, это были гладкие металлические футляры в несколько сантиметров толщиной и размером около трети ладони человека. Технология, которая требовалась, чтобы установить внутренний имплантат, настолько непохожий на них, была бы невероятно продвинутой. В любом случае, было не похоже, что состояние Тэда улучшилось, хотя, может, оно смягчилось — если все это делалось с этой целью.

Маккой не был уверен в этом до конца.

Дверь за ним закрылась и он вернулся в свой кабинет, где на столе лежали распечатки материалов, которые он получил прошлой ночью и сегодня, а заодно все виды анализов и схем, которые он только мог придумать относительно физиологии Ариоса, его ДНК и возможного происхождения.

Это его тоже сильно беспокоило в связи со всеми событиями.

— Обзор журналов, — сказал он компьютеру, садясь в кресло и принимаясь за

утренний, уже остывший кофе.

При звуке его голоса экран заблестел ровным чистым серебром, не запятнанным ни буквой, ни строкой.

— Обзор журналов, — повторил Маккой раздраженно, бросив взгляд на хронометр. Запаздывания происходили редко, и только во время наибольшей загруженности, обычно два-три часа первых двух вахт.

Первая вахта кончилась час назад. Сейчас все читали, играли или же проверяли рабочие места перед вечерней вахтой. Не должно было быть никаких проблем.

— Мне очень жаль, — сказал компьютер. — Пожалуйста, повторите запрос.

Маккой повторил, и экран расцвел красными и синими буквами оглавления обзора журналов. — Дайте мне все, что у вас есть по нанохирургической неврологии за последние три стандартных месяца, — сказал Маккой, с отчаянием осозная, сколько времени прошло с тех пор, как он просматривал обзоры полностью, не говоря уж об изучении самих статей.

За первый год на "Энтерпрайзе" он вполне умудрялся не отставать, поскольку компьютер поглощал сжатые и архивированные сообщения каждый раз, когда они заходили на звездную базу и на досуге все просматривали журналы и обзоры. Но и Маккой был в курсе, что у Чейпл, Паксона и техников были те же проблемы за месяцы и годы полета звездолета: пришло так много новой информации об исследовании новых цивилизаций, новых форм жизни, которую надо было описать, изучить, каталогизировать и передать, что современные исследования других ученых имели тенденцию все чаще и чаще откладываться в долгий ящик.

Если выбирать между чтением чьих-то исследований по генетическому воздействию, искусственной оптике или по усовершенствованиям в лечении искаженных мотиваций и изучением бассейнов курланианской нерестовой рыбы или ископаемых останков глаза элтонианского андроида, то Маккой знал, какой выбор он сделает. И делал неоднократно за последние четыре года.

Если бы в сутках было больше часов.

Через три месяца "Энтерпрайз" вернется на Землю. После этого перед ним будет стоять определенный выбор: снова принять участие в очередной пятилетней миссии или же успокоиться в одном из главных университетов на годы, которые понадобятся, чтобы проанализировать и изучить все, что он собрал.

Он решил, что ему не нравится думать о том, что имеется в виду под словом "успокоиться".

Почти без раздумий он сказал: — Входите, — на сигнал Чейпл; эта высокая женщина встала за его креслом, глядя поверх плеча на список статей из оглавления обзора. Она держала бортжурнал с ее собственными распечатками схем на руках, как в колыбели. Он не видел ее столь заинтересованной и озабоченной проблемой уже многие годы.

— Возможно, это что-то настолько новое, что в журналах еще нет, предположила она после того, как им обоим стало ясно, что ни один обзор не упоминал о какой-то радикально новой технике усиления центральной нервной системы, или неврологическом контроле, или о чем-то подобном. — Или, если за всем стоит Звездный Флот, возможно, это засекречено.

Она чуть поколебалась, потом спросила: — Это не может быть правдой, не так ли?

Маккой, взрогнув, посмотрел на нее.

— Роджер... — она неуверенно назвала имя своего умершего возлюбленного и наставника — "Пастера археологической медицины", как его называли по инфовидению, мужчины, ради которого она оставила собственную карьеру в биомедицине — этих слов она не произносила с того рокового, жуткого, душасящего столкновения с тем, что осталось от этого человека на Эксо III.

— Роджер мне как-то рассказал о... Я не знаю, что он называл "конспирацией" в Звездном Флоте. Люди, которые взялись бы за любую разработку, любое знание, независимо от того, насколько хорошо или полезно оно само по себе — и использовали бы это, чтобы усилить собственную власть. Я никогда не знала, чему из этого можно верить. — Ее быстрая,

печальная усмешка исчезла так же стремительно, как и появилась.

— Тогда, похоже, всегда были заговоры, возглавляемые другими учеными, чтобы подорвать доверие к открытиям Роджера. Но не может ли это быть... какой-то заговор, чтобы установить неврологический контроль над членами Звездного Флота?

Она тоже выглядит взволнованной, думал Маккой. В течение четырех лет Звездный Флот был ее убежищем, ее домом, единственным местом, которое у нее осталось, куда она стремилась после смерти Роджера.

Маккой, который был в похожем положении после собственного развода и краха своей жизни, точно знал, что она чувствует.

— Если бы это было так, Крис... — Маккой покачал головой, коснувшись клавиши просмотра экрана. — Такая технология где-нибудь да обнаружилась бы. Оставила бы следы. Пусть даже не сами нервные имплантаты, но материал для них, исследование и открытие, на основе которых они созданы, если это имплантация. Даже заговор не смог бы это скрыть. И это не похоже ни на один из металлов, которые я когда-либо видел на индикаторах. Вы бы заметили улучшения в дизайне голограммы, в контроле системы безопасности, в автоочистке микрокапилляров. Что-нибудь. Не вырезал же кто-то эти приборы из куска мыла. Кто бы ни продавал Звездному Флоту настолько хорошую и эффективную нанотехнологию цветных металлов, он бы продавал ее где-нибудь в другом месте, с другими целями. Анализ самих имплантатов показывает, что они буквально прорастают, перерабатывают минералы из крови.

— Пожалуйста, повторите запрос, — сказал компьютер.

— Что, черт возьми, происходит с этой штукой сегодня? — пробормотал Маккой.

— Пожалуйста, уточните запрос.

— Я не с тобой говорю, — огрызнулся он. — Просто дай мне распечатки по нейрохирургической неврологии за последние три стандартных месяца...

После этого компьютер как будто работал без перебоев, а Маккой — в первую очередь обратившись к проблеме, откуда Звездный Флот мог получить эти имплантаты, и намного меньше интересуясь, почему было сделано то, что, по словам Фила Купера, было сделано — больше ничего не придумал.

— Я не могу верить в такую охрану. — Ракша аккуратно подсоединилась к двум двухпроводным клавиатурам защиты складского трюма номер 7-3, который располагался в том отсеке, что питал компьютеры инженерных помещений по левому борту. — Неужели никто не говорил этим людям, что вы не удержите в здании хорька, если опустите входную решетку?

— Может, это ловушка? — предположила Адайя, подняв глаза от оружия, которое сделала из машинного провода, небольшого рычага и запасных заостренных бритв, которые нашла в выдвижном ящике.

— Я не знал, что они допускают на звездолет хорьков, — озабоченно сказал Тэд. — Консилиум не давал нам держать кошек в нашем квартале Института. Я думал, это плохо с их стороны.

— Это плохо с их стороны, — согласилась Адайя. — Консилиум — это злые люди, Тэдди. Почти такие же злые, как клингоны.

— Ох. — Ариос выбрался из маленького входного люка в стене, схватив рукой сварочный аппарат, и намотав беспорядочный узел запасных проводов на плечи, словно палантин. Ночью он поспал, к тому же пару раз поел, так что руки уже не дрожали, но он все еще выглядел слишком изможденным. — Никто не может быть таким злым, как клингон.

— И ты сейчас в этом убедишься, — мягко согласилась Ракша.

— Уже убедили, — сказал мастер, обходя Ракшу и рассматривая небольшой сварочный аппарат, который он держал в руке. — Это и в самом деле "Энтерпрайз". С такой проводкой это явно он.

— Мы здесь уже почти закончили. — Ракша поставила финальные точки в своих кодах и начала отключать кнопочные панели. — Где тут самые незаметное место соединения

основной магистрали с дверьми, освещением и управлением гравитацией?

— Боулинг-аллея, — сказал Ариос. — Двенадцатая палуба. Мы можем туда попасть по центральным вентиляционным отверстиям.

— Что такое боулинг? — спросила орионка, пробуя баланс совершенно варварского на вид оружия, которое сделала, а потом легко крутанула его вокруг руки.

Ариос объяснил: — Вы выравниваете вертикально кусочки высокопрочного пластика, а потом пытаетесь сбить их с расстояния в 50 футов с помощью катящегося мяча.

— А если вы не можете их выравнивать? — взволнованно спросил Тэд, а Адайя сказала: — Федерация завоевывает галактику, пересекает звезды, они заставили ромулан драться до прекращения военных действий, и на досуге они занимаются этим? — ее серьги сверкнули, когда она отбросила волосы назад.

Ариос усмехнулся, засовывая провода в карманы. — Искривленный участок на "Наутилусе" тоже в свое время был боулинг-аллеей, — сказал он со вспышкой иронии в зеленых глазах. — Но на этом корабле все должно быть совершенно безопасно.

— Пожалуйста, повторите запрос.

Спок оторвался от распечатки анализа звездных полей, которую он изучал с недовольным видом. "Результаты сканирования в высокочастотном диапазоне показаний сенсора на "Наутилусе", разрушены пошагово на всю ширину записи". Он всегда считал, что полная активация командных систем компьютера не отвечает требованиям любого цивилизованного интеллекта, и эта дневная, чрезвычайно плохая работа казалась ему типичным образцом проблем, которые могли развиваться в такой системе. Люди, размышлял он, словно готовы пойти почти на все, чтобы избежать конкретики в отношениях друг с другом или с машинами...

Его острый слух уловил знакомые шаги, которые замедлились у входной двери и слово "Войдите" сорвалось с губ почти до звука звонка. — Капитан, приветствовал он своего друга.

— Что у вас есть?

Экран высокоточного дисплея над столом Спока уже обнаружил недоступную сенсору полосу схем, которая увеличивалась там, где было возможно приспособиться к защите черного корабля. Капитан Кирк сложил руки на груди и изучал эти картины через плечо своего первого офицера, отмечая разницу между конструкцией "Энтерпрайза" и "Наутилуса", которая при взгляде через обзорные экраны на фоне черноты космоса была менее очевидна.

— Если я не ошибаюсь, — сказал он тихо, — я видел такие укороченные пропорции корпуса на самых новых чертежах, и для него еще даже не разработан материал. Но эта штука бывала в переделках много лет — десятки лет. Тарелка даже была отремонтирована.

Он помолчал, изучая повторяющиеся картины: зеленые тени на одном из контуров, желтые на другом, в зависимости от того, что выхватывали сенсоры. Некоторые из схем обнаруживали лишь пустоту, бледно-голубой остов самого корабля — или потому, что сенсоры не нашли ничего из того, что искали, или потому, что необычно мощная защита стерла все следы определенных частот.

Для всех тех, кто изучал корабль — и человечество — впервые — "Энтерпрайз" выглядел так же, подумал он.

Первый звездолет Федерации в форме огромного глобуса. Норовистые, но в конечном итоге коммуникабельные Горны. Ромуланцы, играющие в свои тихие запутанные шахматы.

Искать новые формы жизни, новые цивилизации, думал Кирк. А хотели ли те новые цивилизации, чтобы их искали?

— Жар в гондолах был очень велик, — заметил он наконец. — Даже учитывая тот факт, что они продули охлаждающую систему.

— Это явление типично для брошенных кораблей, в которых система жизнеобеспечения осталась в рабочем состоянии. — Спок набрал серию команд и в центре экрана переместилась, увеличившись, подробная схема с облаком желтых узоров в ряде

неожиданных районов. Еще одна цепочка касаний пальцев — Спок делал это, даже не взглянув на клавиатуру: "выпендрей" — Кирк почти слышал голос Маккоя — через какое-то время переместила схему вперед, показывая отсутствие изменений в расположении огня.

— Главным образом грибок, — сказал вулканец. — Весцент сеолли или зикридинз. В целом это показывает, что площадь корабля не использовалась около двух лет или более. Мне бы хотелось, чтобы вы посмотрели эти данные.

Увеличилась еще одна схема. Красные пискели сместились, когда компьютер сместил изображение во времени. Мысли Кирка резко перешли от загадки огромного количества желтого цвета на предыдущей диаграмме к изменению красного узора на текущей.

— Что это?

— Энергия мю-спектра, капитан. — Спок откинулся в кресле, скрестив руки на груди, и немного склонил голову в сторону. — Ни тепло, ни свет, хотя одни специалисты, кажется, определяют это как цвет, другие как звук. Это, как вы ранее заметили, характерно для аномалии Тертлдава.

Кирк наблюдал, как зоны красного цвета медленно расходятся сквозь инженерный зал и кабины, потом сокращаются. Расходятся и сокращаются. Расходятся и сокращаются, словно биение крови чуждого сердца. — Этот волновой эффект — он механический?

Он не знал, откуда знает, что ответ на этот вопрос — нет. Наверняка Спок сказал бы, что его данные неполны.

Но долгое время вулканец вообще не отвечал.

Молчание все длилось и длилось. Нерешительность Спока при ответе была весьма многозначительна. А цвет перед ними расширялся и сжимался, расширялся и сжимался.

— Передача в реальном времени?

— Совершенно верно. Вы будете наблюдать это без временных задержек.

Кирк кивнул. Зарево появлялось в кабинах, и в тот же миг началось в машинах. — Вы можете мне представить наилучший временной анализ этого?

— Увеличение времени в точке пять, — проинструктировал Спок. — Двухсекундная задержка. — Но его рука направилась к клавиатуре неуверенно, словно бессознательно была готова вернуться за более конкретными сведениями.

Они изучали медленно мерцающие схемы. Кирк думал о худом зеленоволосом молодом человеке, который так хладнокровно ему солгал и которого посадили под арест за кристаллплексовыми дверьми гауптвахты. О клингонке с внимательными глазами и видом человека, который все это уже видел прежде. Не ходите на борт "Наутилуса" без меня или Ракши.

Мины-ловушки, сказала Ракша. ДеСолл предоставил отчеты и смертоносные образцы — их была целая куча.

Интересно, а что если он нынче же взглянет на одну из них или на что-нибудь еще.

— Увеличение в точке один, — сказал Кирк.

Рисунок все еще оставался точно таким же.

— Что за черт с синхронизацией.

Но это не то, подумал он. Энергия на машинной палубе была источником энергии в гондолах. Он не понимал, почему он так в этом уверен.

— Какие-либо теории?

— Никаких, капитан.

— Но что-то вас тревожит.

Спок удивленно взглянул на него. — Теоретизировать, не имея данных серьезная ошибка, — сказал он. — В данный момент данные неполны и модели явно противоречивы.

— Подсознательные подсказки — тоже данные. — За четыре года и девять месяцев миссии "Энтерпрайза" Кирк научился избегать слова предчувствие. — У вас есть ощущение — не основанное на логике — что источник этой энергии — органический?

Их взгляды встретились. Темные глаза Спока обычно были непроницаемы, но в глубине их Кирк видел, что вулканец прибавил факт убежденности Кирка — равным

образом ни на чем ни основанной и нелогичной — к собственным фактам.

Потом экран перед ними замерцал и погас, словно окно, внезапно превратившееся в одиночное пятно тающего света. Вежливое контральто компьютера произнесло: — Пожалуйста, повторите запрос.

Глаза Спока сузились и отвердели, когда он склонил голову, подозрительно рассматривая экран.

Последний час любой смены боулинг-аллея на двенадцатой палубе, как правило, бездействовала. Уборку закусочной, голографической площадки и вошение дорожек легко можно было бы провести и не закрывая полностью это место, поскольку в это время даже такие заядлые боулеры, как Джефферсон и оба Адамса — начальник снабжения и его брат-астрофизик — уходили принять душ, поесть и переобуться, готовясь идти на вахту. Но лейтенанту Мбу нравились чистые углы и порядок, и поэтому она закрывала это место. Она перезапускала и проверяла ряды голографических терминалов, подводя итоги сыгранного, чтобы удостовериться, что те из них, что перестали быть популярными, заменены, а потом возвращалась в свой офис, чтобы подробно заполнить корабельный журнал и провести анализ времени-движения для большого исследования, которое она проделывала на основе моделей отдыха в Звездном Флоте, оставляя старшину Эффингера натирать дорожки проверять установщик кеглей.

Установщик кеглей, конечно, имел модули самопроверки и самонастройки, к тому же боулинг-аллея ""Энтерпрайза" владела двумя весьма эффективными полотерами "Дак и Хомили" — дорожки были из марсианского квази-дуба высочайшего качества, за которым ухаживали по старинке — но Эффингер, хотя он вполне доверял технике как таковой, здесь доверял ей не до конца. Цифровые установщики были тщательно запрограммированы, но им недоставало, по его мнению, изящества человеческого художественного вкуса. Таков был его обычай возиться с установщиками вручную два-три раза в неделю, чтобы довести до совершенства допуски, слишком деликатные для чтения модулями самонастройки, а кроме того, когда он следовал за полотерами по дорожкам — разумеется, в одних носках — то частенько вставал на колени, наводя экстра-полировку по правой стороне, куда попадали удары большинства боулеров.

Этим он и занимался, когда услышал голос, позвавший со стороны двери, Поросенок! — его старое прозвище, произнесенное восхищенным и влюбленным тоном. Подняв глаза, он увидел старшину Шимаду — которая никогда не играла в боулинг- она шла к нему, протягивая руки и улыбаясь, прекрасная, как фарфоровая куколка, а стремительный поток ее темных, как зимняя ночь волос не был схвачен обычной заколкой, а колыхался до подолов ее короткой красной юбки. От выражения радости в ее карих глазах у него почти остановилось дыхание.

В следующую минуту дыхание у него таки на мгновение остановилось, когда из воздуховода, который внезапно открылся на потолке, появились зеленые волосы и руки орионки Адайи. Что бы еще ни было сказано о ней — а сказать можно было много всего интересного — из фазера Адайя стреляла отлично.

Ариос, Ракша, Тэд и Адайя высыпались друг за другом из воздуховода на аллею, в которой теперь не было никого, не считая лежавшего без сознания старшины Эффингера. Иллюзорная старшина Шимада в мгновение ока исчезла. Ариос и клингонка пошли прямо к ряду голокомпьютеров, а Тэд с Адайей в это время использовали машинные провода, чтобы завязать Эффингеру рот и глаза и прикрепить его руки к столбику перил аллеи; Ариосу понадобилось всего мгновение, чтобы открыть крышку главного люка позади игр.

— Который из них ты оставляешь мне? — спросила Ракша — в этом не было необходимости, поскольку освещение всех ярко окрашенных экранов, кроме одного, пропало. Она уселась на сиденье и потратила всего около минуты, свернув сами игры и превратив игровые модули в то, чем они были на самом деле: весьма совершенные лабораторного качества терминалы.

— Проверка системных ошибок, — сказал Спок. — На дисплей.

На серебристый экран хлынули колонны голубых надписей: группы информационных файлов, команды, регулирующие уровень перехода материи-антиматерии в двигателях, мешанина из документации о рециркуляции, температурных параметрах для каждой лаборатории, каюты и душевой на корабле, включая плавательный бассейн на двенадцатой палубе. Голографические программы, романы, статьи, научные и технические журналы, бортжурналы начальников всевозможных секций и автоматических систем, резервные копии борт-журналов. Прикроватные мониторы в лазарете и мониторы камер отдела безопасности. Показания внутренних сенсоров с самых дальних товарных складов самого корабля. Инструкции о количестве воска в полотерах боулинг-аллей, яркости ламп солнечного света в комнате отдыха, о крепости кофе в кране каюты капитана Кирка, о силе магнитного захвата запоров в дверцах шкафов с провиантом и о крышках, закрывающих блокировку ручного управления каждой двери на корабле.

— В системе нет ошибок, — сказал компьютер, а капитан Кирк подумал, что голос этот звучит лишь чуть-чуть самодовольно.

Спок озадаченно покачал головой. — Из-за чего... — начал он, а Кирк сказал: — Он лжет.

Капитан развернулся, бросился к двери и ему пришлось резко затормозить, чтобы не врезаться в нее носом, когда она не открылась.

— Техники! Техники! — Доктор Маккой оставил в покое линию связи на стене которая издавала легкие, отдающиеся эхом звуки, характерные для открытой линии, но не передавала вообще ничего — и хлопнул по взбунтовавшийся двери офиса рукой.

Его не слишком удивило, что и от этого она не открылась.

— О черт! — сказал мистер Скотт. Двери даже самой маленькой комнаты на "Энтерпрайзе" — а он сейчас находился в одной из самых маленьких комнат на "Энтерпрайзе" — все они имели дублирующее ручное управление, но магнитная крышка предусмотрительно запертой панели, за которым оно скрывалось, как будто приклеилась.

Нарушение в текущем контроле над силой магнита, решил Скотт. Кто бы мог подумать?

Он дотронулся до кнопки линии связи, зная, что дразнить его этим будут по гроб жизни. — Техники, это мистер Скотт. Заело дверь уборной номер... — Он проверил серийный номер над коммуникатором — ...номер 4012. Техники? Техники?

Ответа не было.

Вместо него на линии появился легкий, чуть скрипучий голос, который мистер Скотт с трудом опознал. — Капитан Кирк? Это Дилан Ариос. — Возникла мгновенная пауза, во время которой мистер Скотт даже на миг полюбостествовал, не получилось ли так, что нарушение, которое в четыре раза усилило силу магнитной защелки крышки панели ручного управления, скрестило также провода некоторых частных каналов связи.

Потом Ариос продолжил. — Мы...гм...захватили контроль над вашим кораблем.

Глава 5.

— ЧЕРТА С ДВА! — завопил Кирк, с размаху врезав кулаком по кнопке переговорника. — Где, черт возьми...

Сиплый, слегка запинаящийся голос появился снова. — Вы можете связаться со мной по главной линии связи в...э-э...холле одиннадцатой палубы. Это единственная линия связи на корабле, которая еще открыта.

— Холл девятой палубы, — повторила лейтенант охраны Органа, легко взбираясь по пирамиде из столов, которую соорудила — с поразительной скоростью и весьма рационально, принимая во внимание, как изумлены были все, находившиеся в комнате отдыха — чтобы приблизиться к воздушным люкам на потолке. — Шимада, в Инженерном найдутся нейтрализаторы. Как только у нас получится открыть крышки панелей ручного

управления, мы сможем двигаться. Кто-нибудь знает схему воздуховодов между этим местом и Инженерным отсеком?

Они уже уяснили, что компьютер не выдает больше никаких файлов.

— Я знаю — Энсин Лао отвлекся от выстукивания задачи на клавиатуре одного из визикомов комнаты отдыха, которые были предназначены для доступа в библиотеку, но, благодаря умелым действиям Лао, показывали вместо этого ряд весьма странных данных. В другом конце комнаты второй инженер Дэнни Миллер исследовал неподатливую крышку ручного управления. Как и большинство из тех, кто попал в ловушку в этой комнате, он был в форме (в его случае — красный комбинезон инженера), но в карманах не было нейтрализатора, просто потому, что такие инструменты обычно — несмотря на безопасные затворы — имели склонность сбивать программы других ручных электронных инструментов.

— Но они лгут вам насчет холла одиннадцатой палубы, — продолжил Лао, направляясь к штабелю столов. — Они должны были проделать это с лабораторного терминала, а на одиннадцатой палубе нет ни одного. Должно быть, они подсоединились к каналу связи.

Он кивнул на визиком. — Похоже, они загерметизировали заодно все пневматические двери в коридорах.

— Но у нас сегодня вечером встреча боулеров, — запротестовал старшина Джефферсон. — Из-за них мы не сможем разобраться с этими вонючками из инженерного отдела...

— Смотри, кого ты называешь вонючками, слизняк, — весьма убедительно отпаривал Миллер.

Внезапно погас свет.

— Я наблюдаю за лазаретом, — продолжил Дилан Ариос. — Я узнаю, если что-нибудь случится с моими людьми, и поверьте, капитан, я начну отключать систему жизнеобеспечения. Мы в самом деле в безвыходном положении, и мне очень жаль, но сейчас иного выхода нет. Договорились?

Кирк ощупью искал коммуникатор и ругался. В Академии он прошел обязательные курсы по выживанию, но прошло уже много времени с тех пор, как ему приходила даже мысль набирать номер не глядя. К счастью, холл одиннадцатой палубы было легко запомнить — 11-1. Он не хотел, чтобы весь корабль был в курсе этой дискуссии.

— Чего вы хотите?

Во тьме позади себя он услышал шорох одежды Спока, а потом резкое завывание помех, когда Спок щелчком открыл коммуникатор. Ариос, и кто там с ним был еще, должно быть, подключились через резервную систему корабля, чтобы устроить повсюду электрические помехи.

— Мы хотим, чтобы вы доставили нас на Тау Лиры Три, — сказал Ариос.

— Ты как-нибудь можешь определить, где он? — Мистер Сулу взглянул через плечо, туда, где туманное зарево огней резервного оборудования очертило длинные ноги лейтенанта Ухуры, которые вырисовывались на фоне пульта связи. В любой другой момент, размышлял он, эта картина заслуживала бы длительного изучения.

Она неловко шевельнулась, и лейтенант Дейв — который держал для нее фонарь с тех пор, как монитор его операционной системы упорно продолжал настаивать, что на корабле абсолютно все в порядке — попытался дать ей чуть больше пространства для работы.

— Не уверена. — Ее голос прозвучал приглушенно и расстроено, и она снова изогнулась, пытаясь облегчить неудобное положение рук, работая с каждым кабелем этого непроходимого лабиринта за пультом с одиночным адаптером, чтобы найти какой-то ключ, который объяснил бы им, что происходит на корабле.

На мостике пропало даже аварийное освещение. При слабом мерцании индивидуальных ламп большая дугообразная комната имела вид какой-то доисторической жилой пещеры, наполненной зловещими тенями, и освещалась она ими ненамного ярче, чем пропитанным жиром тростником.

На фоне этой тяжелой тьмы поля звезд на обзорных экранах пылали с захватывающей

ясностью. Стоя в темноте у двери турболифта, Сулу размышлял, что почти забыл совершенную красоту этой холодной бесконечной ночи, и подумал, что будь опасность не столь велика, часами сидел бы на затемненном мостике, вглядываясь в безграничность пустоты и света.

Скорость они снизили до крейсерской незадолго до того, как пропал свет как раз когда Сулу осознал, что кто-то смог прорваться сквозь двойную и тройную защиту компьютера. Чехов, скорчившись над навигационным пультом, все еще компенсировал и исправлял дальнейший курс. Он отчаянно надеялся, что сообщения компьютера верны, что то, о чем он говорит компьютеру, до того доходит и что тут не приключится еще какого-нибудь несчастья.

— Но в холле одиннадцатой палубы его нет, — добавила Ухура, зажав в зубах иглу. — Они где-то подсоединились к проводам.

— Ты можешь что-нибудь сделать с помехами? — спросил Чехов. — Если бы мы могли с кем-нибудь связаться...

— Есть! — Сулу ощутил, как крышка панели подалась под его пальцами. Он засунул карандаш нейтрализатора за пояс, отодрал саму панель ручного управления дверью турболифта, загибая внутрь рукоять привода. Ламинированные серебряные панели дверей неохотно разошлись, являя узкий прямоугольник слепящей тьмы, из которого смутные отблески самодельных фонарей с мостика выдернули янтарную полосу страховочного кабеля, похожую на легкий мазок позолоты по бархату.

— Гм... — сказал Сулу. С мостика можно было идти только вниз.

— Мастер...

Ракша положила руку на плечо Ариоса. Он накрыл коммуникатор ладонью, взглянул на нее. Его зеленые глаза в свете фонаря, привязанного к игровому пульту перед ним, таинственно мерцали. Тэд все еще весело играл, скользя по свеженатертым полам дорожек для боулинга. Адайя, с фазером старшины Вейна в руке, сидела поблизости от наружной двери, почти невидимая в темноте; воздух был наполнен запахом шариков попкорна, который она уничтожала, облизывая пальцы, как ребенок-обжора.

— Если это "Энтерпрайз", — сказала клингонка мягко, — лучше всего для тебя было бы уничтожить систему жизнеобеспечения. Ты это знаешь.

Рот Ариоса передернулся. Слишком чувствительный рот, подумала Ракша бесстрастно, на худом лице, которое выглядит почти хрупким, как скелет мотылька. Среди ее народа такой человек не выжил бы.

— Я это знаю.

Они долго смотрели друг на друга.

Она спросила: — Ты знаешь, кто это. — Это был не вопрос. — Я не знаю его имени, но ты знаешь.

Он наконец кивнул. — Знаю.

— Тогда заставь его заплатить. Возьми его в заложники и выброси через шлюз. Застрели при попытке к бегству. Скажи, что Адайя или я свихнулись и разорвали его на кусочки. Я бы и вправду это сделала.

Зеленые глаза закрылись; он отвернулся. — Не могу. — Он глубоко вздохнул, словно борясь с ужасной тяжестью, и его голос стал беззаботен и легок. — Тебе бы лучше пойти, если мы не хотим, чтобы Кирк догадался...

Ее загорелая рука схватила его за подбородок, заставляя обернуться и встретиться с ней глазами.

— Кто бы это ни был, — сказала она ровно, — он отвечает за то, что они сделали с тобой.

Ариос промолчал.

— Он в ответе за то, что нервная система Шарнаса похожа на залежи денебианской серебряной шахты; это из-за него тебе приходится связывать Фила и закорачивать его имплантаты; из-за него ты просыпаешься, крича от ночных кошмаров...

— Не всегда, — сказал Ариос спокойно.

Ее рот отвердел — бронзовая поэма горечи, а пальцы, все еще вцепившиеся в поднятый подбородок, сжались. — Убей его. Кто бы он ни был.

— Не могу.

— Тогда скажи мне и его убью я.

Шар для боулинга загромыхал по дорожке. Тэд, который его бросил, собрался бежать, потом скользнул под арку перекрытия — играющий ребенок. Глаза Ракши проследовали за этим человечком, и впервые в них сверкнули слезы.

— Он в ответе за Тэда.

Ариос вывернулся из ее хватки, глядя на лабиринт клавиатур и самодельных экранов. Его руки чуть дрожали, и он сцепил их, пока она не видела. — Не могу. Это невозможно. — Он избегал ее взгляда. — Тебе пора.

Она отвернулась. — Тэд, — позвала она. — Тэдди, перелезь сюда, мы ставим тебя на охрану.

— С фазером и всем прочим? — Его лицо озарилось восторгом; потом он остановился, минутное удовольствие от того, что ему доверяют, заслонила тревога.

— С фазером и всем прочим, — сказала Ракша. — Мне придется взять с собой Адайю. Смотри на эту дверь и прислушивайся, прислушивайся ко всему. Любой непонятный шум, любое странное ощущение — если тебе вдруг покажется, что кто-то может выйти из темноты... тебе придется с этим разобраться.

Его темные глаза расширились от испуга. Она вложила второй фазер, который они взяли со стола Вейна, в его руку, и кивнула на Ариоса, который вернулся к разговору по линии связи. — Тебе придется защищать его, — сказала она.

И она добавила по- Klingonски, когда Адайя подошла к ней и они тут же двинулись к темному слепому глазу открытого люка, — Духи молний, защитите и его тоже.

— Я понимаю, что Тау Лира под защитой Первой Директивы, — продолжал легкий хриловатый голос Ариоса. — тем не менее у нас там дело. Мы не хотим причинять вреда этой планете или, если уж на то пошло, вам или вашему экипажу. Честное слово, капитан, мы не космические пираты или что-то в этом роде. Но нам необходимо добраться до Тау Леры как можно быстрее, и нам нужно будет отремонтировать наш корабль.

Мысли Кирка, по мере того, как он представлял себе самое худшее, неслись все быстрее. Что за черт происходит на мостике? Контроль за машинами и ворп-двигателями потерян? Линия связи была вблизи от двери кабинета Спока и за ней (звукоизоляция на звездолете никогда не достигала ста процентов) он слышал бормотание голосов, редкие смутные удары, словно кто-то пытался открыть следующую запертую дверь — библиотеки.

— Кто-нибудь из моего экипажа доставит мистера Спока на "Наутилус", продолжил Ариос. — Я надеюсь, он понимает, что приборы внутреннего наблюдения, имплантированные некоторым из членов моего экипажа, дают мне полное представление о том, что происходит с ними. Я говорил вам, что не хочу отключать систему жизнеобеспечения, но я сделаю это. Я могу это сделать оттуда, где мы находимся. Надеюсь, вы верите этому.

— Он может? — Кирк положил руку на линию.

Голос Спока донесся из другой части тьмы, не оттуда, где он был раньше. Судя по направлению Кирк решил, что вулканец пытается найти точку опоры, чтобы схватиться за край люка в стене, который закрывал аварийный комплект, где среди всего прочего мог бы найтись и нейтрализатор. Не будь панели такими ровными, в руках Спока, вероятно, хватило бы силы отогнуть металл, но без ручки для захвата его сила была бесполезна. Пять лет в путешествии, думал Кирк раздраженно, и никто не додумался спросить, что будет, если сломаются магнитные захваты.

— По-видимому, он проник в главный компьютер с лабораторного терминала, ответил суровый голос офицера по науке. — Хотя сами программы, которые контролируют систему жизнеобеспечения — и детали работы корабля — теоретически защищены от вмешательства

на таком уровне, совершенно ясно, что мы имеем дело с техническими знаниями, намного превосходящими наши собственные.

— Я так понял, это значит да?

— У меня нет определенных знаний о возможностях капитана Ариоса, капитан. Несмотря на утверждение Спока, что он свободен от человеческих эмоций, в его голосе был легкий оттенок огорчения. — Как бы то ни было, я бы позволил себе теоретически допустить высокую степень вероятности в этом отношении.

Кирк выругался. — Тогда, полагаю, вопрос состоит в том, будет ли он?

На это Спок не дал никакого ответа.

— С тобой все будет в порядке, Зиминг? — Лейтенант Органа взяла мокрые фильтры влажности, которые им передали из открытой отдушины на потолке, вручила остальным, что ожидали на полу. Дюжина мисок с растительным маслом, тлея горящими нитями самодельных фитилей, окружала груды столов, похожих на ритуальный алтарь. Лао знал, что в одном из шкафов комнаты отдыха есть три коробки свечей, но они, как и все на корабле, имели магнитные защелки. Растительное масло было идеей энсина Джакомо — к счастью, в группу из комнаты отдыха входил и старшина Бруновски, который программировал пищевые синтезаторы.

Когда погас свет, Джакомо, Джефферсон и Эмико Адамс распутывали нитки для вязания, мулине и шерсть для вышивки, шнурки для макраме, всякое недоделанное рукоделие — хорошо еще, что рукоделие было весьма популярным видом отдыха среди экипажа "Энтерпрайза". Будь у них был доступ к тому, что спрятано в магнитных люках по стенам, конечно, они и путеводную нить через вентиляцию и энергетические шахты проложили бы раз в шесть быстрее, не говоря уж о спуске в инженерный отсек, но мысленно вспоминая схему вентиляции, Лао думал, что будем довольствоваться тем, что есть.

— Я буду в порядке, пока в вентиляционных шахтах нет какой-нибудь живности, — пошутил он и с трудом засмеялся. Экипажи боялись подцепить не только яггхортов, были и другие кошмары насчет инопланетных форм жизни. Только месяц назад вблизи от системы Бета Лира "Крейгер" нашел брошенный корабль свободных торговцев, в котором все пространство между внутренним и внешним корпусами было плотно забито высушенными телами кровавых ударианских личинок, все помещения и шлюзы на судне были по колено в них, даже двигатели засорились. Спасателям с "Крейгера" пришлось использовать химические сенсоры, чтобы найти тела экипажа.

— В смысле, помимо мышей? — сострил Бруновски.

Лао шагнул к визикому, где Миллер все еще пытался пробраться сквозь причудливую схему защиты программы-вируса. — Я не понимаю, как они проникли сквозь защиту, — сказал инженер, потирая лоб рукой, пока его коричневые волосы не встали дыбом, как гребень испуганного какаду. — Я сам ее ставил в прошлом году — не просто целую программу, а изменение система за застемой.

— Похоже, что они нашли способ разделить каждый бит, и проникнуть сквозь защиту бит за битом. — Лао скрестил руки на груди и изучал экран в мерцающем свете дымящихся и чадающих ламп.

— Это возможно?

Лао пожал плечами. — Нет, — беззаботно сказал он и вернулся к куче столов. Органа вручила ему единственный в комнате фонарь — у Миллера был один в кармане комбинезона — и конец длинной, спутанной веревки. Лао обвязал веревку вокруг лодыжки, взобрался на столы и оттуда протиснулся в узкий квадрат вентилятора. У Лао была хорошая память и он внимательно изучил схемы за пять месяцев, что был на борту. Когда Джакомо распутывала веревки для фитилей, а Бруновски и Миллер возились с программированием пищевых автоматов, пытаясь убедить их, что единственное, чего они хотят — несколько тарелок с жиром, Лао набросал по памяти, что помнил о системе вентиляции, считая повороты и ответвления и надеясь, что ничего не упустил.

— А если они в инженерном зале? — тревожно спросила Джакомо, встав под

вентилятором.

Лао пристроил фонарь в левую руку. Шахта воздуховода была квадратом со стороной около сорока дюймов, плечи и руки входили туда впритык. Не совсем то место, подумал он с кривой усмешкой, где хотелось бы встретить яггхорта — да и мышь, если уж на то пошло.

— Думаю, я об этом узнаю, когда доберусь туда, — сказал он, и отправился в путь, аккуратно проталкиваясь локтями и носками пальцев сквозь тьму.

— Ладно, — сказал Кирк. — Этот раунд вы выиграли. Думаю, света нет по всему кораблю?

Несомненно, судя по звукам, прямо за дверью каюты Спока на седьмой палубе тоже было темно. Это был один из самых тихих районов корабля, расположенный между комнатой с кабинками визикомов и корабельной библиотекой, но тем не менее, за стенами явно ощущалась некая смутная деятельность. Интересно, подумал Кирк, что подделывает в лазарете Маккой. Снова задумался — ему чуть не стало плохо от тревоги — что происходит на мостике.

Минуты тянулись, а ответа не было. Кирк слышал почти беззвучный шорох одежды мистера Спока, когда вулканец обернулся, как огромный кот в темной комнате, слышал ровный шелест его дыхания, даже не углубившегося от злости или тревоги. Получив доступ к специализированным — и как утверждается, вдвойне защищенным — директориям, Ариос мог отключить свет и дверные панели в отдельных частях корабля, но судя по всему, сделал это повсюду. По крайней мере, подумал Кирк, сам он именно так и сделал бы, чтобы отрезать экипаж друг от друга и возможности совместного поиска.

— Послушайте, — попытался он снова. — Освободите связь, чтобы я мог приказывать экипажу оставаться на месте. Я принимаю ваше заявление, что вы хотите всего лишь починить ваш корабль и отправиться на Тау Лира Три. Я не могу допустить, чтобы вы высадились на защищаемую планету, но помогу вам отремонтировать ваш корабль. Что вы делаете потом — это ваше дело. — Он надеялся, что это звучит достаточно небрежно и необходимо.

— Но дайте мне поговорить с экипажем. Кто-нибудь вот-вот отправится вас искать. А я хочу свести к минимуму повреждения в темноте. А если они уже ищут вас, я хочу сказать им, что договорился с вами, чтобы ни вы, ни мой экипаж не пострадал.

— Они не найдут меня, капитан, — возник голос Ариоса. — И я уже сказал им, им нас не достать. Не то чтобы я не доверял вашему слову. Вы имели...имеете репутацию человека, который его держит. Но я знаю, вы никогда не позволите кучке сомнительных космических пиратов высадиться на защищаемую планету. Мне очень жаль, но я и в самом деле не могу предоставить ни единого шанса. И я имею в виду любой шанс.

— Но вы уже предоставили.

Кирк вздрогнул и оглянулся — хотя в этом не было смысла — через плечо, откуда вдруг приблизился голос Спока. Он ощутил рукой тепло тела вулканца.

— Из того, что я подслушал из вашего разговора с Ракшанес... — Он использовал вежливое клингонское обращение, — ...вы вопреки ее совету уже отказались уничтожить экипаж "Энтерпрайза", хотя, поступая так, вы полагаете, что уничтожили бы члена экипажа, который...причинил вам зло. Нанес ущерб вам и вашему экипажу. Это показывает, что компромисс возможен.

Наступило долгое молчание. Кирку было интересно, что же подслушал мистер Спок, потому что его собственные уши донесли до него по связи только очень смутные шумы неразборчивого бормотания. Он с трудом расслышал слабый мужской голос — Тэд, подумал он, этот странно похожий на ребенка юноша — который взволнованно сказал: — Но как он мог услышать?

— Спок вулканец, конечно, он мог услышать, даже если я положил руку на коммуникатор. Мы знали, что они в кабинете Спока...Мне жаль, капитан. — Четкий голос Ариоса появился снова. — И мистер Спок. Я предоставил достаточно шансов. Больше я не могу себе этого позволить. Кое-кто из нас имеет собственную Первую Директиву. Вам

нужно будет...

Снаружи, из-за двери кабинета раздался внезапный царапающий шум, резкое шелканье крышки панели, которая откинулась назад, а потом скрежет ручного управления. Лоскут желтого света, ослепительный после долгих минут тьмы (отчего у Кирка заболели глаза) заполнил весь дверной проем. В этом свете он увидел две женские фигуры, смуглолицую Ракшу в костюме, мерцающем металлом и кожей, и очаровательную Адайю.

У Адаи был фазер и ужасающего вида оружие, сделанное из бритв. Ракша держала в одной руке металлический прут, похожий на дубинку, а на плече висел большой набор инструментов с отиснутой эмблемой Звездного Флота и серийным номером ""Энтерпрайза". Большинство таких комплектов имели сбоку надписи, к каким отделам они относятся. Кто-то — вероятно, Ракша — намотал на этот пару полос машинного провода.

Фазер Адаи, отметил Кирк, был изделием Звездного Флота. А это значило, что они вывели из строя одного из офицеров охраны, возможно, кого-то, кто был на страже на мостике.

— Капитан, — сказала Ракша, настороженно держась у двери, — вы также ненадолго понадобится нам в качестве заложника. А теперь позвольте мне связать ваши руки... — Она показала моток серебристой веревки... — или Адайя выстрелит в вас оглушающим зарядом и потом я свяжу ваши руки, а это займет время и обеспечит вам головную боль на весь оставшийся день. Если понадобится, Адайя выведет из строя вас обоих, но тогда мне придется искать кого-то еще, чтобы помочь отрегулировать двигатели и компьютер "Наутилуса".

— Я уже предложил сотрудничать, — сказал Кирк, протягивая руки запястьями вместе.

— Мистер Спок... в дальний угол, пожалуйста. Подальше от стола.

Спок отошел. Адайя осталась в дверном проеме, глядя на них и на темноту снаружи. Ракша резко обошла вокруг Кирка, связывая запястья за спиной, а не спереди.

— У вас имеется все необходимое ремонтное оборудование из инженерного отсека? — вежливо осведомился Спок. За спиной Адаи коридор был черен и совершенно тих — у Кирка было впечатление, что несколькими минутами раньше во тьме раздавались голоса. Он еще слышал, если вслушивался, отдельные приглушенные звуки из-за следующей двери — библиотеки.

Звукоизоляция, дорогая роскошь на борту любого судна, была жизненно необходима на борту любого звездолета, в долгие дни, недели — иногда месяцы — изоляции, но она была далека от идеальной.

— Большая часть того, что нам нужно, уже есть на "Наутилусе", — сказала Ракша, обращаясь к вулканцу, стоявшему за Кирком. — Нам понадобится машинно-компьютерный интерфейс, и именно поэтому выбрали вас, а не мистера Скотта — помимо того, что мистера Скотта мы не смогли найти. А теперь, капитан, прошу за дверь. Думаю, мы используем транспортатор по правому борту, а не тот, что рядом с отделом безопасности. Сюда.

Ее мягкие ботинки были почти не слышны на металлическом покрытии палубы. Отблеск луча от фонаря Адаи прошелся по телам тех, кому не повезло и кто оказался в этом коридоре, когда погас свет. Кирк увидел, что Джильден из исторического — его каюта была сразу за углом — слегка пошевелился и застонал, когда они прошли рядом, и с облегчением вздохнул. Было очевидно, что две эти женщины стреляли оглушающими зарядами во всех живых существ, с которыми встретились, и глядя в лицо Ракши, прекрасное и совершенно холодное, Кирк только радовался, что не случилось чего-то похуже.

Он с интересом отметил, как хорошо они знакомы с кораблем. Конечно, их собственный был почти идентичен, но фамильярность в ее голосе, когда она говорила о Скотти, дала какой-то толчок его сознанию, ощущение, что она знакома с личным составом этого корабля.

— Здесь мы вас и оставим. — Ее голос легким эхом отдавался в галерее между двумя транспортаторными кабинами. — После того, как мы переправим мистера Спока обратно и заберем мастера и всех остальных, мы скажем людям, где вы. Мне жаль, что пришлось

делать это таким способом.

Может, ей и в самом деле жаль, подумал Кирк, но не похоже, что из-за этого она собирается проводить ночи без сна, орошая слезами подушку.

— Может быть, это не единственный способ, которым вам придется это делать, — сказал он. — Скажите нам, кто вы и откуда, и...

Она коротко, резко рассмеялась. — Капитан, — сказала она, — поверьте мне, вы не хотите этого знать. — Ее глаза встретились с его, темные и горькие, как турецкий кофе, полные привычного гнева и боли. — Чуть тише она повторила: Наверняка не хотите.

Сразу за транспортаторами правого борта располагался ряд складов. Она нейтрализовала магнитную защелку на крышке панели ближайшей двери и, действуя рычагом, слегка ее приоткрыла. В качестве последней предосторожности она разорвала на полосы машинную ленту и закрыла его рот, потом втолкнула в темноту. Он наткнулся на что-то плечом — картонную коробку, кажется — но к тому времени, когда он с ее помощью снова встал на ноги, дверь закрылась.

Сквозь металл он услышал взвизг фазера, когда она расплавил механизм.

Ее голос, почти на пределе слышимости, удалялся к транспортной комнате. Это 7112, мистер Спок. Пока вы не вернетесь, с ним ничего не случится.

Кирк пнул соседнюю коробку. Бог знает, что в ней такое. Может, это был какой-нибудь образец почвы для археологических исследований неизвестных артефактов инопланетян. Медленно и осторожно он повернулся к ней спиной и начал изучать пальцами край, ища какой-нибудь острый угол или выступ, который можно было использовать, чтобы снять ленту в надежде освободить запястья.

— Т'Иана...

Кристина Чейпл резко повернулась на звук севшего от химии шепота с кровати. Огоньки приборов породили в душашей тьме ниточку света. Оранжевого свечения освещенных маркеров на диагностическом оборудовании над кроватями едва хватало, чтобы очертить грубую щетку темных волос на одной подушке, тонкие, патрицианские черты на другой. Несколько часов юноша-вулканец Шарнас лежал без движения, застыв, как статуя. А теперь его дыхание участилось, в углах рта отпечатались морщины боли, под запавшими глазами — синяки. Его длинные, красивые и ухоженные руки сжимались и дрожали на грубой шершавой ткани покрывала, а ноги, укутанные этим покрывалом, дергались, словно пытаясь избежать раскаленных докрасна игл.

— Т'Иана, — снова прошептал юноша с отчаянием в голосе. — Не позволяй им. Я не хочу. Они убивают...

Его рука судорожно металась, пытаясь справиться во сне с какой-то задачей; когда Чейпл встала на колени рядом с кроватью, чтобы взять ее, она увидела, что тонкие запястья, ладонь и подушечки пальцев были иссечены бледно-зелеными рубцами и шрамами разного возраста, часть из которых уходила прямо в рукава.

У Кристины были собственные причины в течение трех лет изучать сложные тональности вулканского языка. Сейчас она впервые заговорила на нем с кем-то еще, помимо обучающего компьютера. — Все в порядке, — сказала она, надеясь, что произношение этой простой фразы было верным. Она взяла его стиснутые пальцы в свои, успокаивая. — Ты в безопасности.

В безопасности от чего? Т'Иана была матриархом клана? Матерью мальчика?

Голова Шарнаса беспокойно металась взад-вперед, в горле умирал слабый стон боли. — Не позволяй им, — просил он, и вся логика, все вулканское хладнокровие были заглушены ужасом. — Не позволяй им это сделать, Т'Иана, я не хочу...

— Ты в безопасности, — снова сказала Кристина, спрашивая себя, а правда ли это. Свет погас уже больше получаса назад. После единственного обмена репликами между Диланом Ариосом и капитаном Кирком, который был слышен через коммуникатор всем на корабле, на гауптвахте царила полнейшая темнота. От кабинета Маккоя и лабораторий камеру отделяли приемная, кабинет и значительный отрезок коридора, так что даже изо всех

сил напрягая слух, она не слышала ничего, донеслись только спотыкающиеся шаги по коридору и удар тела о стену это сказало ей, что остальные на палубе, по меньшей мере, столь же слепы, как и она.

Интересно, на сколько хватит батарей госпитальных ламп, и не толкнет ли, и в самом деле, Ариоса отчаяние к тому, чтобы осуществить угрозу насчет отключения жизнеобеспечения. Она не была уверена — она видела его прошлой ночью и сегодня утром только мельком, и не в лучших условиях, естественно, ведь он был озабочен. Он не произвел на нее впечатления жестокого человека, хотя она знала — чтобы убить огромное количество людей, не требуется жестокости.

Только чувство долга.

Шарнас, к которому она прикоснулась, дрожал, сражаясь с неизвестным врагом. — Пожалуйста, — шептал он. — Оно... уничтожит. Не заставляйте меня...

Наконец все успокоилось — в ее дежурной палате, за запертой и безответной дверью, разумеется. Она похлопала по юношеским щекам, влажным от пота, отбросила иссиня-черные волны волос с висков. — Все в порядке, — сказала она, изнывая от жалости к мальчику, отчаянно пытаясь добраться до него, заставить его понять, облегчить его страх. — Никто не заставит тебя делать то, чего ты не хочешь. — Все предложение было на вулканском, и она не была уверена, что сказала все правильно или что он услышал.

Ночной кошмар, поднявшийся из мрачных бездонных пропастей внутреннего страха? Или повторение события, которое произошло на самом деле?

Его голос взвился перетянутой струной ужаса. — Т'Иана...

Потом он резко сел прямо, сбрасывая ее руки с пугающей силой вулканцев, его темные глаза — бездна ужаса — уставились во тьму. — Это в моем разуме! закричал он, содрогаясь, стискивая голову, наклоняясь вперед и сжимая виски, словно стараясь раздавить череп. — ЭТО В МОЕМ РАЗУМЕ!

И его голос поднялся до отчаянного вопля.

Глава 6.

Первое, что отметил Спок в инженерном отсеке "Наутилуса", был запах.

Он был замечен даже поверх легкого сладковатого запаха родона, сочившегося сквозь пещерную тьму отсека, где находились шаттлы, поверх зловония выгоревшей изоляции и дыма: легкий рыбный душок, настолько мерзкий, что даже через фильтры маски волосы шевелились на затылке. Он машинально проверил трикодер, но данные о формах жизни были неразборчивы. Грибок и плесень кляксами покрывали трубы и вентиляцию над головой, а слабые всплески красноватых огоньков указали ему на скрытое движение крыс и прочей нечисти в углах этой огромной комнаты. Многие крейсера подхватывали таких паразитов со складов, если не очищались должным образом; карантинные процедуры Звездного Флота устранили их почти автоматически, но большинство независимых кораблей были не настолько велики, чтобы проводить ремонт как надо, а транспортные фильтры на мелких судах частенько были далеки от совершенства. У свободных торговцев по всей Федерации и вдоль границ нередко были и такие твари, и похуже. Это была одна из причин, по которым Федерация косо поглядывала на свободных торговцев.

— Ради вашего собственного блага говорю вам, мистер Спок, — мягко сказала Ракша, и ее голос эхом отозвался от сводчатого пространства над ними. — Не удаляйтесь от меня и Адаи. Не пытайтесь одолеть нас и обследовать корабль. Не пропадайте из вида.

Какое-то мгновение он изучал этих женщин — клингонку в куртке с металлическими заклепками, которая как бродяга перекинула через плечо рычаг, орионку, крутящую орудие из острых бритв в нежных руках. Интересно, угроза исходит от них или от мин-ловушек, что, как заявила Ракша, перегородили судно?

Если верно было последнее, то насколько такие ловушки будут опасны, если почти вся

энергия пропала?

Запах его тревожил — полужнакомый и отвратительный, какими часто бывают запахи ферментной системы инопланетян. Он снова огляделся в ангаре, где повсюду были признаки длительного бездействия. Темные протечки стекали из всех вентиляторов, а грубоватая багровеющая бахрома лишайника Святого Джона медленно разъедала палубы в тех местах, где были масляные пятна. Сенсоры "Энтерпрайза" указали большой разброс зон тепла и холода — признак расстройств систем жизнеобеспечения — а здесь, в глубинах инженерного отсека самый воздух, казалось, капал липким жаром джунглей, отчего рубашка Спока прилипла к спине и распрямлялись длинные черные волосы женщин.

В стенах, трубах и люках чуть теплились остатки энергии. Уровень кислорода был низок, а от флуктуаций главных гравитационных катушек его подташнивало. Без сильной пульсации машин корабль казался пугающе тихим.

Его пальцы сдвинули шкалу трикодера, и на экранчике расцвели чужеродные цвета мю-спектра, которые бились как сердце спящего.

— Сюда. — Кошачьи шаги Ракши не производили ни звука на выщербленной и грязной палубе. Она закрутила черные волосы в узел, вытащила из сапога стилет в ножнах и закрепила его на месте. — Прежде всего нам понадобится установить насосы и возобновить производство кислорода. Адайя, присматривай за ним. Я буду наверху, в компьютерном отсеке, переустанавливаю соединения, пока ты будешь чинить проводку.

Она помедлила у открытой двери — похоже, все двери на судне заклинило в открытом положении, или возможно, на корабле было столько неполадок, что мастер и его экипаж просто оставили их в таком виде. Ее глаза вспыхнули в свете фонаря Адайи, в волосах отразились блики стали.

— И, мистер Спок, — сказала она спокойно, — я не лгала насчет...защиты на этом корабле. Вы не проберетесь к транспортатору. Даже если на борту нас всего лишь...трое... — Интересно, подумал он, почему она заколебалась насчет количества, — поверьте мне, вам не удастся спрятаться.

Спок поднял бровь, когда Ракша растворилась во тьме. — Любопытно.

— Шарнас тоже так говорит, — заметила Адайя, проходя по коридору и спускаясь по переходу, стены которого были, казалось, покрыты коркой зелено-золотой смолы, вяло вспыхивающей в сиянии крохотного фонарика. — Вы тоже отмечаете странности и говорите людям, что их поступки нелогичны?

— Если того требует ситуация. — Запах на нижней палубе стал сильнее, возможно из-за усиления жара и оттого, что фуксиновое сияние маркеров мю-спектра на его трикодере усилилось настолько, что пятнало даже грязные стены. Он с интересом отметил, что сюда, вниз, выходили машинные отделения запасного отсека, и задался вопросом, почему. По структуре это устройство носило все признаки самоделки, сделанной в аварийных условиях много лет назад.

Любопытно также, что Ракша решила заняться компьютером в конце работы по переналадке машинных систем. Если она специалист по компьютерам в экипаже — и следовательно, сотворила такой хаос в системах ""Энтерпрайза" — неудивительно, что она хотела удержать его от контакта с системами "Наутилуса"...но он задавал себе вопрос, нет ли для этого иных причин. Что-то в самих компьютерных системах, чего он не должен видеть.

Он вытянул руку и снова дотронулся до стены, и теория, что смутно маячила у него в голове, начала принимать законченный вид, отчего он снова пробормотал: — Весьма любопытно.

Чтобы починить подачу кислорода и насосы, а также перенастроить интерфейс главного компьютера звездолета, который, как решил Спок, тоже находился в запасном отсеке, много времени не потребовалось. По коммуникатору, который временно исполнял роль молчащих переговорных систем, Ракша сообщила, что чистый воздух вот-вот пойдет, и к тому времени, как мистер Спок доберется до машинного отделения, воздух там вполне

будет пригоден для дыхания, так что он сможет снять фильтрующую маску.

Это было удачно, так как сами механизмы были установлены совсем не так, как на "Энтерпрайзе", громоздились впрытик, к тому же были намного меньше и слабее — странная ситуация, учитывая более сложную конструкцию "Наутилуса". Там, где должны были находиться усилители главного ворп-двигателя, громоздились темные баки и катушки, а на месте панели монитора мистера Скотта стояла что-то вроде яйцеобразного плексового пузыря, некогда хрустально-чистого, но теперь покрытого желтыми, зелеными и коричневыми пятнами и каплями смолы, которая, казалось, заляпала все стены, полы, баки и ограды. Рыбный, чужой запах там был особенно силен; усиливался он также и в глубоких тенях между баками и в пещерной тьме за ними. Разбирая и латая огромные, мертвые, выжженные катушки главного генератора, Спок напряженно прислушивался к безмолвному судну, к другим звукам, помимо дыхания Адаи и своего собственного, помимо еле слышного голоса Ракши, шедшего от коммуникатора на полу рядом с ним.

— Вы видите какой-нибудь свет в системе наведения? — спросила она. — Это устройство слева, — добавила она, как будто заметила его минутное замешательство. — У него куполообразный верх и труба вокруг.

Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы отделить эти системы, с которыми он был знаком, от кучи родоновых труб и ровных рядов плат, вставленных в каркасы, слева, и он прищурился, снова глянув на Адайю, которая уселась скрестив ноги, на покрытом ржавчиной сигнальном модуляторе, небрежно держа фазер одной рукой.

— Я нигде не вижу света, — сообщил он в коммуникатор.

— Там внизу ряд люков. Проверьте внутри, не сгорели ли разъемы.

Спок подчинился и нашел пробел в цепи. Пока Ракша проводила проверку на расстоянии, он снял голубой свитер и закатал рукава тонкой черной рубашки, которую носил для тепла на "Энтерпрайзе", где, как и на большинстве земных судов, по вулканическим стандартам было холодновато. Если не считать влажности, которую он находил чрезмерной, ему давно уже не было так комфортно, как в этой части отсека, и его заинтересовало, ощущает ли Адайя — дитя еще одного засушливого мира — то же самое.

Работая, он еще прислушивался, напрягая слух — задаваясь вопросом, что же не так. И тут он осознал, что под этим уровнем не слышит когтей грызунов, которые носились по металлическим трубам, никакого шебуршанья живности под полом.

Удача? Действие родона?

— Ваш капитан сказал, что он также и инженер? — спросил он наконец, проводя последовательную проверку, чтобы подсоединить энергетические импульсы к каналам, которые заново установила Ракша.

Адайя кивнула. — Он учился в Академии, когда закончил Институт; он много лет поддерживал этот корабль. Я-то в этом мало смысла. Глава моего клана подарил меня только в прошлом году, после мятежа на Празднике Быка, но я знаю, что с Шарнасом он встретился в Институте, а с Филом в Академии.

Спок кивнул, запоминая незнакомые термины и отмечая, что в системе Ориона не случилось никаких мятежей по меньшей мере пятьдесят стандартных лет. Интересно, конечно, что за услугу оказал мастер главе орионского клана, если тот подарил ему явно дорогую любовницу, но он понимал, что это любопытство в лучшем случае смешно.

— А мистер Купер обучался на навигатора?

Его голова и плечи были в люке, который он чинил, и он услышал, как Адайя подходит ближе, чтобы лучше слышать.

— Да. Консилиум решил, что мастеру нужно обучаться и навигации, хотя все равно инженер из него лучше, и там он встретил Фила. Они вместе сбежали, а потом вернулись за Тедом. Тед помог Шарнасу уйти, и по-моему, Маккеннон чертовски этому удивилась.

— Маккеннон?

Она вздрогнула. — Одна из тех, с кем вам не стоит встречаться. — Она прислонилась спиной к баку; с того места, где он работал, Спок видел изгиб ее длинной ноги, фазер на

поясе, мерцание бритв на самодельной булаве, которая лежала в руке подобно розе с длинным стеблем.

— Она один из мастеров в Институте, — продолжила она чуть погодя. — Они собирались убить Тедди, — мягко добавила она, и в голосе смешалось недоверие и отвращение. — Чуулак — просто за нарушение обязанностей.

— Кто собирался? — Он выбрался из-под сожженного теплового фильтра. В части ламп появилась энергия, хотя еще далеко не на полную мощность. Те из них, что нашлись в машинном отсеке, привинтили, чтобы усилить яркость, хотя было очевидно, что от оставшихся на корабле ламп ярче, чем мрачный коричневатый полумрак, сквозь который они прошли в машинный отсек из ангара, не будет. А из повторного розыска сигнальных соединений, который провела Ракша, стало вполне очевидно, что от целого ряда энергетических передатчиков придется отказаться.

— Маккеннон, — сказала Адайя. — И мастера. Мастера Консилиума, но они все делают то, что скажет Маккеннон.

Много раз за последние пять лет Спок видел, как капитан Кирк использовал маневр, который тогда восхищал его своим успехом, хотя его собственные попытки были весьма неубедительны, и он сомневался, что когда-нибудь достигнет легкости капитана в искусстве невербальной лжи. Однако он рассудил, что пора попробовать. Он поднял глаза — и убедительно (как он надеялся) сделал вид, будто на пороге машинного отделения, так что Адайте с того места, где она сидела, не видно, появилось что-то неожиданное. Орионка тут же развернулась, с фазером наизготовку, чтобы встретиться с угрозой, которая, как она, видимо, считала, блуждает по коридорам этого лишнего света и почти заброшенного корабля.

Мистре Спок протянул руку и сжал плечевое нервное сплетение. Он подхватил ее, когда она упала, а фазер громко зазвенел на металлической палубе, отчего он вздрогнул, хотя знал, что слух клингонов значительно менее остер, чем у вулканцев и вероятность того, что Ракша услышит его сквозь возобновившееся грохотанье машин, меньше десяти процентов.

Его первым побуждением было связать Адайю, чтобы она не смогла слишком рано начать преследование с целью помешать ему выяснить последние секреты черного судна. Но по мере рассеивания родона сладковатый, похожий на вонь грязного белья запах грызунов и мерзкое зловоние паразитов становились все сильнее. На других покинутых судах Спок кое-каких видел — размером чуть не с руку. Так что вместо этого он просто положил ее на панель управления старого сигнального модулятора, где эти хищники не смогли бы до нее добраться, и оставил лежать без сознания, как жертву-девственницу, чьи волосы траурным шелком стелились почти до самого пола.

Чуулак, сказала она. Если он верно вспомнил сельское наречие Ориона, то это слово означает публичную казнь под пытками с целью запугать всех потенциальных злодеев.

Немного суровое наказание за нарушение обязанностей, особенно для юноши вроде Тадддеуса Смита, с явно ограниченными возможностями.

Перенастроив трикодер на обнаружение источника энергии мю-спектра, Спок быстро и тихо отправился во мрак, а сознание наполнилось размышлениями, касающимися того, кто эти люди и куда они в действительности отправляются на черном звездолете-развалине новейшей конструкции.

Два поворота вели направо, как раз к аккуратным черным дырам в тускло мерцающем свете фонаря. Интересно, подумал энсин Лао, этих поворотов на схеме было в самом деле два или три? Все это здорово напоминало ему тесты на выживание и сообразительность, которые они проходили в Академии — или же те дома-лабиринты, которые он посещал на карнавалах. Он также спрашивал себя, а что если он застрянет в такой позе, что не сможет почесать ногу — например, ползя по воздуховоду размером чуть шире плеч — и это тут же вызвало жестокий зуд в этой части тела.

Надо будет спросить об этом доктора Маккоя, подумал он, кривовато усмехаясь про себя. Возможно, это имеет научное значение.

Он как раз раздумывал над этим, когда нахлынула первая волна удушающего

головокружения.

Кирк десять минут терпеливо крутился, ерзал и терся спиной об угол коробки, чтобы освободить край ленты, которой были связаны его запястья. А казалось, намного дольше. Все это время он напряженно прислушивался к шумам за невидимой дверью — или к тому месту, что он мысленно отметил как дверь, перед тем как Ракша заперла его в темноте — выискивая хоть какие-то голоса и движение снаружи.

Ничего. Пневматические двери, предназначенные ограничить падение давления, отделили один отсек коридора от другого, к тому же Ракша с Адаией весьма основательно поработали фазерами. Он работал медленно, пытаясь успокоить бешенство и нетерпение от осознания того, что его экипаж на почти полностью лишенном света судне ищет его или Дилана Ариоса. Ищет, несмотря на то, что за несколькими исключениями, планы они знали хуже, чем он, и привыкли к открытым проходам, а не к неизвестно какими препятствиям, которые приготовил Ариос.

Работая, он мысленно перебирал каждое слово, произнесенное Ариосом и его экипажем, каждую деталь их одежды, поведения, речи. Где-то должен быть ключ, что-то, что поведает ему, кто эти люди и чего хотят.

Почему Тау Лира III — называемая жителями Йондри — по всем сообщениям, безобидная планета мирных фермеров и городов-государств, где войн не было уже несколько десятилетий, а то и столетий?

Видимо, Ракша с Адаией забрали Спока на "Наутилус"; по словам доктора Маккоя, вулканец Шарнас встанет еще очень нескоро, а Фил Купер под действием сильного снотворного.

Тогда остается только сам Ариос и Тэд Смит — если его и вправду звали Смитом. Что делал этот миловидный юноша с широко раскрытыми глазами — и с очевидной задержкой развития — в компании пиратов? А вулканец?

Почему не было никаких записей об "Антилопе", о загадочном черном судне, о самом Ариосе? Он наполовину инопланетянин, вроде Спока, но наполовину человек, наполовину...кто? Маккой не знал.

В самом начале исследований глубокого космоса, разумеется, корабли пропадали, как и сейчас. И общение с расами, доселе неизвестными, тоже не было необычным.

Однако...

Пришлось долго исхитряться, чтобы встать на колени и просунуть носок ботинка под угол ленты, действуя медленно и мучительно, пока пара дюймов ленты не высвободилось и еехватило, чтобы ухватить и подсунуть под угол ящика. Как только его руки освободились, снова потребовалось терпение, чтобы ощупью найти стену и обнаружить полуоткрытую панель расплавленного дверного механизма. Провода из него он использовал как нить Ариадны — укрепил один конец в панели управления, а другой держал в руке, исследуя стены в обеих направлениях, пока не нашел, что искал: грузовую тележку с ручным управлением и съемными рукоятками.

Рукоятки были металлическими, полыми внутри. Диаметр как раз подошел, чтобы подогнать их к упрямому пластиковому механизму привода двери и заставить его отойти к сплавленной мешанине из деталей и проводов на другой стороне стены. С помощью этого рычага ему удалось толчком открыть дверь на несколько дюймов, пока ее не заклинило намертво.

Ругаясь — и благодаря свою счастливую звезду за усердие в спортзале — Кирк выскользнул во тьму коридора. — Меня кто-нибудь слышит? — позвал он в тишину. Это капитан.

Спускаться по переходам было медленнее и неприятнее, чем по шахте турболифта. Однако, размышлял мистер Сулу, нейтрализуя третью панель управления и старательно отводя в сторону пневматическую дверь, возможно, безопаснее. Помимо всего прочего, там пришлось бы принимать во внимание сами турболифты. Энергия могла вернуться в любой момент, так же неожиданно, как и оборвалась, и тогда машины снова засвистели бы в узких

шахтах на таких скоростях, что их никто не мог бы избежать.

— Разумеется, в лаборатории не было ни одного нейтрализатора, — волновался лейтенант Бергдал, начальник антропогеологической лаборатории, спеша по пятам за Сулу по рабочим проходам. В смутном отблеске фонаря, который нес Сулу, облысевший лоб начальника лаборатории был обрамлен блестящими полосками пота, а глаза, когда тот несколько раз оборачивался назад, вспыхивали серебром. "Не то чтобы, — размышлял Сулу, — существует какая-то вероятность, что на двух палубах над ними находятся неизвесные враги. На второй палубе ровно три лаборатории, на третьей — только мостик". — Все это у нас находится в надлежащем порядке, под замком, если только энсин Адамс не была опять небрежна, конечно. — Он свирепо глянул назад, на миниатюрную сотрудницу из группы, которую Сулу собрал в лабораториях второй палубы.

— Я пытался подсоединиться к центральному компьютеру, — озабоченно добавил лейтенант Мейнут, который неуклюже замыкал шествие, когда они спускались в следующий проход. Желтое зарево ламп, которые они несли, мрачно дрожало и качалось, за ними ползли чудовищные тени: Сулу взял аварийные лампы на батарейках из панели рулевого управления, и к аварийным запасам лаборатории добавилось широкая полоса света.

— Там оказалось несколько просто поразительно сложных программ-блокираторов, — одобрительно продолжил физик. — Воистину прекрасное программирование; должен признать, мне пришлось отвлечься и кое-что записать от руки...

— То есть похоже, что Ариос со своим экипажем в Центральном?

— Очень может быть. — Мейнут поправил очки с толстыми стеклами на своем птичьем носу. Он перенес уже было четыре операции, чтобы замедлить ухудшение зрения и много лет страдал аллергией на ретинокс; длиннорукий и сутулый, в полумраке он был похож на шестифутового богомола в голубом лабораторном халате. — Вся связь, конечно, не действует. Им нужно быть где-то на основной магистральной линии и иметь доступ к лабораторному терминалу, что ограничивает места, где они могли быть.

— Учитывая ту расхлябанность, с которой действует охрана, — жестко добавил лейтенант Бергдал, — я не удивлен, что у них было так мало сложностей в...

Начальник антропогеологов запнулся, хватая ртом воздух и прижав руки к груди. В тот же миг в хилем свете лампы все поплыло у Сулу перед глазами. Он вскинул руку, хватаясь за стену, падая на колени в воду на полу. Мейнут, Адамс и Дейв бросились вперед, чтобы подхватить Бергдала, когда тот зашатался, и потрясенный Дейв издал хриплое восклицание, пытаясь вдохнуть. Сулу, у которого темнело в глазах, ощутил холод в груди и одновременно его бросило в пот.

Он с трудом каркнул: — Назад, — и все они застыли, ошарашенно уставившись на него в игре света от факелов и мрака.

— Назад, — повторил он, стараясь поставить свинцовые ноги на металлические ступени. — Газ...в проходе.

Бергдал издал звук, как будто заглох моторчик, и упал в руки Дейва, чуть не придавив начальника отдела управления к полу. Адамс задержала дыхание и перепрыгнула через две ступени, что отделяли ее от них, подсунула плечо подмышку Дейву и отволокла его назад — Сулу подумал, что в желтом свете она тоже выглядит больной и бледной. Они поднялись по ступеням, и Сулу тут же почувствовал себя лучше, да и Дейв достаточно быстро оправился, чтобы помочь тащить Бергдала, хотя сам Бергдал стонал, задыхался, просил воздуха и на всякий случай — неотложной помощи.

Они на мгновение сгрудились у дверей, ведущих обратно на вторую палубу, посмотрели друг на друга, затем вниз, в шахту прохода. Потом Сулу осторожно двинулся вниз снова, по ступеньке за раз. Четырьмя ступенями ниже он ощутил, что его охватило слепящее головокружение, слабость, холод и удушье, отчего он чуть не упал. Он, шатаясь, побрел назад, хватаясь за ступеньки, когда все же упал; Дейв поддержал его и втащил обратно. Он услышал, как Адамс говорит: — Я возьму из лаборатории трикодер, — и смутно уловил, как подошвы ее ботинок резко заклацали по металлическим ступеням.

— Наверное, это был не газ, — сказал Мейнут. — Откуда ему тут взяться?

Свесив голову между коленями, все еще не вполне придя в себя от ощущения, которое не совсем походило на нехватку воздуха, Сулу ухитрился саркастически пробормотать: — Может, это игра моего воображения?

Мейнут принялся к темноте, и угасающий свет фонаря образовал на линзах его очков желтые круги.

— Может быть, — сказал он. Это прозвучало одобрительно.

— Зиминг? — Лейтенант Органа вскарабкалась на стол мрачной, дымной от чада ламп комнаты отдыха, схватившись за край открытого воздуховода. — Зиминг, ты там?

Нить из пряжи неподвижно повисла рядом с ней.

Внизу определенно двигалось что-то живое. Несомненно, инопланетянин, подумал Спок, вспоминая запах, от которого напрягались мышцы затылка. Несмотря на плотную концентрацию энергии мю-спектра, Спок это видел — смутная, обрывочная тень в цифровом изображении. Очевидно, даже плотная концентрация энергии мю-спектра сама по себе не была враждебна жизни.

Знать это было приятно.

С другой стороны, размышлял Спок, было бы приятно знать также, что эта форма жизни на основе углерода и более или менее гуманоидна, поскольку неизвестная энергия прекрасно могла поглощаться без вреда для себя кремнийорганической формой жизни и при этом причинить серьезные повреждения вулканцу. С тех пор, как он выявил в трюме остатки энергии мю-спектра, он размышлял о том, что очевидно, экстраординарная защита корабля помешала приборам обнаружить по меньшей мере еще одного члена этого пиратского экипажа — исходя из размеров и массы этой формы жизни — а возможно, и больше. А в этом случае Дилан Ариос прекрасно может послать за подкреплением.

Масса была вдвое больше, чем у среднего человека, и совершенно других очертаний. Разумеется, метаболизм по показаниям приборов тоже другой. Небольшой памяти трикодера, наверно, могло не хватить, чтобы четко разобрать показания, если, подобно неизвестным предкам Ариоса, раса инопланетянина была неизвестна, но...

На экранчике вспыхнуло наиболее вероятное предположение, которое сделала корреляционная программа, а также вероятность совпадения этих параметров.

Вероятность совпадения параметров была более девяноста процентов.

Спок почувствовал, как у него похолодели руки.

Лучшее предположение программы, исходя из полученной информации, состояло в том, что существо двумя палубами ниже было яггхортом.

Наутилус подцепил яггхорта.

Неудивительно, думал Спок, что Ракша с Адаей велели ему оставаться с ними. Неудивительно, что Ариос так отчаянно старался удержать экипаж ""Энтерпрайза" от попыток посетить свой корабль. Прежде всего не от стремления что-то скрыть, а от подлинного беспокойства об их безопасности. С другой стороны, что бы они ни прятали на борту " Наутилуса", должно быть, это нечто отчаянно важное, если оно не позволило им просто отказаться от этого судна при первой же возможности.

Шесть человек могли, вероятно, некоторое время делить крейсер конституционного класса с яггхортом и не пострадать, особенно если установили пищевые синтезаторы на нижних уровнях так, чтобы те извергали эквиваленты свежего мяса и крови каждые несколько часов, предотвращая охоту наверху, но такое положение не могло сохраняться долго. Он встревоженно передвинул покрытие, чтобы еще раз как можно лучше проверить местонахождение этой твари.

Но их действия до сих пор сильно отличались от поведения большинства экипажей в подобных обстоятельствах, и это навело Спока на мысль (когда он выскользнул в полуоткрытую дверь в узкий, пахнущий грызунами проход, где снизу поднимался пар), а не было ли на Тау Лира III кого-то или чего-то — возможно ученых, обладающих психическими возможностями, которые, предположительно, имелись на этой планете — кто

мог бы справиться с яггхортом. Принимая во внимание близость этого мира к аномалии на Перекрестке, такая возможность существовала.

Несмотря на то, что в груди сжималось при каждом шаге, который он делал, спускаясь, Спок терзался любопытством, которое чуть не перехлестывало через край.

Он как-то сказал, что строить теории, не имея данных — ошибка; и несмотря на это, в его разуме теснились варианты. На корабле был источник радиации мю-спектра. Каким-то образом у них оказался яггхорт — хотя по общепринятому мнению, для этого нужно заражение личинками, на самом деле не было ни одного случая, который бы это доказывал — и он мешал им добраться до источника энергии... Учитывая, что семьдесят процентов тех немногих нашествий яггхортов, о которых стало известно, произошло в секторах, где существуют аномалии Тертлдава, думал Спок, осторожно продвигаясь по сырým лабиринтам помещений старого судна, вполне допустимо, что яггхортов привлекает источник энергии, типичной для аномалий.

Мы и в самом деле в безвыходном положении, сказал Ариос.

А Ракша несколько раз повторила Не пропадите из вида.

Его внезапно кольнуло беспокойство насчет Адаи, которая лежала без сознания палубой выше.

Но если верить трикодеру, когда он подошел к очередному темному проходу, уходящему вниз, яггхорт был все еще под ним. Стены в липком жаре покрывала пленка грибка, в углах лестницы теснилась плесень. Уцелевшие то здесь, то там светящиеся панели испускали мрачное сияние, и только оно выявляло запустение этого места, его совершенную запущенность.

Разумеется, думал Спок, присутствие на борту источника, производящего энергию мю-спектра — не самое важное. Но он мог содержать некоторые ответы, содержать доказательства теории, которая складывалась в его уме с тех пор, как он впервые увидел это машинное отделение, впервые поговорил тут с Адаей.

Тут ему в голову пришла еще одна мысль. Он отошел от начала прохода, напрягая до предела острый слух, вслушиваясь в безмолвное судно, и спустился на несколько шагов в отсек, к открытой двери одной из пустых кают. Из давно проржавевших отдушин кинулись врассыпную грызуны, их блестящие черно-красные спинки и длинные нитевидные усики отражались в темных проемах, когда Спок быстро просматривал пустые ящики встроенных столов.

Первая комната не дала ничего. Во второй он нашел несколько пластковых квадратов трех сантиметров в диаметре, которые опустил в отделение трикодера.

Он снова проверил трикодер, остановился, прислушиваясь и выхватывая из темноты царапанье мелких паразитов, а заодно задался вопросом, сможет ли он выделить движение более крупной твари, что залегла где-то внизу.

Он не услышал ничего, что дало бы ему ответ. Жара была такой же, как на Вулкане, влажной и удушливой, она липла к его коже и оседала на заплесневелых стенах. Развитие грибка и простейших теплолюбивых форм жизни было явно буйным. Запах яггхорта здесь, внизу, был силен и напоминал густые смоляные потеки очень старого масла на стенах. По мере приближения к источнику энергии цвета мю-спектра слепили все на цифровом экране; после напрасных попыток уловить перемещение теней и дробящихся очертаний Спок отступил и сосредоточился на вслушивании.

Ясно, что здесь было жарко и сыро уже давно. Из-за мю-генератора? спрашивал он. Или это необходимо для его работы?

Его мысли обратились к статьям, которые он прочел, к статьям, рассуждающим о связи между энергией мю-спектра и феноменом безинструментальной транспортировки на огромные расстояния. Связь между ослабленными ворп-механизмами, увеличенными импульсными двигателями "Наутилуса" и управлением источниками энергии (которое почти отсутствовало) — управлением, занимавшим большую часть механизмов "Энтерпрайза" — эта связь существовала почти наверняка.

Единственный вопрос...где "Наутилус" раздобыл двигатель мю-спектра?

Спок снова застыл, напрягая слух и разум. Звук когтей — крысы? Крупные, однако, если это они. Но тут они, конечно, могли стать крупными. Как-то он видел крыс из машинного отделения на одной из грузовых планетных барж, так они не только выросли до невероятных размеров, но к тому же причудливо мутировали. Он попытался настроить трикодер и добыть отчетливые данные — отчасти из-за тревоги перед яггхортом, отчасти чтобы зарегистрировать близость мю-генератора — и получил сообщение об ошибке и вежливое предложение перенастроиться. Единственный человек из тех, кто выжил после нападения и с которым он разговаривал — командор Келлог со Звездной базы 12 — сказала, что это существо совершенно неслышно, но на некоторых записях с уцелевших кораблей улавливалось что-то вроде шипения и треска хитина.

Снова настроив трикодер на линии мю-спектра — поскольку на что похож этот генератор, он не представлял совершенно — он установил фазер на максимум и, прислушиваясь к каждому звуку в молчащей тьме, снова двинулся вперед.

— Они вмонтировали ему имплантаты, когда ему было восемь.

Кристина Чейпл резко развернулась, продолжая накрывать рукой ледяные пальцы юноши-вулканца. Фил Купер чуть приподнялся на постели и изучал ее расширенными серыми глазами, полными притупленной боли. В почти полном мраке палаты его небритое лицо выглядело измятым и гораздо старше своих лет, а от влияния меланекса он клевал носом.

— Им пришлось, — тускло продолжал Купер. — Обучали на эмпата...обучали для псионного двигателя. У вулканцев лучше всего получается. Самые высокие математические способности. Им это нужно. Должны понимать, что делают, изгибая космос внутри, а не деформируя вокруг. Они пытались с дельтанами, бетазойдами и рембегильцами. Все рембегильцы умерли. Маленькие хрустальные эльфы...вроде них...огромные зеленые глаза. Длинные зеленые волосы. Консилиум думал, что у них это получится, когда вошел в контакт с рембегильцами. Много лет управлял их колонией, одной из самых больших. — Он взъерошил рукой волосы.

— Это все сны, понимаете? Они установили предохранители, ограничители, чтобы подавить сны. На вулканцев и бетазойдов действует. Имплантаты...приносят сны.

Он снова опустился на кровать, закрыл глаза. Голос стал неразборчивым шепотом. — Большинство людей этого не знает. Не знаю, что они говорят вам во Флоте сейчас.

Твердый пол под коленями, темнота, похожая на пленку безмолвия, что скрывала ее от все звуков, всех связей с кораблем — Чейпл почти казалось, что это она сама грезит. Она мягко спросила: — Они с вами это сделали, когда вы вступили в Звездный Флот?

К ней вернулся голос Роджера, вместе с воспоминанием о сиянии лунного света на бледной букве V у него на груди на фоне черного бархата одежды; аромат университетского ботанического сада и мерцание глаз-драгоценностей Зиа Фанг, ригеллианского бога целительства, чья неуклюжая каменная статуя стояла в нише стены запертого склада с древними свитками и оборудованием для перевода. Тебе нужно понять, что где-то всегда существуют заговоры, Крис, сказал он тогда. Они предадут все, и неважно, хороша ты или нет, неважно, правильно ты поступаешь или пытаешься поступить, или нет. В конце концов они всем завладеют.

Ей не хотелось в это верить.

Купер кивнул, все еще не открывая глаз. — Навигатор, импульсные и ворп-двигатели. Чтобы положить корабль на курс для прыжка и знать, где ты находишься, когда вышел. Чтобы думать об этом. Они не могут позволить пилотам начать делать это самим. Разрушить монополию Консилиума на грузовые перевозки. Мастер их вырывает. Нанологическое...само восстанавливается. Снова вырастает.

Не вырезали же они эти приборы из куска мыла, — сказал Маккой. Судя по ткани шрамов, плоть вокруг похожих на минускул очертаний металлического выступа на шее Шарнаса разрезали неоднократно.

После знакомства с Роджером Кристина никогда до конца не понимала, что ей думать о теории заговора. Она слышала, как их все расписывают в комнате отдыха буяны вроде Бруновски и Брея: Кратисос Шах еще жив и держит бар на Антаресе IV; Федерация создала секретную лабораторию в черной дыре с неизвестной целью; некоторых исторических личностей (всегда разных) спасли и клонировали в потайных устройствах.

Но даже там она никогда не слышала ни о чем, что называли Консилиумом.

Купер попытался снова открыть глаза, но Чейпл даже в густом мраке видела, что его зрачки расплылись и не могли сфокусироваться. — У вас есть вулканец, пробормотал он. — Мастер-то в основном рембегилец, которому нарастили достаточно человеческих генов, чтобы выдержать стресс. Консилиум начал это делать, когда колония вымерла. Вывел его, обучил псионике. Хорошо им служил, добавил он загадочно. — Так он смог вырвать у них Тэда. Маккеннон два или три раза пыталась вновь его вернуть. Маккеннон. — Его лио искажил мгновенный страх или воспоминание о боли. Потом он покачал головой. — Маккеннон. Мастера оставили Тэду немного мозгов, но у него чертовски хорошее сердце. Теперь Консилиум их не выращивает — эту породу. Эту комбинацию. Слишком много проблем.

Сбитая с толку Кристина покачала головой. — Я никогда не слышала о Консилиуме, — сказала она. — Кто...

Купер моргнул, пытаясь сфокусироваться на ней, пытаясь увидеть, где он. — А. - выдохнул он наконец, и морщины на его лбу чуть разгладились. — Да. "Энтерпрайз". — Он покачал головой. — Забыл, где я.

Согласно показаниям трикодера, генератор мю-спектра был где-то в безбрежной тьме, что некогда была отделом утилизации. Логично, думал Спок — он медленно поворачивал голову и пытался различить звуки, а глаза старались пробиться сквозь полную темноту, что так плотно сошлась вокруг него. Из-за необходимости синтезировать пищу по этой секции проходила главная магистраль компьютерных линий.

Часть синтезаторов, очевидно, еще работала, по крайней мере, отчасти. Как он подозревал, сильный запах гниющей органики в воздухе служил приманкой, которая удерживала яггхорта в этой секции, удерживала его от странствий по машинным отсекам наверху. Однако его удивило, что ни одна из дверей, которыми он прошел сюда, не была забаррикадирована.

Возможно, они знали, что баррикады в случае с яггхортом были в лучшем случае лишь временной мерой. Может, палуба была пробита. На зараженных кораблях это случалось часто.

Большинство серых квадратов синтезаторов заросли плесенью, цероидами, странными растениями-мутантами, а постоянный жар лишь способствовал превращению этой комнаты в мрачные, лишенные света джунгли. С воздуховодов, которые пересекали потолок, свисала волокнистая завеса серой растительности, еще более ограничивая поле зрения Спока: один из синтезаторов был разломан, и оттуда росли желтые щупальца плесени — явно плотоядной, точно так же как крысы и прочая нечисть — которая покрывала добрые восемь квадратных метров пола и окружающих механизмов. С потолка капало, и отовсюду звучал писк и топот паразитов, отчего Споку было вдвое труднее прислушиваться к более серьезной опасности, которая гнездилась где-то здесь, во мраке и постепенно приближалась.

Все стены и пол вокруг синтезаторного отсека была покрыта смоляной коркой — гладкое покрытие на стенах кое-где было заляпано выше его головы, мерзко поблескивая в отраженном свете его фонаря. Кое-где оно было еще липким снаружи, в коридоре, которым он прошел, корка была еще влажной. Маслянистый запах был повсюду.

Он снова бросил взгляд на главную магистраль питания компьютеров и трубы подачи энергии. Одним из кандидатов на роль источника управления мю-генератором была центральная приборная доска утилизации. Остальные на главной магистрали возможно, были для ближайшего боулинга или относились к компьютеру из ботанической лаборатории. Он внимательно прислушался, затем снова вышел в коридор. Пока обошлось, хотя он

чувствовал, что пульс его немного зачастил. Дорожки для боулинга это следующее логичное место для проверки, подумал он, размещая фазер на поясе, чтобы перенастроить трикодер. Само помещение было мертво до конца...

Он приостановился, удивленно глядя на показания и задаваясь вопросом, а не слишком ли высоко он их настроил...

В следующий миг он отпрыгнул в сторону от черного рта открытой двери турболифта, когда из темноты вылетели бьющие щупальца. Спок, не оборачиваясь, метнулся из коридора, слыша призрачный шелест хитина и костей за спиной, а из шахты лифта выбирались и раскручивались кольца яггхорта, который там прятался; вулканец ворвался в дверь синтезаторной и согнулся над панелью ручного управления. На закрывающуюся дверь упало что-то вроде студенистого паука, и Спок прыгнул к проходу в конце этой комнаты, только для того, чтобы что-то сокрушительной хваткой вцепилось в его лодыжку, почти раздробив кость сквозь ботинок.

Его сбило с ног, как от удара машиной.

Он сильно стукнулся об пол, потом выгнулся, чтобы ухватиться за рукоять люка ближайшего синтезатора. Позади он видел черный разрез двери, мокрое мерцание узкой безглазой головы, пытающейся проникнуть внутрь, мокрую звезду щупалец, слюнявящих край двери, более длинные щупальца и две тонких, многосуставчатых ноги, которые корчились в проеме. Щупальце, которое схватило его за ногу (оно заканчивалось лапой с двойными подушечками пальцев), уже старалось схватить его ногу так, чтобы точка опоры была получше; следующее, которое еще не могло до него дотронуться, заканчивалось ртом с бритвенно-острыми зубами.

Сила тяги была неимоверна. Спок держался за рукоять люка обеими руками, даже не пытаясь высвободиться, чтобы достать фазер. Он чувствовал, как трещат сухожилия в руках и плечах. Он врезал по щупальцу пяткой другой ноги, понимая, что это бесполезный жест — нападение продолжилось. Тварь наложила еще одно кольцо на его икру и заодно вцепилось шершавой лапой в другую ногу. Шевельнулся бритвенный рот, ощупывая край двери и стену и направляясь к панелям ручного управления, и Спок с удивлением осознал, что яггхорт понимает, как работает дверь.

Он высвободил правую руку и выхватил аз-за пояса фазер, открывая огонь, даже когда сильный рывок чуть не вывихнул его левое плечо. Он попытался вырваться, но от этого толчка сорвало кожу с пальцев и ладони, а левая рука заскользила по рукоятке. Он снова выстрелил, в середину этих черных, хватающих щупалец, хотя в темноте едва видел цель. По левому плечу и руке полоснула боль. Он вцепился изо всех сил, но металл вырвался из окровавленных пальцев и его тело жестко ударилось об пол. В следующее мгновение его словно приподняли над двадцатисантиметровым провалом двери, щупальце вокруг его талии дробило ребра, и он понял, что эта тварь собирается просто протащить его в дверь, смяв кости в теле.

Он снова выстрелил из фазера в бурлящую массу костей и членов за дверью, почувствовал, как она вздрогнула, согнулась и в ярости заехала по нему краями металла, таща наружу.

Где-то в коридоре он услышал женский голос, кричащий "НЕМО!". А потом, когда сознание уже туманилось, ему почудилось, что она добавила "Зчлиак!"

Что по вулкански значило "друг".

Глава 7.

— Мне нужно что-нибудь с узким концом, который не согнется, если надавить. — Кирк не был уверен, почему шепчет, но во мраке, в полной тишине обесточенного судна он как-то не решался повысить голос. — Есть предложения? У кого-нибудь что-то есть?

— У шпильки слишком узкий? — спросил женский голс — старшина Уилер из охраны — и тотчас же ему в руку вложили предмет около восьми сантиметров длиной и толщиной в

половину Маккоева шпателя для отжатия языка. — Похоже, она с титановым наконечником.

Он зажал ее между пальцами со всей силы и ощутил, что шпилька гнется. Слишком слабая. А теперь, боюсь, я ее испортил.

— Думаю, после этого я никогда больше не заговорю с вами, капитан. — Она забрала ее обратно.

— У меня с собой была пара прутьев, — предложил энсин Джильден, помощник историка. — Сложите две вместе, может, сработает. Они должны быть где-то здесь, на полу.

Раздалось мягкое, неторопливое шуршанье, когда люди, неуклюже согнувшись, начали осторожно шарить по полу руками. Кирк нашел восемь членов экипажа, которые выходили из ступора в различных частях коридора между кабинетом мистера Спока и вторым транспортатором — медиков, техников-транспортников, краснорубашечников из охраны, собиравшихся на вахту и тех, кому, как энсину Джильдену, просто не повезло и чьи каюты были в смежных коридорах.

— А сколько их? — спросил чуть погодя лейтенант Оба. Голос помощника начальника транспортиции был мягок, как и у Кирка, словно он опасался, что те, кто захватили судно, могут услышать их через поврежденные линии связи.

И насколько он знает, размышлял Кирк, они вполне могут.

— Не знаю, — сказал Кирк. — Просмотр сканерами не обнаружил на "Наутилусе" больше никаких гуманоидных форм жизни, но на корабле были мощные щиты. Некоторые районы вообще не просматривались. Не думаю, что их больше шести. А сейчас четверо, потому что двое из них вернулись на "Наутилус" с мисером Споком. Насколько я знаю, двое из этой четверки в лазарете.

А один из двух оставшихся, добавил он, похоже, не может действовать самостоятельно. И почему-то, вспоминая детские темные глаза и мягкую улыбку, Кирк думал, что вряд ли Тэду Смиту хватит жестокости или свирепости, чтобы убить. По крайней мере, по собственной инициативе. А может, и вообще.

Остается один.

Который может быть где угодно.

— Есть! — донесся голос Джильдена.

— Давай сюда, — сказал Кирк.

В темноте зашаркали ноги. В каждом пруте было восемнадцать сантиметров длины и два ширины, один конец был заужен, как стержень, а другой тупо закруглялся в форме ключа. Они легко вошли в рукоять тележки, удерживаясь на месте лентой. Кирк мог найти дорогу в помещениях и коридорах "Энтерпрайза" чуть не с завязанными глазами, особенно в средней части: на палубах с офисами, транспортаторами, медицинскими отсеками, в инженерном отсеке седьмой палубы, в комнатах отдыха экипажа и районе главного компьютера на восьмой палубе и на пятой палубе, где каюты офицеров. Он знал, почти даже не думая об этом, что сразу за углом лифта ко второму транспортатору был аварийный комплект. Ему, Обе и мускулистому энсину Кертису пришлось соорудить рычаг, чтобы ослабить магнитную защелку, которая закрывала крышку, но в конце концов металл погнулся и они (как охотники за сокровищами, которые наконец-то добрались до пиратского клада), вытащили оттуда длинную коробку.

В комплекте среди прочего, например, таких вещей, как медицинское оборудование и пара кислородных масок, находилось два фонаря и нейтрализатор.

— Отлично, — выдохнул Кирк. — Джильден, Оба, попытайтесь еще раз разобраться с компьютерами...

— Не факт, что это удастся, — сказал Джильден. — Я могу распутать обрывки исторических файлов, но...

— Не важно. Я не знаю, что вы найдете, когда доберетесь до Центрального. Пока он это говорил, они в прыгающем желтом свете фонарей торопливо шли к транспортатору, и там он нейтрализовал замок на шкафу с оборудованием, чтобы вытащить фонари и еще один нейтрализатор. Он мельком подумал — существует сильнейшая вероятность, что когда

Джилден и Оба доберутся до Центрального, то найдут всех сотрудников около своих пультов без сознания — а то и хуже.

— Баттерфильд, мне нужен ваш фазер. Уилер, идите с Обой и Джилденом к Центральному, посмотрите, что там делается. Возьмите еще фонарей и нейтрализатор из подсобки в конце коридора. Энсин...

— Если вы не возражаете, капитан, — сказал Кертис, подбирая отброшенный метр стальной трубы, которую они использовали как рычаг, — я останусь в транспортаторной, на тот случай, если кто-то еще попытается покинуть судно...или попасть сюда. — В беспорядочном свете узких лучей света его квадратное красное лицо было спокойно, он чуть заметно улыбался.

— Не рискуйте без необходимости, — сказал Кирк, хотя знал, что это необязательно. Они оба знали. — И добудьте себе фазер, как только сможете. Я пошлю сюда, кого смогу, чтобы вам помочь. Всем вам, — добавил он небольшой группе охранников в красных рубашках и добровольцев-компьютерщиков, которые пошли за ним в центральный проход корабля. — Мне нет нужды говорить вам, что чем в большее количество запертых шкафов вы проникнете, тем лучше. Берите нейтрализаторы, фонари, фазеры. Нам нужно найти, где прячутся эти люди. У них должен быть доступ к лабораторным терминалам и находятся они наверняка где-то на основной энергетической магистрали. Пакссон, идите с группой к Центральному, им там может понадобится медицинская помощь. Баттерфильд, вы тоже пойдете с ними как связной. Я буду на мостике.

Говоря это, он нейтрализовал и сбил защелку на крышке ручного управления прохода, отогнул выступ изнутри. Застонав, дверь неохотно скользнула в сторону. Он остановился на пороге, за ним — его скромный отряд, и они прислушались.

Сверху не доносилось никаких голосов.

Кто-нибудь — например, Сулу — наверняка попытался бы спуститься. На корабле были вещи, которые можно было использовать как рычаг, если поблизости нет нейтрализатора.

Кирк осторожно посветил вверх. Хотя в густом мраке колодца лестницы не было признаков опасности, только легкое мерцание редких потеков жидкости, струившейся по бокам крышки воздуховода — эти крышки в проходах ремонтировались не так часто, как на остальном судне — здесь не было также признаков, что за два часа, прошедшие со времени отключения света, кто-нибудь пытался использовать этот проход.

Это было совсем не похоже на Сулу.

Кирк сделал шаг на лестничную площадку, светя на металлические ступени под ногами. Ничего. Под его ботинками глухо зазвенел металл, когда он обошел кругом, чтобы снова посветить вверх.

Опять ничего.

Очень осторожно он начал подниматься.

— Нужно ли мне упоминать, что если вы снова используете фазер, вас слопают яггхорт?

— В этом нет необходимости, Ракшанес. — Спок очень осторожно повернулся и левой рукой исследовал болезненную зону от грудины до ребер, внезапно вздрогнув от боли в нижних двух ребрах справа. Когда он шевелил пальцами, сухожилия на правой руке болели; на левой ладони, с запозданием заметил он, когда чувствительность вернулась, липкая от малахитовой крови кожа была содрана клочьями.

Перед ним был открытый дверной проем. В слабом свете ручного фонаря там стояла, прислонившись, Ракша — бронзовая статуя с фазером в руке, в волосах которой каплями крови мерцали гранаты с рукояти стилета. Позади ее темного силуэта что-то сияло и лоснилось, как мокрый целлофан или пузырь ожога: черная чешуйчатая кожа, натянутая на неровные горбыли костей и присоленная крошечными вспышками золота; выпирающие органы, часто пульсирующие под щитом изогнутых ребер и шипастых ног. Адайя со взъерошенными черными шелковистыми волосами легонько пощипывала ногтями мокрую массу щупалец, которые пучками росли на огромной, похожей на моржовую голове.

При движении Спока из суставчатых ног и отверстий для дыхания на центральном головном гребне выскользнули папортникообразные ростки, бледно-желтые и белые по сравнению с чернотой этой твари в слепых тенях, кружевные, как дыхание младенца. Это существо развернуло и втянуло щупальца и передние костистые лапы, держа их как богомол, выпустило когти. При этом свет от лампы в руках Ракши отразился от металлических вкраплений вдоль центрального папортникообразного гребня и на затылке.

Спок откинулся на локти — при виде тоненькой линии этих блестящих отсветов боль в плечах, спине, руке и ногах была забыта. Он чуть не потерял сознание от таких выводов; вообще-то, учитывая обстоятельство, это было неудивительно. И как будто последний кусочек информации, которую он обнаружил, связал все, виденное им на этом корабле, в единую ослепительную цепь, он сказал: — Людям из вашего времени удалось покорить яггхортов.

Ракши сделала шаг вперед и осторожно нагнулась, чтобы взять фазер, который лежал у окровавленной руки Спока. Она кинула его Адае, та подхватила его в воздухе, как брошенный цветок. Яггхорт втянул органы осязания и зашипел. Ракша подала Споку руку и помогла встать на ноги. Чувство было такое, словно по плечам его били тупым топором.

— Ты и половины не знаешь, приятель.

— Могу ли я попросить разрешения просветить меня? — Он осторожно зафиксировал руку, в теле все еще отдавались последствия потрясения, хотя мысли стремительно неслись вперед. Когда свет лампы стал падать ровнее, Спок увидел это создание отчетливо — двухметровый в данном положении хвост (хотя по его предположениям он мог увеличиться раза в два), подогнутые под себя паучьи лапы, рудиментарные полураспахнутые крылья, три мощных щупальца, из-за кочковатых суставов более похожие на позвоночные столбы, чем на конечности. Никому не удалось убить яггхорта так, чтобы скелет остался цел; про себя он отмечал его анатомию, выпирающие позвонки, которые позволяют двигаться голове, волнообразные (словно под водой) движения сенсорных отростков.

Он вполне отчетливо видел мерцание металла на его позвоночнике, как у тех имплантатов, что так зловеще блестели на спине Шарнаса и Ариоса.

Глаза Ракши, внезапно постаревшие, обратились от него к яггхорту. — Шарнас рассказал мне историю о вулканическом ученом, который на перекрестке встретил бога, — сказала она. — Он попросил полностью просветить его. Бог это сделал. Боги делают подобные вещи. Этот вулканец ушел и утопился, потому что это был единственный логический поступок, который оставался. — Она прислонилась плечами к двери, откинула с лица жесткую гриву волос. — У клингонов репутация глупцов. Мы бережем ее.

Спок чуть склонил голову, его взгляд встретился с чернильно-темной преисподней затаенной печали, и какое-то время не было слышно ни звука, лишь их дыхание, да биение машины, да капанье влаги в лишенном света чреве призрачного судна. — То есть вы из будущего, — сказал он наконец, подтверждая то, о чем уже догадался.

Ракша вздохнула. — Да. — Она потеряла лоб, сведя тяжелые брови от боли, и вздрогнула, словно вдруг замерзнув. — Да. Но это не то, что вы думаете.

— Это не газ. — Капитан Кирк шатаясь, сошел вниз и стянул кислородную маску с лица. Несмотря на дыхательную аппаратуру, после нескольких шагов вверх его дыхание участилось и началось удушье, им овладела тошнота и слабость. Уилер и Джильден поддержали его, испуганно переглянувшись.

Баттерфильд резонно сказала: — Возможно, поэтому мы никого с корабля и не слышали?

Кирк медленно подошел к двери, ведущей к аварийному мостику главного корпуса — дублирующему помещению прямо под главным мостиком шестью этажами выше. Еще одна такая же комната была в инженерном отсеке, окруженная, как и здесь, запасными компьютерами — второй, защищенный мозг и сердце корабля. Он нейтрализовал крышку панели, взломал дверь и вошел в темную комнату, мрачную копию той, что наверху — в ней было почти полностью темно, потому что даже красные огоньки энергии на перекрытых

пультах управления были погашены.

Жесткий палец желтого света от его фонаря проткнул тьму, прыгая перед ним, когда он пересек комнату, подходя и останавливаясь перед закрытой дверью турболифта.

— Похоже, легких путей нам не оставили, — сказал он.

Тэд Смит какое-то время стоял перед длинным, отделанным металлом отверстием в ярко-голубой стене комнаты отдыха. Он узнал в нем пищевой автомат — спереди было несколько стоек для подносов, а выше ряд кнопок. Вместо ярких цветных картинок, с которыми он был знаком всю жизнь, тут были надписи, как в холлах больших шишек.

Хотя мастер с Филом последние годы упорно трудились и почти научили его читать, он все еще с трудом различал I's и J's, H's и A's; с трудом улавливал, как эти буквы передают звучание слов. Да еще таких длинных слов.

А тут еще...

Он беспокойно оглянулся через плечо. Ариос, освещенный небольшим фонариком, неподвижно сидел за столом, что они притащили к игровым автоматам. Он сложил тонкие запястья на полукружиях клавиатур, которые Ракша связала вместе, зеленоволосая голова упала, словно во сне. Только быстрое и поверхностное дыхание говорило, что он не спит, а скорее находится в безднах транса, который был намного дольше и глубже любого виденного Тэдом доныне.

За пределами яркого озерца света огромная комната отдыха была полностью погружена во мрак, на зеркальные полы и оскаленные машины ложились странные отблески, похожие на воду. Остальные игровые автоматы, чьи симпатичные яркие огоньки погасли, уставились на него пустыми, безумными глазами. Из коридора за запертой дверью не доносилось ни звука, только ровный гул механизмов из другого трюма и более глубокое и спокойное биение двигателей.

При мысли о двигателях Тэд вздрогнул. Если они не удерут, если Ракше не удастся быстро починить двигатели "Наутилуса", то их с мастером поймут и наверняка отдадут корабельному яггхорту. Если мастер не сможет удержать психическую защиту, которую установил вокруг этого места, те иллюзии и помехи, которые он создал по всем палубам корабля.

Тэд уже начал побаиваться, что это ему не удастся. Это был огромный корабль, такой же большой, как "Наутилус", и тут полно людей.

Таким образом, он вернулся к рассмотрению пищевого аппарата. Он знал, что сладости — шоколад, клингонские засахаренные фрукты — помогают. Возвращают энергию, которую истощают иллюзии. И кофе тоже. Он думал, что может разобрать, где написано "кофе", но тут было четыре разных кнопки с этим словом (хотя написание выглядело не совсем верным), и рядом были другие слова. Любое из них могло означать яд.

Он опасливо подошел к старшине Федерации в красной рубашке, который все еще лежал, растянувшись, у перил, с руками, примотанными к опоре. Тэд постарался придумать, как развязать ленту, закрывавшую усы и рот мужчины так, чтобы ему не повредить, но не придумал ничего, кроме как просто вытащить кончик и дернуть.

— Как ты получаешь шоколад из пищевого аппарата? — спросил он.

— А? — сказал старшина Эффингер.

— Мне нужно немного шоколада из пищевого аппарата, а там надписи вместо картинок, а я плохо читаю. — Конечно, в Институте и на всех фабриках пищевые аппараты в помещениях для подчиненных были с картинками, которые, по мнению Тэда, были всяко симпатичнее, чем надписи.

— Ох, — сказал старшина Эффингер. — Ну...второй ряд кнопок слева, там плитки шоколада. Первая — с миндалем, вторая с присыпкой, третья с карамелью и орехами, четвертая — что-то вроде мармеладной апельсиновой нуги, хотя на самом деле это просто кошмар, так что ты ее не ешь, а нижняя кнопка — с кокосом, но этот синтезатор даже кокос не может нормально сделать.

— О. Спасибо. А с кнопками для кофе все в порядке?

— Да. Самая верхняя — черный, а остальные со всякой дрянью. А ты не можешь дать плитку шоколада с миндалем и мне, пока ты здесь?

— Не думаю, что мастер мне разрешит, — сказал Тэд. — Мне правда жаль. Вы сможете уйти, когда мы сбежим. — Он снова замотал рот Эффингера и пошел получить черный кофе и две плитки шоколада — с ореховой присыпкой и карамелью — из пищевого аппарата. Он тихо и незаметно поставил это рядом с Ариосом.

— Мастер?

Ариос чуть поднял голову, хотя глаз так и не открыл. — Тэд? — он произнес это одними губами, беззвучно.

— Я принес конфет и кофе.

Ариос вслепую стал нащупывать чашку кофе. Тэду пришлось вложить ее в его руку. — Он горячий, — предупредил он, но Ариос все равно выпил его маленькими глотками, потом неумело отломил кусочек шоколадки.

— Спасибо. — Его голос был глух и неразборчив, словно у человека, который говорит в глубоком сне. — Никаких известий?

— Никаких.

— Долго?

Тэд сверился с велкроэдскими часами на запястье. Большинство подчиненных не учили пользоваться электронным оборудованием. Его часы были вроде двойного круга по три сантиметра в поперечнике, один для дня, другой для ночи, в каждом — двенадцать ярко раскрашенных делений. Это был обычный дизайн для подчиненных. Мастеру пришлось настроить их для него. — Полтора часа, — сказал он после изучения и расчетов.

Ариос ничего не сказал, но мускулы рта отвердели, как у человека, которого ударили хлыстом. Он снова впал в транс, дыша с усилием, а в мягкой плоти под глазами глубже прорезались четкие морщины боли. Как можно тише Тэд забрал кофе и остатки конфет и вернулся на свой пост рядом с дверью, задумчиво доедая их и прислушиваясь к смутным шумам темного запертого корабля.

— Мистер Сулу!

Голос отразился от пустого проема шахты турболифта странным эхом, но он несомненно принадлежал капитану. Сулу метнулся к открытой двери, нагнулся и был вознагражден видом крошечной точки желтого света внизу. — Капитан! Вы в порядке?

Вокруг него столпились остальные — за исключением Чехова, который был еще в шлеме и снова перепроверял медленное перемещение корабля по сравнению с расположением звезд.

— Вы пытались спуститься по шахте на страховочных ремнях?

— Да, сэр, — крикнул Сулу. — Те же проблемы, что и в переходах — думаю, вы пытались по переходам? Это не газ...

— Да, — сказал Кирк. — Или если газ, то он проходит сквозь наши маски.

Сулу присел на корточки на пороге этого длинного, черного прохода. — Дейв получает показания о препятствиях в семи или восьми воздушных шахтах на разных палубах. Думаем, это люди, которые попытались пройти по вентиляции, чтобы выйти из дверей или комнат. Они не двигаются. Мы не знаем, без сознания они или мертвы.

Кирк выругался, задумавшись, сколько же народу лежит мертвыми в проходах по всему кораблю; задумавшись, что и как придумал Ариос. — А какие-нибудь еще сенсоры внутри корабля действуют?

— Нет, сэр. Дейв говорит, что около часа назад был активизирован транспортатор в комнате два. Трое телепортировалось на "Наутилус".

— Это был Спок, клингонка и орионка. Они вернулись?

— Нет, сэр.

— Никаких данных о том, где Ариос?

— Никаких, сэр, разве что он, должно быть, где-то у терминала.

Кирк молчал, глядя вверх, на группу голов в желтом квадрате света из дверного

проема. — Как далеко вы проникли?

— Третья палуба по проходам. Тут Мейнут пытается разобраться, что Ариос сделал с компьютерами.

— Это удивительно, сэр, — появился почти пронзительный голос физика. Просто удивительно. Как они могли сделать то, что сделали, незаметно входя и выходя из системы, словно... В общем, это изумительно хитрая программа, сэр. Такой степени значимости я никогда не видел прежде. — Это прозвучало так, словно он готов жениться на изобретателе этой программы.

— Капитан, — сказал Сулу, и в голосе его была глубокая обеспокоенность, Капитан, кто эти люди?

И в самом деле, кто? К Кирку ответ уже пришел. Он подумал, что ему бы следовало догадаться об этом с того момента, как Купер в транспортаторной комнате рассмеялся.

Он снова посмотрел вверх, оценивая расстояния и силу броска руки. Спуститесь на третью палубу и откройте там двери лифта, — сказал он чуть погодя. — Мисс Баттерфильд... — Он развернулся к офицеру службы безопасности у себя за спиной и протянул нейтрализатор. — Идите в комнату охраны и принесите мне веревку. Откройте все двери, которые найдете по дороге и соберите достаточно людей с нейтрализаторами и фонарями, чтобы произвести общий поиск по всем медицинским лабораториям и инженерным. Найдите мистера Скотта, если сможете, или пошлите кого-нибудь его искать. И представьте мне отчет о тех двоих, кто у нас под охраной в лазарете. Мистер Уилер, вы идете с ней.

К тому времени, как сотрудница службы безопасности вернулась с веревкой и с полудюжиной коллег, которые сособщили, что мистер ДеСолл попытался выйти из небольшой столовой Безопасности по вентиляционной шахте и с тех пор о нем ничего не слышно — у Кирка уже были отчеты о положении от Ухуры и Мейнута системы связи на корабле "отзывались" на ионизацию ручных коммуникаторов из-за легкого перекрестья сигналов внутри главного компьютера. Подобно выключению дверей и света, блокировке турболифтов и учетверению мощности всех магнитных дверных захватов на корабле, перепрограммирование этой системы охранялось каким-то замком, который лишил Мейнута речи от восхищения, но полностью сбил с толку.

— Я с этим разберусь, — беззаботно крикнул сверху очкастый физик. — Только дайте мне время. Это самая прекрасная штука, которую я только видел, и я не остановлюсь, пока на справлюсь.

Кирк с улыбкой подумал, что он говорит так же, как половина техников-мужчин и краснорубашечников на корабле при первом взгляде на очаровательную старшину Шимаду. Интересно, что подумает о системе Лао?

Интересно, где находится Лао, и что с ним случилось. Явно не сидит сложа руки в темноте.

С Баттерфильд пришел старшина Вейн, освобожденный из камеры гауптвахты, которую ранее занимал Дилан Ариос. Краснорубашечник не смог предложить удовлетворительного объяснения своей невнимательности, но после необъяснимых явлений в проходе у Кирка не было склонности его стыдить.

— Мы и раньше нарывались на инопланетян, которые имели дело с иллюзиями, мрачно сказал он. — Если мы имеем дело с иллюзиями, а не с чем-то еще. Нет, они выбрались, предварительно установив что-то на терминале в зале совещаний рядом с гауптвахтой, а затем уничтожили все откуда-то, где могли незаметно все настроить.

Говоря это, он работал — привязывал конец веревки, который принесла Баттерфильд, к тяжелому металлическому кольцу от печатного автомата, найденного на складе. — Ракше и Адайе потребовалось около пятнадцати минут, чтобы пройти от того места, где они находятся, к кабинету мистера Спока, причем вероятно, большую часть пути они проделали по вентиляционной шахте. А это подсказывает мне, что Ариос где-то в инженерном отсеке. Мистер Сулу?

— Да, сэр.

— Держите! — Он со всей силы кинул кольцо вверх через шахту. Ему понадобилось четыре попытки, чтобы добиться необходимой дальности, но в четвертый раз рулевой легко поймал кольцо, вытянув здоровенную бухту каната и ухитрившись поднять это своего рода тело за кольцо как вязанку.

Они все еще спорили, кому спускаться к дверям восьмой палубы, когда эти двери открылись и голос лейтенанта Органы выкрикнул: — Привет всем наверху!

— У вас есть доступ к главному компьютеру? — тут же спросил Кирк. — Там что-нибудь охраняется?

— Мы исследовали эту палубу, — выкрикнула в ответ помощница начальника службы безопасности. — В проходах какой-то газ, так что мы не можем пройти ни вверх, ни вниз. Он, похоже, проходит прямо через кислородное оборудование. В воздуховодах он, кажется, тоже есть, но в комнаты не проникает. Энсин Лао вышел через вентиляцию, попытался добраться до инженерного; мы его обнаружили пару минут назад с помощью трикодера. Он вроде в порядке, но мне было бы спокойней, если бы на него глянул доктор Маккой.

— Со мной все нормально! — широкоплечая фигура Лао Зиминга закрыла свет за ней. — Капитан, вы видели эту программу? Я никогда такого прежде не видел, но это не инопланетяне! Клянусь, это не инопланетяне! Там четко прослеживаются логические системы. А эти люди могли...

— Отставить, энсин, — оборвал Кирк. — Больше никаких предположений — это приказ. — Тут было всего два варианта, и от обоих ему становилось весьма неудобно.

В голосе Лао он услышал замешательство и растущее понимание, когда юноша сказал: — Есть, сэр.

— Работай над этим, — сказал Кирк мягче, не желая, чтобы этот резкий отпор заставил юношу заткнуться. — Ищи все, что можешь, но сообщай об этом мне.

— Есть, сэр.

На его волосах вспыхнул слабый отблеск света от фонаря, когда он отошел назад.

— Мы пошлем к тебе Мейнута, — пообещал Кирк Органе. — Мистер Сулу, привяжите его к этому ремню и спускайте как можно быстрее. Мисс Органа, когда он туда прибудет, идите и обследуйте эту палубу, но я до сих пор готов держать пари, что Ариос окопался где-то в инженерном отсеке. Мистер Сулу, вы за старшего.

— Есть, сэр.

— Пусть канаты останутся по всей шахте лифта. Если понадобится, я в лазарете. Думаю, сейчас самое время потолковать с нашими оставшимися гостями.

Глава 8.

— Будущее. — Фил Купер пробежался трясущейся рукой по волосам, изучая людей, столпившихся у его кровати, взглядом человека, который давным-давно перестал верить тому, что видит. Затем вздохнул и отвел глаза. — Да, — сказал он. Мы из будущего. Если вы и вправду те, за кого себя выдаете.

Маккой досадливо скривил губы. — Проклятье, а кем бы еще нам быть?

— Теми, кто вы есть. — Взгляд Купера путешествовал от доктора к капитану Кирку, стоявшему сбоку; к Чейпл, все еще стоявшей на коленях рядом с Шарнасом, который был без сознания; к энсину Лао, вооруженному и почти невидимому рядом с темным провалом двери. Кирк знал, что решил Лао — он решил, что либо "Наутилус" — гость из далекого будущего, либо это проект Звездного Флота, настолько засекреченный, что о нем нет даже никаких слухов. В любом случае, что бы ни собирался сказать Купер, не стоило бы простому офицеру охраны этого слушать.

— Звездный Флот, — продолжал Купер с бесконечной усталостью в голосе. — У вас есть доступ к старой форме, к старым кораблям, к старым записям в журналах о том, как

именно все было. Вы могли добыть все, что мы видели в старых бортижурналах. Вы могли даже подделать звезды на обзорных экранах. А я бы всему этому поверил и рассказал о мятежниках и о том, где скрывается Теневой Флот, и как с ними связался мастер, и что он сделал, чтобы взломать коды послушания, которые есть у Консилиума на каждого капитана, навигатора и эмпата во Флоте, и все кончится тем, что нас раздерет на кусочки на голопалубе какой-нибудь инопланетный хищник, посчитав нас своим обедом на этой неделе. — Индикатор пульса над диагностической кроватью зачастил; он явно сам видел такое в голопалубе.

— Если бы нам нужна была информация, — сказал Маккой почти нежно, — мы бы, знаете ли, накачали вас лиофаном или зиматом.

Купер насмешливо хихикнул. — Думаете, этого не пробовали? Это единственное преимущество, которое у меня есть после имплантаций в позвоночнике. Да еще то, что я могу улавливать псионные скачки, прежде чем они происходят. И иногда слышу в голове голос мастера.

Он снова поднес руку к виску, закрыл глаза и подался вперед; по телу прошла дрожь. Когда в лазарете прибавилось немного ламп и пара фонарей, тьма уменьшилась, но комната была испятнана тенями. В резком полусвете лицо Купера выглядело переутомленным и старым. — Простите, — сказал он спустя какое-то время глухим голосом. — Может, вы говорите правду. Может, мы и в самом деле вышли сквозь эту аномалию в прошлое, как и собирались, по словам мастера, если войдем правильно, если... — Он заколебался, почти явственно нащупывая ложь, отговорку в тумане остатков меланекса... — если расчеты были верны.

Если что? заинтересовался Кирк.

Где бы на корабле ни находился Ариос, он тоже устал. Показания трикодера Маккой отметили истощение, которое не может пройти за день отдыха. Придет время, и он начнет делать ошибки.

— Им можно доверять. — Голос, донесшийся с соседней кровати, был почти шепотом; Чейпл быстро развернулась, чтобы коснуться руки мальчика, но тут же отдернула ладонь, вспомнив антипатию Спока к контактам без необходимости. Но юноша как будто не возражал, возможно, из-за утомления. Он сказал Куперу: Когда я...спал...она коснулась моих мыслей...чуть-чуть. Она не лжет. Она не связана ни с какой ложью. Вулканец, о котором сказали, что это Спок, и в самом деле Спок с "Энтерпрайза". То есть мы именно на нем.

Чейпл ощутила, как у нее загорелось все лицо до самой шеи, и отвела взгляд, неимоверно счастливая, что в комнате темно. Зажмурясь, она вспомнила о возможности вулканцев производить ментальное слияние и снова услышала голос Купера, говорившего: — Его обучали эмпатии...

Он знал. Знал не только то, что Спок именно тот, за кого себя выдает — что в умах незаинтересованных третьих лиц не было никакого обмана — но он знал также, что она-то лицо заинтересованное. Знал о совершенно безнадежной любви, которую она питала к бесстрастному первому офицеру многие годы.

На миг она ощутила себя голой, словно этот юноша выдал ее самые личные тайны людям в этой комнате. Краем глаза она заметила, что Шарнас вздрогнул и осознала, что он прочел ее смущение так же, как и ее любовь. На миг она встретилась с его взглядом, полным замешательства и извинений, и с усилием отвернулась, заметив на лице Маккой, Кирка и молодого Лао любопытство только насчет того, что говорит им Купер, а вовсе не о ней.

Шарнас начал: — Консилиум... — но Купер яростно замотал головой.

— Нет. Мастер сказал, никакой информации. Никому.

Наклонные брови Шарнаса сошлись вместе. Его голос, севший от ядовитого газа, был на удивление глубок. — Если они узнают, они смогут...исправить это. Изменить.

— Мастер сказал нет, — повторил Купер, закрывая глаза и снова откидываясь назад. — Маккеннон может использовать все; ты знаешь, она была у нас на хвосте. Я говорю нет.

— Вы уже сказали нам достаточно, — сказал Кирк, поднимая палец, чтобы Маккой воздержался от замечания. — Тогда вы не вполне отчетливо мыслили, но многое из того, что вы сказали ранее, сестра Чейпл занесла в медицинский журнал. И этого достаточно для меня, чтобы сделать некоторые предположения. Насчет того, что такое Консилиум. Насчет того, что произошло в... в каком году?

Купер вздохнул, сдаваясь. Его тело расслабилось, словно его держали только напряжение и боль. — Я никогда не был особенно силен в истории, — тихо сказал он. — Мы с мастером сбежали из Академии в сорок шестом. Две тысячи пятьсот сорок шестом. Мы... Большинство людей не верят в то, что делает Консилиум. Большинство людей никогда не имели дела с модифицированными разумами, пси или генетически измененными существами. Но вы не можете скрыть это от учащихся Академии, и тут уж не поможет никакое программирование. Все, кого готовят в капитаны или навигаторы, имеют имплантаты. Мы постоянно работаем с псионикой, со специалистами, с покорными учеными, у которых в мозговых стволах перекручены все нервные узлы. Мы сбежали... два года назад.

— Тогда-то вы и завладели "Наутилусом".

Купер шевельнул головой. — Его доставили, чтобы сдать в утиль. За те годы, что он добывал руду в какой-то дыре, он устарел, но его как-то переделали для пси-прыжка, наверно сразу после того, как Консилиум передал эту технологию Флоту. Мастер его отладил.

— А что делает Консилиум? — тихим голосом спросил Кирк. Он с сомнением кинул взгляд на Лао, на Чейпл, задаваясь вопросом, скольким и что следует об этом знать. Если тайну знают трое... От отбросил выводы старой пословицы.

— Что такое Консилиум?

Купер только отвел от них взгляд и лег, словно под защиту стены. Кирк видел, как напряглись мускулы его спины, плечи, словно он физически сражался с тяжестью пугающего решения, таящегося во всех временных парадксах: что-то сделать или не сделать ничего — и то, и другое могло принести будущему зло.

Первым заговорил Шарнас.

— Консилиум владеет всей технологией психоактивного усиления нервной системы с помощью имплантации нанотехники, — сказал он. Он закашлялся, но только чуть поморщился. Наконец-то начала исцеляюще действовать гиперена, тогда как далпомин понизил уровень стресса в его организме.

— Самые ранние образцы пришлось использовать, чтобы усмирить преступников-безумцев, — продолжил вулканец, словно говоря не о своем мире, а о другом. — Огромная документация, множество расчетов и балансов; имплантаты удерживали в них спокойствие, давали ощущение реальности, когда их захлестывало безумие. — Он снова закашлялся, прижав израненую руку к боку. Но после чумы остались миллионы, сотни миллионов, которые бы умерли или у которых не было иного выбора, как быть истребленными, если бы в их сознание не были введены неврологические имплантаты. Это удержало спокойствие целых популяций и дало им осознание реальности. Это спасло цивилизацию. Буквально. Повсюду.

— Спасло, — мягко сказал в тишине Лао. — Или... изменило? Превратило во что-то другое. Что... что можно было держать под контролем. — Он уже видел, что происходит. В его голосе было неверие — или надежда на возможность не верить. Скажите, что это неправда.

— Когда вам за решетку суют еду, — ответил Купер, — вы не спрашиваете, грязная или чистая рука подает вам эту пищу. Вы едите и благодарите бога.

Шарнас покачал головой, его лицо было серьезно, но глаза — невероятно печальны. — У многих не было даже такого выбора. Были уничтожены целые популяции — или самой болезнью, или в результате разрушения нейросинапсов, которое вызывала эта чума, или в сражениях, что последовали за ней, или...или тем, что сделали войны с генетическим

материалом тех, кто уцелел. Но когда прошло двадцать лет, дети, которым были введены имплантаты, стали капитанами Флота и навигаторами, и они сделали...открытие, которое привело к псионному прыжку. Это буквально изгиб космоса, который позволяет кораблю пройти...пройти сквозь гиперпространство.

— Что? — Кирк попытался это представить, но сдался. — Как? Я имею в виду...

— Что это было за открытие? — спросил Лао, и на мгновение сквозь мрачное молчание, которого он придерживался, прорвалось его обычное рвение. — Сейчас проводятся исследования некоей теории гипертоннеля, но...

— Давайте не будем об этом, — торопливо сказал Купер. — Но это работает. Работает быстрее и легче, чем все, о чем мечтается сейчас. Это совершенно иной принцип. Но это не сработает, пока у вас нет навигатора и эмпата с имплантатами...среди прочего. А это дает Консилиуму контроль над Флотом. Над всей торговлей, повсеместно. Это в мгновение ока сделало устаревшим ворп-двигатель. И последние шестьдесят лет Звездный Флот — и Совет Федерации оказались в долгу перед Консилиумом. Они получили, что хотели.

— Полагаю, — сказал Кирк в ужасающей тишине, — некоторые члены Совета тоже имели имплантаты.

Глаза цвета дождя цинично блеснули с подушек. — А вы быстро схватываете.

Они получили, что хотели. Кирк слишком долго был близок к власти предрержащим, к правительствам чужих планет, небольших колоний и бюрократам всех рангов, чтобы не понять, что это значит.

Снаружи, за открытой дверью лазарета, в затопленных тьмой помещениях промелькнули светлячки огней. В странной тишине, воцарившейся здесь, перекликались голоса. Кто-то сказал: — Здесь, наверху, — и раздалось приглушенное клацанье металла, когда из вентиляции с величайшей осторожностью была извлечена еще одна предприимчивая душа, которая попыталась ее использовать для побега из какой-нибудь запертой комнаты или заблокированного коридора. Три такие жертвы уже были уложены техниками в реабилитационные устройства, но по-видимому, как только они выбирались из замкнутых пространств, опасность миновала.

Замкнутые пространства, думал Кирк той частью сознания, которая еще действовала в настоящем, которая работала как у капитана осажденного судна.

Но это была лишь поверхностная реакция. В свое время в сражении на Эчернаре Кирк видел людей, которые еще бежали, получив смертельный удар.

Звездный Флот станет личным оружием личной власти, используемым для удобства этой власти. Федерация кончит как Имперский Сенат, подчиняясь мягким приказам узкого круга тех, кто может управлять умами других.

Все, для чего он работал — все его собственные мечты о грядущих мирах, грядущей справедливости, грядущем благе. Все исчезло.

Исчезло через какие-то триста лет.

И если тем, кто придет за ним, захочется пойти по его стопам, к звездам, им придется это делать с имплантатами в позвоночнике и голосами в сознании, говорящими, что они должны и чего не должны делать. О чем думать, а о чем нет.

Это видел Шарнас. Это видел Купер. И отражение этого было в их глазах.

Рядом он услышал шепот Лао: — Нет, — словно у человека, который смотрел головидео, смотрел на людей, которых привык любить и о которых заботился, когда те распадались на цифровое компьютерное изображение.

Но это было на самом деле. Будет на самом деле.

Он повернулся и увидел, как яд этого знания разъедает усталые глаза Маккоя.

Все кончится тем, что нас раздерет на кусочки в голопалубе...

Преувеличение? Паранойя? Кирк так не думал. Это был мрак, в который Кирк еще не заглядывал, не хотел заглядывать.

— Простите, — мягко сказал Купер. — Мне не стоило все это вам рассказывать. Но вы сами спросили.

— Да, — сказал Кирк. — Спросили. — Что за свойство человеческой природы задавать вопросы?

Он сделал глубокий вдох. Словно делая первый шаг после удара под дых. Словно начиная разговор с женщиной после того, как нашел следы другого мужчины. — Так во Флоте возникло восстание?

Купер кивнул. — Теневой Флот откололся около трех лет назад. В основном юнкера. Наш корабль — единственное судно с псионным двигателем, которое у них есть. Остальные маломаневренны и не имеют оружия.

Может, это и ложь, думал Кирк, изучая лицо молодого человека. Он молотился, чтобы Купер все же лгал. Какая-то часть его задавалась вопросом, почему для него так важно верить, что это ложь. Верить, что мятежники — Теневой Флот сильнее, чем этот. Что он может победить.

Какое это имело значение, ведь всем в нем тоже придется иметь имплантаты?

Какое ему дело, ведь все это случится годы спустя после его смерти?

— Так что же привело вас сюда? Почему именно Тау Лира?

Купер отрицательно покачал головой. Шарнас втянул воздух, и навигатор резка произнес: — Нет.

— Но...

— Я сказал нет! Ты им веришь, Шарнас. Ты веришь ей. — Он кивнул на Чейпл, которая все еще стояла на коленях у кровати юноши. — А я нет. Ты видел их программы на голопалубе. Ты мог бы поклясться, что обедаешь на пляже или выслеживаешь преступников с Шерлоком Холмсом...или занимаешься сексом со связанной девчонкой четырнадцати лет или (кстати сказать) что у тебя вырывают глаза и кишки, если ты случайно не понравился кому-то в Консилиуме.

Ты встречался с капитанами Флота, которых Маккеннон запрограммировала поверить, будто они обязаны ей своими жизнями, и они, конечно, были готовы погибнуть ради нее вместе со всей командой. Ты встречал людей, которых запрограммировали верить, что они обязаны жизнями своим начальникам, и поэтому они, конечно, пашут по семнадцать часов ежедневно или готовы на это — да на все, что угодно — с людьми, которых запрограммировали верить, что их семьи убиты теми, кого Консилиум хочет убрать с дороги. Конечно, сестра Чейпл могла верить, что этот вулканский парень и есть мистер Спок и что это "Энтерпрайз". Маккеннон могла просчитать и это, когда послала ее сюда, чтобы она держала тебя за руку.

Шарнас мягко сказал: — Ты ошибаешься. Я знаю.

Кирк осознавал, что у Лао перехватило дыхание, видел потрясение в глазах. Он еще слишком молод для этого, думал он. Он идеалист...

Но только спокойно спросил: — А во что запрограммировали поверить вас, мистер Купер?

Купер встретился с ним взглядом, но ничего не ответил.

Вполне доброжелательно Кирк продолжил: — Вы знаете, что у вашего мастера нет никаких шансов выбраться отсюда и попасть на свой корабль. Сейчас с ним остался только Тэд. Мы выследим его с помощью трикодеров, если иначе не выйдет. Нам придется выяснить. На этой планете находятся невинные люди, люди, которые даже не знают о космических полетах, об иных мирах. Почему Тау Лира Три?

Купер отвернулся к стене.

— Не спрашивайте его. — Голос Шарнаса был очень глух. — И не спрашивайте меня. Думаю, он ошибается, но если он прав, то все, о чем мы вам рассказали, Маккеннон уже знает. Она...представительница Консилиума в Звездном Флоте. Ответственная за уничтожение Теневого Флота, за возвращение нас на место.

Диагностические приборы наверху показали, что при упоминании ее имени возрастает сердцебиение, падает давление и возвращаются симптомы травматического шока. Чейпл быстро встала. — Капитан, я вынуждена...просить вас не задавать больше никаких вопросов.

Им обоим. — На ее лице лежала тень от того, что она услышала, но вместе с тем и решимость защищать своих пациентов, независимо от того, кто они и что знают.

Кирк заколебался, а затем сказал. — Это не изменит того, что нам пришлось узнать, сестра. Мистер Лао, вернитесь к центральному компьютеру. Как угодно уничтожьте блокировку компьютеров и верните управление. И ни слова никому никому — о том, что вы тут слышали. Думаю, мне не нужно добавлять, что это относится ко всем в этой комнате.

Лао кивнул. Кирк понимал, что видит на его лице то же, что отражалось на его собственном: пропасть внутри, тьма, в которой что-то умирает. Подобно седьмой жене Синей Бороды, они открыли запертую дверь, и не могли не видеть того, что находилось за ней. Ему казалось, будто отключили внутреннюю гравитацию, отчего он словно плывет.

— Я с группой охраны попытаюсь спуститься по переходам, — с некоторым усилием продолжал он. В конце концов, он был капитаном этого корабля. Что бы ни думали остальные о его чувствах — о внезапной смерти всех надежд, на которых он основывал свою жизнь — у него еще было судно. Первая Директива, которой нужно было следовать, хотя она — да и все прочее — теперь напоминала какую-то горькую шутку.

Однако он понимал, что прозвучало это очень устало. — Я оставлю здесь старшину Вейна в качестве связного...

— Капитан...! — Темные глаза Шарнаса внезапно снова открылись, а на диагностическом приборе запрыгали стрелки. Он сделал движение, словно собрался сесть — Чейпл вытянула руку, удерживая его на месте, заставляя лечь. Капитан, мастер... — Шарнас облизал губы. Слова выходили чуть заторможенно, с запинкой и неуверенно. — Мастер хочет с вами поговорить. — Стрелки диагностических приборов выровнялись, опускаясь, а он нагнул голову и обхватил себя руками, словно для защиты. Когда он снова поднял глаза, спокойствие, логика — вулканское самоощущение, подумал Кирк, — исчезли с его лица, сменившись легким наклоном головы, сутулостью плеч, которые Кирк отметил в зале заседаний и на мостике.

— Капитан, я знаю, что мистер Спок закончил с машинами на "Наутилусе". Даже легкая хрипотца, вызванная разъедающим действием охлаждающей жидкости, была той же самой. — Он вернется... Второй транспортатор. После этого на судно отправятся Шарнас и Фил.

— Капитан Ариос, боюсь, это невозможно, — жестко сказал Кирк. — Где вы? Вы не можете прятаться вечно, мои люди...

— Ваши люди бегают вокруг в темноте с фонарями, и я обещаю вам, что все программы, отвечающие за свет и двери, будут заблокированы до тех пор, пока мы все не вернемся на корабль и не уберемся отсюда прочь. У меня есть таймер, перекрывающий ваш тяговый луч и фазеры и если понадобится, я поставлю такой же на ваш главный двигатель.

— Не будьте дураком.

Лицо Шарнаса отразило удивленную и совершенно такую же, как у Ариоса усмешку. — Капитан, не будь я дураком шесть дней в неделю из семи, у вас были бы серьезные неприятности. Мы не хотим никому причинять вреда. Ни вам, ни кому бы то ни было на Йондрии. Клянусь вам, мы не собираемся вмешиваться в их культуру или сообщать им то, чего им не следует знать. Но пока мы не попадем туда...

Его голос дрогнул и прервался; Шарнас вдруг дернул рукой. Стрелки над кроватью задрожали, когда увеличился пульс.

— Пока мы не попадем туда...

— Джим, ты не можешь... — начал Маккой с мягким протестом в голосе.

— Капитан, мы связались с инженерным отсеком, — прошептал чей-то голос. Развернувшись, Кирк увидел в дверном проеме запыхавшуюся энсина Джаакомо. — Мы спускаем бутылки на веревке по трубам воздуховода. Внизу тоже по всем проходам и вентиляции газ.

— Пусть они немедленно поставят охрану около запасных транспортаторов на двадцать второй палубе. — Он говорил тихо, задаваясь вопросом, насколько хорошо может

слышать Ариос, используя свою ментальную связь с вулканцем. Задаваясь вопросом, какое это имело значение. — Мне безразлично, как, но они должны это сделать.

Он снова повернулся к Шарнасу, который безучастно уставился перед собой, словно столкнувшись с чем-то бесконечно далеким, что наполнило его ужасом и виной. Тихо, почти не дыша, он прошептал: — О, господи...

Диагностические приборы загудели, демонстрируя максимальные показатели: шок, травма, приступ паники. — Далпомин, — бросил Маккой, и Чейпл метнулась в темный проем двери.

Шарнас сделал глубокий вдох...

И выражение его лица изменилось. Это снова был вулканец Шарнас, в чьих глазах была паника.

— Что такое? — Купер приподнялся на локте.

— Он пропал. — Пока Маккой прижимал к руке иньектор с успокаительным, Шарнас весь дрожал. — Потерял сознание. Боль... — Было похоже, что он сам вот-вот упадет в обморок.

Кирк развернулся и бросился в открытую дверь и по коридору к резервному мостику, где около двери в шахту турболифта до сих пор толпилась небольшая группа. Туннель, что шел сверху вниз сквозь все палубы тарелки, ответвлялся здесь вбок, проходя от этого отсека к инженерному. В дверном проеме стоял мистер ДеСолл и кричал в гулкую трубу: — Радуйся, что там не было вентиляционных шахт и у тебя не было соблазна поползти по ним, Скотти! — Он повернулся и приветствовал Кирка взмахом руки. — Это мистер Скотт, сэр, сказал он. — Он все это время был заперт в инженерном отсеке по левому борту.

— Пошли, — Кирк шагнул в горизонтальную лифтовую шахту.

Начальник охраны схватил его за руку. — Вы не хотите взять веревку, чтоб мы вас обратно вытащили, когда вы отключитесь?

— Пошли, — повторил Кирк, мотнув головой. — Лао, за мной, нам что-нибудь может понадобиться в компьютере...

ДеСолл пожал плечами и шагнул за ними в темный туннель.

— Органа, киньте мне веревку...

По шахте до инженерного было сорок пять метров. Связной-охранник, который попытался пройти здесь, рухнул после четырех или пяти метров, и остаток пути его пришлось тащить. Кирк. Лао и ДеСолл покрыли это расстояние за шестьдесят секунд.

— Что за...?

Кирк обернулся и крикнул в шахту: — Мисс Органа, направьте все силы безопасности на поиски в инженерном отсеке. Все места, где есть лабораторные терминалы, и усилие охрану в резервных транспортаторах. Сейчас вы наверняка сможете спуститься по переходам. Бегом!

Огоньки роились в темном коридоре, словно ливень светящихся пузырьков в потоке. Возглавив отряд офицеров охраны, Кирк с грохотом обрушился в гулкую тьму переходов. У каждого прохода он подбирал еще людей; когда погас свет, во всех холлах было по несколько мужчин и женщин, которые пили кофе и болтали перед выходом на вахту. Кирк на ходу инструктировал их: лабораторные терминалы и места на корабле, которые пусты или почти пусты последний час.

— А как насчет боулинга? — спросил дородный техник в спецовке эксплуатационника. — Те игры, которые у них имеются, достаточно сложны, и им нужно лабораторное оборудование, а то и лучше. Кроме того, как раз внизу проходит главная шахта утилизатора.

— Какие игры? — За все время пребывания в должности капитана "Энтерпрайза" Кирк побывал на дорожках для боулинга дай бог раза четыре. У него были какие-то смутные представления о пинболе и пачинко, но игры и игровые технологии присутствовали в его сознании главным образом в связи с обучением в Академии.

— Голоигры, иллю-спексовые, — сказал Лао, несясь рядом с ним, как молодой

кугуар. — Бейсбол с голографическими командами идет уже года четыре. Марио прав, я как-то видел, как техники переустанавливали эти игры. Там были лабораторные терминалы, к тому же высококачественные. Они легко могли проникнуть в центральный компьютер через один из них.

Вот только мне больше нравится, мрачно подумал Кирк, проводить свободное время за игрой в шахматы со Споком в комнате отдыха, а не болтаться внизу с толпой, поглощающей пиво с крендельками. Интересно, что еще он мог упустить.

Инженерный отсек был намного менее обитаем, чем тарелка, и во множестве районов пневматические двери до сих пор были заперты, а техники и исследователи до сих пор находились в ловушках тех комнат, где оказались, когда во внутренние системы корабля проникли блокирующие программы Ракши. Но Кирк отметил, что паники тут почти нет. Во всех комнатах отдыха и кают-компаниях, где можно было добраться до пищевых аппаратов и хватало нитей для фитилей, были импровизированные масляные лампы, и весь корабль пропах горелым жиром. На семнадцатой палубе лейтенант Бисти добыл из сварочного агрегата в одном из эксплуатационных складов электрическую катушку, в которой хватило энергии нейтрализовать магниты на крышках панелей. Сотрудники резервного компьютерного отсека, что окружал запасной мостик девятнадцатой палубы, даже не попытались выбраться — когда Кирк и его группа открыли двери, то обнаружили, что те толпятся вокруг двух-трех терминалов, работая над перехватом программ и внутренних схем с терпением машин, за которыми они ухаживали.

— Мы ничего не смогли с ними сделать, сэр, — сказал худой, самоуверенный начальник компьютерного отдела Макдонаф, который попался в эту ловушку случайно, когда двери захлопнулись. Это прозвучало если не смиренно, то, по крайней мере, благоговейно. — Никогда ничего подобного не видел. Это похоже на наши собственные программы... Даже не знаю, есть ли у них слабые места. Эти команды просто прошли во все щели. Никогда не видел ничего настолько изощренного.

— Еще бы он видел, — сухо сказал Лао, когда они с Кирком продолжили путь. За двести-то пятьдесят лет научились защищаться. Черт, это какая же защита должны быть у них в будущем против таких систем?

По всему инженерному отсеку они наталкивались на группки спасателей, которые забирали из вентиляционных шахт, переходов, горизонтальных и вертикальных шахт турболифтов людей — людей, которые пытались пройти по самым маленьким артериям корабля, когда все пневматические двери в коридорах опустились. Замкнутое пространство, снова подумал Кирк. Какие-то физические резонирующие поля? Возможность продуцировать тета-волны, усиленная имплантатами, обучением, техникой? Он наблюдал подобные силы в инопланетных культурах, видел, что происходило с цивилизациями, развивавшими такие силы.

Но тут не было никакого волнового эффекта.

Они с грохотом спустились к последнему проходу, и огромная пещера утилизатора подхватила звон металла под их ботинками. Лучи фонарей выхватили углы бесконечных рядов синтезаторов, которые бормотали что-то про себя во мраке, как беспокойные могильные плиты. Интересно, подумал Кирк, вытаскивая фазер, что они могут встретить? Если даже Ариос придет в себя, не помешает ли ему истощение использовать свою ментальную энергию, какова бы она ни была, полностью? С ним был по крайней мере один напарник, но сдастся этот юноша или почувствует себя обязанным сражаться до последнего — это уж как кости лягут.

Желтые круги от лучей фонарей сошлись на крышке панели следующей за помещением для боулинга двери. ДеСолл нейтрализовал замок и со скрипом открыл дверь, а рядом стоял еще один офицер с фазером наизготовку. Изнутри раздался голос: — Не подходите!

Люди остановились. Кирк подался к Лао, тихо спросив: — Ариос мог бы придумать для компьютера какой-нибудь надежный код, чтобы Тэд запустил команду по отключению жизнеобеспечения?

Юноша кивнул. — Если он проник в командную систему, то мог сделать это с командным файлом. Ему бы пришлось пометить клавиатуру, чтобы Тэд знал, по какой клавише стукнуть — он от волнения может это забыть. Если Ариос хорошо его знает, это он о нем тоже знает. Такая возможность есть.

Кирк прищурился, когда увидел в прорезь двери смутное мерцание огня. — Поскольку все страховочные переборки открыты, опасности удушья не будет, но вот гравитация или жара создадут нам проблемы.

— Делайте все спокойно и медленно, — тихо сказал Лао. — Не пугайте его и не смущайте. И не стыдите его за то, что он такой.

Кирк бросил на него взгляд, расслышав в голосе уверенность в том, что говорит — а заодно участие и ярость оттого, что такими, как Тэд, можно манипулировать. Он пошел к двери один и позвал: — Смит? Таддеус? — Он понимал, что скорее всего Тэд забыл, что его называли Смитом. — Таддеус, это капитан Кирк.

Наступила долгая тишина, в которой Кирк расслышал еле слышный шепот из этого гулкого помещения. — Мастер? Мастер, пожалуйста, вставайте!

Он перешагнул порог. ДеСолл, Лао и стража остались на месте.

В другом конце тридцатипятиметрового зала желтый пузырь электрического света озарял край галереи игровых автоматов. Игровые пульта венчали кричащие плакаты. СОКРОВИЩА КОНТРАБАНДИСТОВ. ЧУДОВИЩА НА АСТЕРОИДЕ. ВОЛШЕБНАЯ ГАЛЕРЕЯ. Три пульта управления у игр были сняты и подключены заново к самому большому игровому экрану, от нового НЕКРОБЛАСТЕРА 989. И за этим самодельным пультом, опустив зеленую с проседью голову на согнутую руку, нелепой связкой тряпья осел в кресле Дилан Ариос, похожий на мертвого эльфа.

Тэд выпрямился и развернулся, обеими руками вцепившись в фазер и целясь им в сторону Кирка, стоявшего в тени. Круглое детское лицо было мокрым от пота и мрачным, в темных глазах — безумный страх.

— Уйди! — От напряжения голос надломился. — Я убью тебя! Правда убью!

Кирк вытянул руки, показывая, что они пусты, хотя за пояс у него был засунут фазер. — Я не причиню тебе вреда, — сказал он.

— Маккеннон тоже это говорила... — Голос Тэда задрожал, но он с этим справился. — Они всегда это говорят.

Кирк рассматривал не приходящего в сознание Ариоса. — Что с ним такое?

— Не знаю! — Тэд произнес это с отчаянием и страхом. — Он разговаривал через Шарнаса, и тут услышал от Немо на "Наутилусе", что двигатели починили...

— Это ему сказали так же, как он говорил с Шарнасом?

— Угу. — Оружие явственно дрожало в потных руках. Интересно, подумал Кирк, как оно настроено.

— Кто такой Немо? — спросил он, поддерживая разговор. Ни у одной из женщин имплантатов не было, вспомнил он. Никаких гуманоидных форм жизни на черном корабле сканеры не обнаружили, хотя с такой защитой трудно было утверждать это наверняка.

Тэд торопливо сказал: — Да так. Никто. Мм... в смысле... он... он услышал это от...от Адайи. — Он оглянулся на Ариоса, лицо исказилось от беспокойства и боли. — А потом он просто...просто потерял сознание. Он сказал: "О боже" и...как будто он что-то увидел, что-то ужасное.

— Ему нужно в лазарет, — мягко сказал Кирк, чувствуя себя предателем. — О нем нужно позаботиться. Никому из вас не причинят вреда. Я клянусь в этом, я обещаю. Ты же знаешь, что тебе некуда бежать, — добавил он, когда Тэд отвел глаза от Ариоса и оглядел темную пещеру комнаты, отчаянно пытаясь выяснить, нельзя ли сбежать. — Корабль снова под контролем моих людей. Единственное, чего мы еще не можем сделать — зажечь свет. И заставить двигаться турболифты, подумал он. Или работать с главным компьютером и связью. Но Тэд этого не знает.

Тэд чуть не плакал от сомнений и страха, которые были вызваны тем, что на него

возложили столь отчаянно важное задание, а он знал, что не умеет просчитывать все наперед.

— Я оставлю тебе фазер, — добавил Кирк. — Ну как?

Консилиум оставил Тэду не слишком много ума, сказал Фил, по словам Чейпл, но у него золотое сердце.

И страшный, всепоглощающий ужас перед Консилиумом, который сделал его таким.

Тэд бросил еще один затравленный взгляд на Ариоса, затем снова на Кирка, пытаясь прийти к правильному решению и зная, что у него не получается. Наконец он тускло сказал: — Ладно. — Он оглянулся, куда положить фазер, потом неуклюже пихнул его в карман мешковатого комбинезона, который носил. Кирк надеялся, что тот на предохранителе.

— Мистер ДеСолл, — осторожно позвал он, и в дверном проеме появился начальник охраны. К бесконечной чести начальника, отметил Кирк, он тоже убрал фазер из вида. — Мы забираем капитана Ариоса в лазарет. Оставьте здесь людей, чтобы наблюдать за настройкой и удостовериться, что сюда никто не пройдет. Я сказал Тэду, что сейчас он может оставить себе фазер.

Появились еще два краснорубашечника, тоже невооруженные. Тэд, у которого дрожали руки, с опаской наблюдал, как они поднимают Ариоса и направляются к двери. — С тобой будет все в порядке, — мягко сказал Лао, подходя и становясь рядом. — Ты все сделал правильно. Все нормально.

— Правда? — задумался Тэд. — Я в этом не очень-то разбираюсь — в смысле, я же просто подчиненный. Большинство не хотело, чтобы я вообще участвовал в мятеже. Но я очень стараюсь. — Тэд пошел за Кирком и его маленькой процессией. — Он, наверно, захочет кофе и сладкого, когда придет в себя, — добавил Тэд, кивая на своего начальника. — Он всегда так делает после псионного прыжка, а тут сказал, что это будет куда хуже. О, и давайте этого парня отпустим. — Он кивнул на старшину, который по прежнему послушно сидел у ограды дорожки для боулинга, привязанный за руки к опоре, и пытался развязать ленту, заткнувшую ему рот.

Пока Ариоса несли в один из охраняемых боксов лазарета, не было никаких признаков, что он хоть немного приходит в себя. Кирк быстро проинструктировал ДеСолла — велел не разрешать Тэду или мастеру никаких контактов с Шарнасом или Купером; они молча вышли из двери охраняемой реанимационной и направились по темному коридору. В одной из открытых дверей — (Кирк подумал, как это непривычно — видеть так много открытых дверей и слышать гомон голосов) мерцали желтые огни фонарей, и слышался голос Маккоя, который сказал: — Да, похоже, вы в порядке.

— Я же вам сказала, что я в порядке, — произнес голос лейтенанта Сью.

ДеСолл сказал: — Похоже, никто из тех, кто подхватил это...то, что было в проходах и вентиляционных шахтах...никто не пострадал.

— О, да, — горячо сказал Тэд. — Это была всего лишь установка тета-волн, чтобы никто не ходил вокруг. Мастера могут их создавать в закрытом пространстве. — Он дотронулся до затылка. — С нами хуже. Они могут приводить в действие имплантаты в болевом центре почти до максимума, а мы не...подчиненные не могут от них избавиться, как обычные люди. Они нужны нам, чтобы быть сообразительнее. Маккеннон... — Он вздрогнул и потерял нить разговора.

Кирк оперся рукой на бедро, глядя на этого невысокого юношу. — Так "Мастер" — это и в самом деле звание из Консилиума?

Тэд кивнул. — А с Филом все в порядке? — вдруг спросил он.

— С ним все будет хорошо. — Кирк зажег огонь внутри двухместной каюты и кивнул ДеСоллу. — А твой мастер может связаться с "Наутилусом"? Ты сказал, кто-то сообщил ему, что двигатели починены.

Тэд заколебался, потом виновато сказал: — Мне не разрешили говорить об этом.

— Немо? — Ариос шевельнулся, хватаясь рукой за воздух, когда офицеры положили его на кровать. И снова, отчаянно: Немо...

— Кто такой Немо?

— Если ты нам расскажешь, это будет правильно, — сказал Лао. — Шарнас заглянул в сознание нескольких человек, и сказал, что мы и вправду те, за кого себя выдаем.

Тэд вздохнул, но стал поспокойней; Кирк не мог отделаться от мысли, что прекрасно понимает, почему остальные участники Теневого Флота не испытывают энтузиазма от участия подчиненных в мятеже. А затем он сказал: — Это наш яггхорт.

Он сел на кровать и смиренно взглянул на Кирка, который уставился на него в ужасе и потрясении.

— А у вас на "Энтерпрайзе" нет яггхорта? — удивленно спросил Тэд. — Я думал, что это дело мистера Спока. Что он эмпат, который работает в паре с вашим яггхортом.

И видя, что все в комнате глядят на него с полнейшим непониманием, сказал: — Так действует псионный прыжок. Его делает яггхорт. А корабли они просто берут с собой.

Глава 9.

Через полчаса это подтвердил мистер Спок. — Это вполне резонное положение, — сказал он, подняв руку, на ссадины которой доктор Маккой напылял пластырь, несколько отличающийся по цвету от кожи. Левая рука была покрыта толстым слоем искусственной кожи, которая тоже отличалась, и судя по тому, как он двигался, Кирк решил, что Маккой наложил какую-то повязку на пораненную ногу и сломанные ребра. Он вернулся на "Энтерпрайз" — еле волоча ноги, в синяках, в одежде, перепачканной маслом и грязью — вместе с Ракшей и Адайей, при новости, что Ариоса захватили. Не было никаких переговоров, хотя сканеры показали, что вокруг "Наутилуса" появился новый слой защиты — по-видимому, после ремонта Ракши, делая его непроницаемым для наружных телепортационных лучей. Несмотря на травмы, Спок сохранил чопорно-подтянутый вид, словно появиться неприбранным и растрепанным значило проявить себя человеком, а значит, было недопустимо.

Шарнас, который сидел в кровати и чьи длинные черные волосы были убраны с лица, выглядел точно так же — по кошачьи аккуратно, словно пребывал выше любого беспорядка.

— В действительности это логично, стоит только изучить все элементы загадки самих яггхортов, — добавил юноша. — Исследованные образцы были генетически почти идентичны, хотя поражали корабли и колонии на расстоянии дюжины секторов; причем идентичны черты, не связанные с эволюцией, такие, как форма головы, цвет полос и манера танца. Вы знаете, что яггхорты танцуют? Однако не было найдено никаких механизмов для перемещения — ни намек на это. Но стоило только установить у эмпатических рас имплантаты для психического контакта прежде всего у бетазойдов, которых имплантировали в детстве, чтобы излечить неврологические повреждения, вызванные чумой — и контакт с яггхортом стал возможен.

Кирк вздрогнул, вспомнив, что рассказала ему он яггхорте подруга по Академии Мария Келлог, и тот единственный корабль, который нашел "Фаррагут", когда он сам был еще молодым курсантом, не закончившим даже Академии. К тому времени, когда "Фаррагут" получил сигнал о неполадках, яггхорт был уже уничтожен — и Кирк помогал вытаскивать тела трех членов экипажа из катушек двигателя, куда их затолкало это существо. Он до сих пор помнил ручьи крови и смолы, которые стекали по стенам.

— Было выяснено, что яггхорты мечтают об иных мирах, — мягко продолжал Шарнас. — И идут туда... — Он разжал пальцы, как человек, выпускающий бабочку, что опустилась на ладонь. — Примерно так. Все, что им в действительности нужно — определенное место, катушка-модулятор и причина забрать с собой корабли.

— До этого их целью были источники энергии мю-спектра, излучаемые аномалиями Тертлдава, — сказал Спок. — Энергии, которую излучали и они. Занимательно.

— С ними нет никаких проблем, пока у них есть корм, — добавила Адайя, увидев выражение лица доктора Маккоя. — А Немо...довольно мил.

Кирк ощутил, что склонен согласиться с Маккоем, но вслух этого не сказал. Небольшая группа путешественников собралась в охраняемом лазарете, Фил Купер снова был одет — в странного цвета шерстяную рубашку и что-то, похожее на штаны от военной формы, в которых появился на "Энтерпрайзе" — и сидел в одном из больничных кресел. Тэд Смит пристроился как можно ближе к нему, покровительственно положив руку на фазер, который все еще был у него в кармане: энсин Лао убедил его дать ему взглянуть, и успел удостовериться, что оружие настроено на небольшое оглушение и предохранитель включен. Шарнас, который в голубом больничном халате выглядел маленьким, хрупким и пугающе юным, опирался на подушки в кровати, но в первый раз его глаза были ясны и свободны от боли и лекарств. Адайя, скрестив ноги, сидела на пороге в следующую комнату, которую оставили открытой даже после того, как свет и дверные механизмы были приведены в порядок. Она поглядывала в эту дверь на Дилана Ариоса, чья неподвижная фигура была отсюда видна — он лежал в кровати, лицо было в тени, а на тонкую руку, покоившуюся на груди, падал свет.

Снаружи к обеим комнатам была приставлена охрана, а Ракшу с Лао к центральному компьютеру сопровождали офицеры безопасности Баттерфильд и Шимада, но в целом Кирк не ожидал более неприятностей от своих гостей. Корабль несколько неуверенно настраивался на вторую дневную вахту. Скотти со своей командой дюйм за дюймом осматривал корабль, дабы убедиться, что ему не было нанесено никаких повреждений, и пока не сообщил ни об одном. Такие же команды из охраны и инженерного отсека обшаривали помещение для боулинга, чтобы успеть к приближающемуся большому соревнованию.

Все возвращалось на свои места.

Не считая того, думал Кирк, что он теперь знает. С этим знанием ничто уже не будет как раньше. Ни для него, ни для тех, кто был в этой комнате.

Кирк достаточно путешествовал во времени, чтобы понимать, что теоретически будущее изменить можно — если знать, что менять. Но не мог представить, что можно сделать на расстоянии 250 лет, чтобы предотвратить чуму, разложение Федерации, предотвратить рост Консилиума. Не мог представить, что он может сделать, чтобы переделать события, причин которых совершенно не знает.

Это в любом случае было непросто, к тому же от любого события, построения и изгиба времени появлялось столько возрастающих в геометрической прогрессии последствий, что вмешательство часто оказывалось более опасным чем бездействие. Даже то, что он знал, уже было вмешательством, изменением — но этого знания будет мало.

Он не знал, что же тут подойдет. Если подойдет вообще хоть что-то.

Если конечно, Купер — и Ариос — говорят правду.

А откуда ему это знать?

— В итоге все свелось к тому, чтобы убедить яггхоротов, что звездолеты это их яйца, а эмпааты помогают им их высиживать, — продолжал Шарнас, словно это была самое естественное в мире. — Они связаны с эмпаатами, а катушка-модулятор присоединяет их прямо к двигателю.

Спок вспомнил катушку-модулятор. Она была частью оборудования, о котором во время ремонта ему рассказала Ракша, не объяснив, что это такое. — У меня было впечатление, что у яггхорта нет чувств.

— По этой теме имеется очень мало положительных данных, — ответил юноша-вулканец. — Исследования Йорубы 2478 показали...

— Сюда. — Вошел Маккой, сопровождаемый сестрой Чейпл, которая держала поднос с гипоспреем и устройством для взятия крови. — Я сделал общую гамма-инъекцию на тот случай, если эта тварь притащила неизвестную инфекцию, но мне бы хотелось позаимствовать у вас немного крови, чтобы провести тесты. Похоже, вы первый человек в истории ксеномедицины, которого яггхорт просто укусил, а не разорвал на кусочки.

Когда пробирки заполнялись темно-зеленой кровью, Фил с Тэдом отвели глаза; Спок с

Шарнасом продолжали обсуждать яггхорта, словно одного из них и не пытался разорвать на куски псевдоколлега другого.

— Все в порядке. — Дверь скользнула в сторону и вошла Ракша, сопровождаемая энсином Лао. — Я же говорила, это займет немного времени. — На ее куртке блеснул металл, когда она прошла в другую дверь — в комнату, где лежал спящий Ариос. Она мягко сказала: — Привет. — Кирк никак не думал, что клингоны обладали таким голосом.

— Насколько я могу сказать, она ничего не добавила к нашим программам, когда снимала блокировку, — сказал Лао.

Он выглядит усталым, подумал Кирк. Загнанным. Словно его жжет изнутри. Может, так оно и есть. Ему был всего двадцать один год — достаточно молод, чтобы все казалось чудовищным, окончательным, огромным, достаточно молод для всепоглощающего отчаяния юности. И даже приобретя с годами опыт, Кирк тоже ощущал эту безнадежность — но только увидев в глазах мальчика полное поражение, он вдруг осознал, как же далеко сам он ушел от того юного и необузданного энсина с "Фаррагута", который в испуге смотрел, что сделал яггхорт. Он вспомнил, как спрашивал себя тогда, как капитан Ганнович может справляться с этим ужасом, который они нашли. Сейчас он знал, что к этому привыкаешь и продолжаешь делать свое дело.

Иногда с трудом — в таких же заплатках, как этот старый черный корабль, который стал "Наутилусом" — но продолжаешь. Подгадывая шанс сделать то, что можно.

— Не то, чтобы я мог что-то об этом рассказать. — Лао устало провел рукой по лицу. — Я сделал заметки...

— Уничтожь их, — тихо сказал Кирк. — Даже не перечитывая.

Лао удивленно уставился на него. Поблизости Фил говорил Споку: — Что меня удивило, так это как Шарнас с мастером смогли уговорить Немо дезертировать и примкнуть с нами к мятежникам. Потому что без него мы не смогли бы совершить псионный прыжок. До сих пор не понимаю, как им это удалось.

— Это не мы, — сказал Шарнас. — Это решение принял Немо. У него для этого были собственные причины — и именно этого не понимает Консилиум.

— Мы встречались с временными парадоксами, — сказал Кирк тихо, чтобы не привлечь внимания Маккоя, Чейпл, охраны за дверью и кучки мятежников, а возможно и вулканца Шарнаса, который был до сих пор погружен в дискуссию со Споком. — Я не знаю, что тут из этого всего выйдет, но Ариос был прав, когда настаивал на том, чтобы дать как можно меньше информации. Я забираю все записи, которые могли сделать Мейнут, Миллер и Макдонаф.

Он остановился. В другой комнате в ногах кровати Ариоса молча стояла Ракша, глядя на него с бесстрастным выражением лица и мучительной, усталой печалью в глазах. Наблюдая, как уходят Маккой и Чейпл, Тэд серьезно сообщил Споку: — А знаешь, твой Звездный Флот мне нравится больше, чем наш.

— Тэд, — терпеливо сказал Фил, — а вот это — взгляд мятежника.

Лао улыбнулся, и лицо стало чуть менее утомленным.

Кирк продолжал: — Что бы они ни говорили нам о мятеже — может, они даже не врут — но они ничего нам не сказали о том, чего хотят на Тау Лира Три; что делают в этом секторе галактики; почему выбрали это время; почему им так важно добраться туда. И неважно, что это за история — пусть даже мы сами могли бы ее подтвердить (а мы этого пока не можем) — наши задания ясны. Тау Лира Три — это планета-протекторат с разумной, не вышедшей в космос цивилизацией. И наш долг — помешать кому бы то ни было вмешиваться в дела этой цивилизации, каковы бы ни были причины для этого. Позволить этой цивилизации свободно развиваться по собственному пути столько времени, сколько им потребуется, чтобы достичь уровня космических полетов... И все, что они нам о себе рассказали, не может послужить извинением для нарушения своих обязательств.

— Да, сэр, — сказал Лао. Он заколебался, борясь с собой, словно ища, что сказать, как выразить вопросы и отчаяние. — Капитан...

Интересно, подумал Кирк, что же ему ответить. Мы всегда можем что-то сделать? Вот только знать бы, что это что-то не приведет к той ситуации, которую он стремился изменить.

Он не знал. И никто не знал. А надежда — и отчаяние — были такими же факторами, как и все остальные, и их тоже стоило принять в расчет при волновом воздействии времени.

От необходимости ответа его избавил звонок линии связи. — Капитан, сказал голос Ухуры. — Мы получаем сигналы от буев вокруг системы Тау Лира. Они начались, когда наши коммуникации были отключены; мы проанализировали их только сейчас.

— Сигналы? — резко спросил Кирк. — Какие сигналы?

Ее голос звучал ровно и странно безжизненно. — Полтора часа назад на звезде Тау Лира произошел мощный взрыв на солнце. Большинство буев тоже уничтожены, но согласно сигналам, которые они уловили... вся жизнь на Тау Лире погибла.

Вся жизнь.

Джеймс Кирк стоял на мостике "Энтерпрайза" и смотрел на замедленный повтор информации, которая поступила на парализованные рецепторы корабля девятью минут назад. Видел, как судорожно разгорелась отфильтрованная желтая корона звезды (словно во сне задержалось какое-то огромное чудовище), затем погасла... Пять минут. Десять. Потом она снова засветилась, сияние быстро усиливалось, нарастая от желтизны к белизне и раскаляясь добела, когда с поверхности пылающими столбами выплеснулось пламя, как будто горнило звезды еще и еще удваивало силу огня.

Вся жизнь.

А люди на планете так и не узнали, что обрушилось на них, думал Кирк. Жар и сияние, которые настигали их прямо в домах.

...Согласно отчетам, они строили на выгнутых дугой основаниях каких-то странных, похожих на смоковницы растений, типичных для зон умеренного климата, удивительные сооружения из гипса и твердых, как железо, растительных материалов. В подлокотнике кресла у него была куча пластин, груды бледно-зеленого флимсипласта, которую ему прислали из исторического отдела. Статьи, гипотезы, обзоры, сделанные с далекого расстояния, добытые учеными, для которых эта планета была смыслом жизни и настоящим сокровищем... теми, кто в соответствии с Первой Директивой никогда на нее не ступал, ожидая дня, когда они смогут это сделать...

Теперь этот день не придет никогда.

Перепуганным животным застывший транспорт. Руки, в защитном жесте вскинутые к глазам. Перегруженные линии связи — они ломались, когда сгорала изоляция. А на ночной стороне — тем, кто не спал, а читал, или пел, или смотрел странные небольшие плоские видео — им сообщили об этом по радио, и они бросились к окнам, восхищаясь луной, которая разбухла и полыхала каким-то неведомым заревом, а затем померкла, когда убийственным светом заиграло само небо.

Десять минут нарастающей паники, ужаса, молитв.

А затем настал черед жара.

Вся жизнь.

Он закрыл глаза.

Вся жизнь.

От него не ускользнуло, что маленькие часы в углу экрана показывали то же самое время, когда Дилан Ариос потерял сознание от усилий установить тета-волны во всех открытых проходах внутри корабля.

Он не забыл также, что "Наутилус", этот туманный близнец его собственного корабля, был в системе Тау Лира, когда прибытие "Энтерпрайза" вынудило его спасаться бегством. Вообще-то казалось, что он только-только подошел к дальним окраинам кометного поля, но возможно, этот корабль не подходил к планете, а уходил от нее.

А Ариосу отчаянно нужно было попасть туда — или вернуться туда настолько, что он рискнул жизнью, чтобы захватить целый корабль.

Мог ли он что-либо изменить, зная он раньше, кто эти люди?

Знает ли он это даже сейчас?

В какой степени за все эти смерти отвечает он?

Он снова открыл глаза и посмотрел на дисплей экрана. Сейчас он показывал нынешнее состояние звезды Тау Лира. Температурные показатели, коронарная активность фактически ничем не отличались от того, какими были неделю назад, месяц, двадцать лет назад, когда эту планету исследовали впервые.

Вот только четыре внутренние планеты системы стали пеплом. Цивилизация, которую Федерация приказала ему защищать — конечно, в порядке любезности по отношению к другой разумной расе — погибла.

Кто-то за его спиной удивленно вскрикнул, затем выругался. Кирк обернулся и увидел Дилана Ариоса, который стоял за креслом с видом человека, который находится здесь уже некоторое время. Кирк поднял руку и подал знак стоявшему на посту старшине из охраны — который целеустремленно продвигался к нему, несколько покраснев — вернуться на пост у двери турболифта. — Все в порядке, сказал он.

— Я подумал, что вы захотите меня увидеть, — Ариос скрестил руки на груди и чуть склонил голову, чтобы изучить экран. Он был изможден и выглядел еще хуже от утомления, но глаза в темных кругах от бессонницы были ясны и невероятно печальны. — Кстати, все остальные по-прежнему в лазарете.

Кирк стукнул по линии связи. — Лазарет, — произнес голос Чейпл.

— У вас все в порядке?

— Да, — несколько озадаченно сказала она. — Вы имеете в виду наших...мм...гостей? С ними все хорошо. — Пауза, во время которой она, вероятно, заглянула в дверь или включила монитор. — Да, они все в палате, где вы их оставили.

— Включая капитана Ариоса? — Он взглянул на молодого человека рядом; Ариос приподнял тонкие зеленые брови.

— Думаю, да. Я проверяла его буквально минуту назад.

— Это меня мастера таким штукам обучили. — Ариос кривовато и удивительно мягко усмехнулся. — Воспитали, обучили и поставили в мозг имплантаты, когда мне было семнадцать и я предпочитал заниматься чем-нибудь другим. Думаю, они сильно удивились, когда я использовал это против них. — Он повернулся и снова взглянул на повтор: пламя, мрак, преддверие ада. Еще более мягко он сказал: Они здесь.

— То есть вы говорите, что это сделал Консилиум?

Ариос кивнул. Энсин Лао, который упорно и устало работал за пультом центрального компьютера, чуть развернулся в кресле и как будто собрался что-то сказать, но снова отвернулся и продолжил работу.

— Теоретически возможно запустить самовозгорание этого солнца путем обстрела сердца звезды достаточно мощными водородными торпедами, — сказал мистер Спок, выходя со своего места, где он просматривал цифровые данные того же самого изображения, применяя спектральный анализ, как делал ранее со сканерами "Наутилуса". — Тау Лира всегда была нестабильной звездой, с длительным периодом активности ядра, который по спектроскопическим данным составляет триста лет. Она в любом случае наверняка погибла бы в огне.

— Когда? — Кирк был утомлен до мозга костей.

— Статистически, в любой время между завтрашним днем и следующими двумя столетиями.

— И почему же тогда, — беспощадно спросил Кирк, — эти вспышки разрушили ее именно сегодня?

Спок изучал его с легким удивлением. — Это такой же день, как и другие.

Кирк молчал.

— В наше время Тау Лира это пустыня. — Ариос снова взглянул на экран, и свет от гибнущей звезды вырезал напряженные морщины, которые сетью сбегались к уголкам глаз. — Мы знали, что она уничтожена примерно в это время — отчеты о вашей миссии

уцелели, и вы сообщили, что она разрушена. Мы думали, что попадем сюда чуть раньше, чем появитесь вы, и надеялись, что сможем добраться туда прежде, чем это случится.

— Почему?

Ариос вздохнул; Кирк увидел, как на мгновение вспухли мускулы висков и челюстей. Потом, снова подняв глаза, тот ответил: — Старинный лингвистический анализ указал на высокий уровень психического мастерства среди тамошнего населения в целом, примерно как у некоторых ученых высокого уровня — Мастеров и выше.

— Так вы собрались туда, ища помощи против Консилиума. — На экране, под повторяющимся изображением вспышек, на черном фоне появилось окошко с данными: уровень активности радио переговоров в тот момент, когда заглохли планетные системы связи; уровень влажности, который повысился, когда океаны сначала пропали под покровом тумана, а затем начали закипать; внезапное пламя, охватившее лесные заросли, которые покрывали почти всю планету. Окошко поменьше показывало саму Тау Лиры III, ослепительно белую в пологе вздымающихся облаков. На поверхности сейчас, должно быть, пекло и плети дождя, как в мире мертвых.

Вся жизнь.

Ариос вздрогнул и отвел глаза, услышав суровость в голосе Кирка. — Я думал, мы скрыли наши следы, — мягко сказал он. — Знаете, мы и правда старались, чтобы за нами не следили.

Кирк вспомнил те меры предосторожности, которые он сам, да и другие, принимали против клингонов, против вторжений и нападений, против засад и атак на непонятные миры. Иногда меры предосторожности не помогали. Иногда не помогало ничего.

— Нам нужны люди, которые могут противостоять опытным мастерам Консилиума, у которых есть имплантаты, — спокойно продолжал Ариос. — Нам самим нужно набираться опыта. Мы вынуждены найти альтернативу имплантатам, чтобы продолжать использовать псионный двигатель; какой-то способ повысить или развить психические возможности, не открывая эту дверь психического контроля. Мы не можем уничтожить Консилиум — то, что сделал Консилиум — если продолжим использовать их технологию, их способ. Все, что у нас получится — это в конечном итоге стать ими.

— Да, — сказал Кирк, понимая, что Ариос хотя бы отчасти прав.

— И нам нужно найти какой-то способ справляться с собственными имплантатами. Мы не знали, что найдем там, но мы...надеялись. Хотя, может, это с нашей стороны была и глупость.

— Нет, — покачал головой Кирк. — Это была не глупость. Мисс Барроу? Проложите курс на Тау Лира Три.

— Есть, сэр. — Ее руки стремительно задвигались над навигационным компьютером, а сама она, хотя и выглядела слегка взъерошенной после почти двух часов, проведенных в попытках пройти по вентиляционной шахте из одного запертого коридора в другой, но была в полной боевой готовности. В то время, как часть экипажа дневной смены осталась на мостике, чтобы разобраться в путанице данных и перезагрузок, вызванных перебоями в питании, другие — вроде Сулу и Чехова — вернулись к запоздалым обедам и первой из явно многих недель обсуждений, воспоминаний и ужасных историй о том, кто где был и что предпринял, когда погас свет.

— А что с "Наутилусом", сэр?

— Мы можем встретиться с вами там, — сказал Ариос. — Теперь, когда машины отремонтированы и Шарнас может совершить прыжок, мы проложим орбиту вокруг планеты и подождем.

Кирк плотнее сжал челюсти. — Черта с два вы это сделаете, — тихо сказал он. — Мисс Барроу? Субсветовые лучи. Максимальный захват на "Наутилус". Сообщите мне немедленно, если с лучом возникнут проблемы.

— Есть, сэр.

— Мистер Спок? Соберите всю информацию о внезапной вспышке на солнце Тау Лира

и всю информацию из библиотечного компьютера о Тау Лири Три. Встретимся в главном зале совещаний в 22.00.

Спок склонил голову, развернулся, подкинул в воздухе пластину с данными со своего рабочего места. Главный экран вновь показывал черное звездное поле, которое сдвинулось в сторону при медленном развороте "Энтерпрайза" в ответ на команду рулевого.

— Лейтенанат Ухура? С планеты ловятся какие-либо радиосигналы?

Ухура, которая совещалась с Махейз, оглянулась и сдвинула наушники. — У меня есть записи, сэр, но они искажены и с помехами.

— Сколько времени потребуется вам и ксенобиологам, чтобы их расшифровать и очистить от помех?

Не моргнув глазом — хотя через несколько часов до Кирка дошло, что он просит начальницу отдела связи всего-то отказаться от заслуженного обеда после весьма утомительного дня — Ухура ответила: — В зависимости от того, сколько расшифровок есть в компьютерных базах, от десяти до двадцати часов, сэр.

— Пусть ваши люди этим займутся, — сказал он. — Если вы чего-нибудь добьетесь до 22.00, передайте это в комнату для совещаний. Если нет, дайте мне знать, когда у них все же что-то получится.

Он снова повернулся к Ариосу, который все еще стоял рядом, приподняв брови, хотя во взгляде не было совершенно никакого удивления.

— Ваш экипаж много раз выражал беспокойство насчет того, что их тут обманывают — и что этот корабль и все вокруг просто грандиозное надувательство, с помощью которого эта Домина Маккеннон хочет заставить вас поверить, что мы именно те, за кого себя выдаем, — спокойно сказал он. — Но это палка о двух концах. Я допускаю, что вы из будущего — те записи, которые Спок прихватил из покинутой каюты вашего судна, не оставляют места сомнениям. Но что до остальной вашей истории — кто вы и что делали на Тау Лири Три — у меня есть только ваши слова. И водородные торпеды высокого давления мог сбросить в сердце этого солнца не только Консилиум. Надеюсь, вы понимаете, что я собираюсь удерживать вас на борту "Энтерпрайза" под присмотром по крайней мере до тех пор, пока не узнаю, не находился ли в системе Тау Лири звездолет, когда начались эти вспышки. Какой-то другой звездолет, помимо "Наутилуса".

Глава 10.

По синюшной воде как пулями хлестал горячий дождь. Ураганный ветер почти сбил Кирк с ног, когда он с группой высадки вышел из-за разрушенной стены, под прикрытием которой они материализовались. Над головой и вокруг них стонали и качались арки древа Ообаст. Многие из них уже обрушились, став опасным клубком из проволоки, железа и стекла под ковром из вонючего пепла.

Вся жизнь, думал Кирк, и эти слова сами собой вертелись в его голове вместе с горьким привкусом самообвинений и вопросом, что можно было и можно ли хоть что-то было тут сделать. Вся жизнь.

С "Наутилусом" на буксире понадобилось три дня, чтобы добраться до Тау Лиры на субсветовой скорости. За это время Ухура, Джильден из исторического и Лао работали с компьютерами, реконструируя планету, насколько могли, выискивая самые вероятные места, где кто-то мог уцелеть и усиленно просматривая сканеры и возможности в тщетной надежде найти жизнь. На этом расстоянии они не нашли ничего.

Ухура к тому же прочесала все данные, все спектрографические отчеты, все передачи, которые как-то поступили от сгоревших буев, в поисках свидетельств, что указали бы на присутствие в системе Тау Лиры во время происшествия другого звездолета.

Но там не было ничего. Только следы антиматерии от чадающего импульсного двигателя "Наутилуса" да признаки выброса двигателя, ведущие в центр туманности Перекресток.

— Псионный звездолет вообще не оставил бы выброса, — заметил Ариос, поставленный перед лицом этой информации. — Их импульсные двигатели были бы в лучшей форме, чем наши, особенно после тех колотушек, которые мы получили, пройдя сквозь аномалию в центре туманности. Звездолет Флота мог материализоваться внутри кольца буев, выпустить торпеды и выпрыгнуть обратно. Они могли убраться за семь систем отсюда, наблюдать за вами в дистанционные сканеры и нигде пылинки бы не шевельнули.

Кирк до сих пор не знал, верить ему или нет. По его приказу Спок проверил все торпедные отсеки на судне и обнаружил, что все они покрыты коррозией и забиты кучей плесени — но он знал, что тут есть и иные средства запустить оружие.

Десант состоял из Кирка, Маккоя, историка Расселла, Адамс из антропо-геологического, энсина Лао с видеоприбором, трех охранников и Дилана Ариоса, который едва стоял под тяжелыми ударами ветра. Обрывочные данные, собранные Джильденом и Лао, показали, что из больших городов над водой остался лишь один — Ообаст — и то чуть-чуть. Слово "город" было возможно, не самым удачным.

Предлагались аналоги — "сборище", "сообщество", "дом" и "дерево".

На фоне грязной мути облаков чернели изогнутые хрупкие арки сожженного дерева. Большую часть их уже повалило ветром, они лежали подобно обугленным скелетам в подступающей серой воде, а по ним хлестал дождь и редкие градины. Бело-голубые молнии прошивали небо; повсюду, где можно было скрыться от ураганной силы ветров, изгибались разрозненные туманные призраки; далее, в черноте, пьяно качались водяные смерчи.

Это был Ад.

От цивилизации, которая сделала этот мир своим домом — от семей, что составляли клан Древа Ообаст и слушали странно акцентированную музыку или непостижимо хаотичные радиописьмы — не осталось ничего. Сырая почва была месивом из мертвой проволоки и кабелей с выжженной изоляцией, похожих на половик из негнущихся виноградных лоз; под башмаками Кирка хрустели черепки фарфора и стекла, и в этой каше часто хлюпала вода. Мистер Кайл высадил их на возвышенности, ближе к западному краю города, где Дерево Ообаст подступало к гряде холмов, которые были некогда его границей — самое лучше укрытие, которое он смог найти. На востоке серое полотно воды находилось всего в нескольких метрах от точки телепортации, быстро теряясь в мрачном тумане.

На воде качались куски обгорелой штукатурки и пластика, те осколки деревянной мебели, которые еще не успели намочнуть и утонуть, остатки механизмов и простой электроники. Энсин Лао, держа на плече записывающую технику, шурился под проливным дождем.

— Я думал, это...будет хуже, — сказал он чуть погодя. — А где тела?

— В укрытии, — коротко сказал Маккой. — Температура тут поднялась выше пятисот градусов. Стихийные бедствия с таким пеклом уничтожают все, что не укрыто.

Кирк посмотрел вниз, на свинцовое море, что тянулось вдаль у их ног. Несмотря на барабанный дождь и пронизывающие порывы ветра, над морем по колено висел белый туман, клубясь вокруг сплавленных лонжеронов из структурной стали — словно призраки того, что он и Звездный Флот пытались тут защитить. У берега качался какой-то осколок — гладкое красноватое дерево, путаница медных проводов и прилипшие к ним остатки сожженной наружной изоляции.

— Даже в воде ничего, — тихо сказал Кирк. — Никаких бактерий — никакого воздуха в ней.

Они побрели прочь, пригибаясь от ветра, идя прямо по стоячей воде, которая скрывала осколки, кабели и прочие вещи, которые попадали под ноги и скользили под ними, для дальнейших исследований. И там, где изгибы холмов защищали часть настоящего Древа от ветра — где рухнули густые заросли деревьев, свалив строительное железо и стекло домов и погребя их под собой, где вздымающийся пар уменьшил видимость до нескольких метров — там они нашли трупы.

Похожи на симметричных приматов, решил Кирк, вглядываясь сквозь развороченную

кладку в еле видимые кости: закругленная грудная клетка, шесть конечностей, плоские, как у лягушек, головы. Предыдущие исследования говорили о том же. Расположенные спереди на лице глаза. Трехпалые руки. Маккой и Адамс из антропо-геологического как смогли вытащили двоих, Лао сфотографировал на месте. Расселл, хрупкий, аскетичный начальник исторического отдела, привязал к стволам дерева желтые метки, чтобы указать место, где нашел тела.

Кирк вдруг осознал, что "нескольким ученым", о которых говорил мистер Спок — единственным, кто изучал Тау Лира III и Йондри — будет невероятно больно узнать об этом уничтожении, как будто они потеряли членов семьи. А может, так и есть.

Они потеряли цивилизацию, которую изучали, не приближаясь, одиннадцать лет — столько лет Федерация знала об этом мире. Цивилизацию, о которой они писали статьи, монографии, исследования; надеялись дожить до того дня, когда посетят ее как посланцы и эмиссары Федерации. Цивилизацию, которую они нашли, которой дорожили, поместили ее под протекторат, финансировали наблюдение.

Кирк понял, что ради этих ученых обязан собрать как можно больше из этих руин, пока все это не уничтожили вода, шторм и течения.

— Есть хоть какие-то признаки жизни?

Маккой покачал головой. — Трикодер установлен на максимум. Тут множество электрических помех. Но здесь никто не выжил.

Отдаленные раскаты грома и небо цвета торнадо над Айовой. Ничего. Никто не выжил. От больших сканеров на борту "Энтерпрайза", которые могли отличить яблони от апельсиновых деревьев за много километров от поверхности, тут было немного прока из-за усиливающихся волн электрических помех, вызванных ураганами. Несмотря ни на что, Кирк спустился на планету, еще на что-то надеясь.

— Ничего. — Маккой сложил трикодер в пластиковый футляр. — Ни животных, ни насекомых — ведь были же здесь насекомые?

— Тысячи видов. — Ариос стоял на коленях, склонив голову, среди камней. С блестящего комбинезона, с шара из поляризованного стекла, который защищал голову, лилась вода. Лицо его внутри было искажено болью. — Птицы...ну или аналоги птиц. Ленивцы, древолазы...Древолазы были у них домашними животными. Подняв глаза и увидев выражение глаз Кирка, он сказал: — Я...я это чувствую. Это словно эхо, поднимающееся от пепла. Призраки, похожие на воспоминания о снах.

Кирк промолчал.

— Я не убивал этих людей.

Кирк снова не ответил и отвернулся, пошатнувшись от очередного порыва ветра.

Следуя анализу Лао (он провел его по отрывочным данным реконструкции планеты, которые получил Джильден), они пересекли кряж и обнаружили то, что было центром городка. В некоторых сообщениях указывалось, что тут была высокая концентрация ученых, как будто это был своего рода университет для тренировки психических возможностей. В столь экстренном случае йоны использовали его подземные помещения как убежище, таща туда груды распечатанных материалов неуклюжие связки листов, перевязанные разноцветной бечевкой — странное оборудование, горшки и банки, имевшие, видимо, отношение к медицине, и так шли вниз лестница за лестницей, до тех пор, пока их не одолело это пекло и они не умерли в толчее, суматохе и давке, со своими сокровищами, которые до сих пор сжимали в иссохших руках. Самое нижнее из этих подземных помещений уже затопило, потолок провис и треснул, поскольку земля наверху уже отсырела и стала тяжелей; все члены группы, согнув спины, вытащили из подвала наверх по всем лестницам и обратно к точке высадки четыре громоздких сундука.

Что бы за дьяволища в них не находилась, думал Кирк, когда коробки растаяли в вихре золотой пыли, это были ценности, которые йоны хотели спасти. Самое меньшее, что он мог сделать — спасти это ради них.

— Самая высокая точка в городе должна быть тут, — сказал Лао, который работал над

картами вместе с Джильденом. В электромагнитном хаосе, который оставило голое магнитное поле, не сработал бы даже стандартный компас; сканер Лао был ориентирован на ландшафт, и неровные линии прибора призрачной сетью повторялись на лицевом щитке. Юноша был потрясен и очень тих после куч обугленных и промокших костей в убежище. Он понимает, думал Кирк, в отличие от охранников и Расселла, что смотрит на жертв убийства, а не так называемой воли Божьей.

— И вопрос всего-навсего в том, — спокойно сказал Кирк в портативный магнитофон, который принес с собой, прикрепив к поясу, — кто этот убийца и как было совершено преступление. Потому что остается вероятность, что человек, который заявляет, что был лишь очевидцем событий у этой звезды — и очевидцем особенностей звезды — и есть в действительности автор этой катастрофы.

И никто не мог ничего сказать.

Пока, думал Кирк, бессознательно разделяя упрямую надежду Лао насчет своего брата, насчет того, что все может измениться вопреки всем возможностям Рока. Пока.

Самая высокая точка города — того, что осталось от города — была чем-то вроде вершины почерневшей изогнутой дуги древесного ствола, которая выделялась на фоне каменистой гряды, что создавала основу Древа Ообаст. Укрытые этой грядой арки остались более-менее целыми, хотя и раскачивались тошнотворно от штормовых ветров, что завывали на гребне холма. Кирк отчаянно цеплялся за наклонные металлические конструкции и пучки обожженного провода, что свисали подобно осыпавшимся виноградным лозам. Далеко внизу среди стволов и обломков деревьев, иногда видимых под плетями дождя, иногда прячущихся под струящимися полосами пара, пенилась вода. Кирк задыхался, каждый вдох отдавался в голове, а одежда под защитным костюмом липла к телу, промокнув от клейкого пота.

Ариос намотал ремень от оборудования на запястье, а сам привязался к стойке от искореженной платформы, которая была окружена головокружительным лабиринтом черных сучьев, свисающих кабелей и сломанных машин в сорока метрах над грохочущим водоворотом. Сложив руки на груди, он сосредоточенно склонил голову, как нищий под дождем, и долго стоял так, с видимым усилием сражаясь за возможность устоять среди взвихрений пара, пока ветра швыряли в него водой. Раскаты грома были похожи на последствия "сумерек богов", а молнии метали тугие белые стрелы в мерцающие фигуры группы высадки. Где-то поблизости в водоворот внизу рухнула часть спутанных веток, ячеистого металла и груды штукатурки. За спиной у Ариоса Кирк увидел, как на горизонте в рваных клочьях тумана и туч взвился адский водяной смерч.

Наконец Ариос повернулся к ним, отвызываясь от опоры и чуть не упав. Лао с Кирком бросились к нему, потому что Кирк понимал, что защитный там костюм или нет, но свалившись в такую пучину, никто бы не выжил. Лицо Ариоса за шлемом было мертвенно-бледно, и внезапно Кирку пришло в голову, какой это, должно быть, ужас — быть эмпатом и вслушиваться в мир, все население которого было сожжено заживо.

Он мягко спросил: — Вы что-нибудь слышали?

Мастер покачал головой.

Позднее, в зале совещаний они заново просмотрели записи, которые получил Лао, и те, что сделал старшина Рейли во время поисков другой группы высадки к Древу Риг, почти в середине материка. Чейпл с Шарнасом спустились с Джильденом, ДеСоллом и его краснорубашечниками. Чейпл сильно дрожала, Шарнас выглядел больным.

Риг был единственным из остальных крупных населенных центров, где, согласно выводам Ариоса и Шарнаса, были сосредоточены ученые, который до сих пор остался над водой. Это Древо вертикально прилепилось к краю огромного квадратного ущелья в горнодобывающих районах, и большинство его обитателей, когда к ним начала подбираться жара и алым запылали ночные небеса, искало убежища в шахтах. Там их и нашли — тысячи человек — застывшие, высохшие, мумифицированные жаром, окруженные теми пожитками, которые были для них достаточно важны, чтобы тащить это с собой к концу мира, на глубину семисот футов в гору.

Самая нижняя часть шахты была уже сильно затоплена. Повтор на экране в зале совещаний показал искаженные лягушачьи лица, иссушенные конечности и закрытые глаза мертвецов. Грудь и руки одного из малышей были сунуты в лужу из расплавленного воска — должно быть, это была игрушка. Недалеко от птичьей руки другого лежали осколки светло-коричневой куклы, развалившейся от жары на куски. Почти невидимый среди пара и теней Шарнас стоял по колено в дымящейся воде шахты, подняв в руке фонарь и простерев разум в мерцающую тьму, ища какого-то ответа на его безмолвный призыв.

Там не было ничего.

— Так что теперь делать? — спросил Маккой с заметным джорджианским акцентом — признак того, как глубоко расстроил его визит на эту планету. В его голубых глазах тлел опасный огонек едва сдерживаемой беспомощной ярости человека, который стал свидетелем чудовищного зла и не мог ничего с ним поделать.

— Вы собираетесь просто прыгнуть в "Наутилус" и унести в закат в поисках еще какой-нибудь планеты, которая поможет в вашем чертовом мятеже?

— Вы имеете в виду, еще какой-нибудь планеты, к которой мы можем привести Маккеннон? — В скрипучем голосе Ариоса хрустнула горечь, когда он отнял от головы руки и встретил взгляд Маккоя — и именно доктор смущенно отвел глаза.

Кирк оглядел стол. Все они выглядели так, словно прошли десяток миль по плохой дороге — даже невозмутимый мистер Спок, который провел последние три дня, попеременно сопоставляя информацию о вспышке на солнце и помогая Ариосу с мистером Скоттом (под соответствующим присмотром стражи) в дальнейшем ремонте двигателей "Наутилуса". Даже Скотт, единственный, кто не был на планете и в любом случае был слишком прагматичен, чтобы беспокоиться о проблемах будущего, тем не менее был глубоко взволнован.

Но хуже всего, подумал Кирк, выглядит Лао. Он был занят на компьютеризированной реконструкции всего, что имело отношение к планете Йондри, складывая воедино последние записи Ухуры из каналов связи и всякие несвязные обрывки информации, которые получила из файлов исторической секции Джильден. Работа затягивалась до поздней ночи, иногда и на всю ночь, как будто работа была лекарством, изгоняющим из мыслей замешательство и отчаяние.

Кирк это понимал. Он и сам проводил ночи без сна — жертва мечтаний об иных эрах, иных будущих, иных прошлых.

Он изучал лица вокруг стола в зале совещаний: гневный Маккой, Чейпл, спрятавшая нос в ладони, словно она не могла вынести на видео зрелище того, что лично видела на планете. Лао с темными кругами вокруг глаз и морщинами, что шли от крыльев носа к подбородку, словно он постарел за ночь. Ушедшие в себя Ракша с Купером, Тэд, который выглядел привычно озабоченным, подозрительная и настороженная Адайя...

Но они в любом случае говорили бы то, что велел им сказать Ариос. Программирование, о котором говорил Купер, обычно работало в обе стороны.

Кирк сказал: — Если эта Маккеннон, о которой вы говорите, существует на самом деле. Если это Консилиум... — Ракша подняла голову, в глазах полыхнул гнев.

— Я достаточно сделала...

Ариос приподнял руку. — Нет, это законный вопрос, — сказал он. — Это...все равно связано с нами.

— Технология возможной инициации взрывов и вспышек на нестабильном солнце водородными торпедами высокого давления уже выдвигалась в научных журналах, бесстрастно вставил мистер Спок. — Вполне логично поинтересоваться, не существует ли она в реальности. Потенциально даже с помощью нынешней технологии можно создать систему установки ракет, чтобы направить такую торпеду в звезду Тау Лиры даже с дальнего края кометного пояса; потенциально можно рассчитать так, чтобы эта торпеда взорвалась через восемнадцать часов или восемнадцать дней после того, как она будет доставлена. И вам необязательно находиться поблизости от этой системы, когда звезда начнет

пульсировать.

Губы Ракши стали тоньше, а ноздри затрепетали, как у животного перед нападением, и Ариос положил руку ей на запястье.

— Теории заговоров существуют всегда, — сказал он ей. — Ты же знаешь. Большинство людей до сих пор не верит, что Консилиум сеет чуму на Кроносе, Кергосе и Ромуле, чтобы половина населения была имплантирована и находилась под контролем. Да я и сам думал, что такого просто быть не может, пока той ночью мы с тобой не взломали главный компьютер Консилиума и не нашли файлы.

Он снова обратился к Кирку. — И я знаю, что в падении общего уровня образования люди винят последствия чумы, развал образовательной системы или сам процесс клонирования — а совсем не тот факт, что около семидесяти процентов клоновых линий генетически запрограммированы быть подчиненными, потому что с подчиненными меньше сложностей с низкооплачиваемой работой. Из них получаются отличные работники. — Он улыбнулся через стол Тэду.

— Из нас и мятежники тоже отличные получаются, — сказал с застенчивой гордостью Тэд. — Ну то есть если кто-нибудь говорит нам, что делать.

Лао выпрямился и потрясенно и недоверчиво уставился на Тэда с Ариосом, но Ариос все еще наблюдал за Кирком.

— Думаю, от вас зависит, капитан, что теперь будет.

— А я думаю, что сейчас мы выясним, — сказал Фил Купер, — те вы, за кого себя выдаете...или же все это надувательство Консилиума, чтобы заставить нас рассказать вам, где прячется теневой Флот и почему яггхорт решил выйти из Звездного Флота и присоединиться к нам.

В зале совещаний на миг стало тихо. Три экрана треугольного вьюера потемнели. Кирк обнаружил, как трудно помнить, что из всего экипажа "Наутилуса" только присутствующие в этой комнате знают всю правду: о будущем, о Консилиуме, о последствиях, вытекающих из присутствия здесь этих оборванных и грязных изгоев. Вокруг весь корабль возвращался к нормальной работе, к разговорам в комнате отдыха после обеда, к бесконечным поискам приличного шоколада или рубашек, которые выдает синтезатор, к мелкой возне вокруг места на складе, что обострилась за последние полтора года. Сегодня была ночь большого состязания по боулингу между службой охраны и инженерным отделом; еще где-то на корабле собрались смотреть "Человека со шрамом". Люди старались принять решение насчет того, чем они будут заниматься, когда эта пятилетняя миссия закончится.

И этот вечный вопрос, подумал Кирк, что делать. Или что он мог сделать, чтобы изменить столь отдаленное будущее.

— Гм... — Адайя застенчиво подняла руку. Где-то она раздобыла лак для ногтей и украшенные драгоценностями гребни, чтобы укротить штормовые волны волос. Мастер, а почему бы нам...просто не остаться тут? В смысле, Консилиум тут еще даже не существует, и за нами они прийти не могут. Тут нет никаких криминальных записей о вас. У нас самый быстрый и точный звездолет во всей галактике и самый лучший спец по компьютерам. Мы могли бы сорвать большой куш и разбогатеть.

Маккой собрался было что-то сказать, но промолчал, глядя на Ариоса. Чейпл не подняла головы от рук. Спок тоже наблюдал за Ариосом, приподняв одну бровь — любопытно, подумал Кирк. Интересно, что скажет мастер. Энсин Лао сидел рядом с Тэдом, закрыв глаза, опершись лбом на кулаки, но напряженные плечи и выражение отвращения и горечи на его лице не позволяли Кирку обмануться и решить, что молодой человек отдыхает.

— Все эти разговоры о долге перед Теневым Флотом хороши, мастер, продолжала Адайя. — Но вы же знаете, мы не победим. В Теновом Флоте около сорока бункеров, пара грузовых самолетов и дай Бог если тысяча солдат, причем большинство из них прячется. Звездный Флот чуть не вернул вас обратно на Дельту Семь, а в следующий раз...

Темно-малахитовые губы дрогнули и она быстро перевела взгляд на свои руки. — Неужели нам и в самом деле нужно возвращаться?

— Существуют определенные правила, касающиеся темпоральных парадоксов, — мягко заметил Спок.

— Мы никому не скажем, — пообещала орионка, по-деревенски сделав детский клятвенный жест. — И даже если мы это сделаем... этому можно помешать...

Лао поднял голову с лихорадочным напряжением во взгляде.

— Знаешь, — прервал ее Ариос с легкой усмешкой, — для начала мне было бы очень неприятно видеть, какую темпоральную головоломку мы вызовем, поместив технологию двадцать шестого века в двадцать третий.

— Но это бы тогда не были штуки из двадцать шестого века, — заметил Тэд. Это были бы штуки из двадцать третьего века.

— И это могло бы предотвратить чуму, — добавила Адайя. — И уничтожить Консилиум, пока у него не появился шанс сформироваться.

— Могло бы, — согласился Ариос. — А заодно изменить исход некоторых сражений и раскрыть ряд планов всевозможных военных сил в галактике, которые возникнут в течение следующих тридцати лет. И тогда чумы бы не было, потому что большая часть населения Федерации и мира клингонов уже была бы уничтожена.

Кирк мог поклясться, что Адайя глянула на него с испугом человека, знающего, о чем речь (в темных глазах — память о еще не написанной истории), и сказала: — О. Гм...да. Это... — с таким выражением, что он внезапно ощутил себя чужаком.

— Во-вторых, — сказал Ариос, — помимо того, что в двадцать третьем веке находится всего один звездолет с псионным двигателем, в Теневом Флоте тоже только один звездолет с псионным двигателем.

— Если ты думаешь, это будет твоим преимуществом, когда до нас наконец доберется Звездный Флот, так я предлагаю тебе просмотреть главы насчет Звездного Флота в своем руководстве, — отметила Ракша, скривив рот.

— И в третьих, — сказал Ариос, сложив на груди тонкие, как у насекомого, руки, — Консилиум здесь. Маккеннон последовала за нами через аномалию Перекресток. Она уже уничтожила одну планету, да простит нас Господь. Мы добрались до этих мест, чтобы заставить ее загнать нас обратно, пока ей не пришло в голову, что это она может заняться делами, связанными с темпоральными парадоксами.

Он повернулся к Кирку. — Если это получит ваше одобрение, капитан, я бы хотел, чтобы "Энтерпрайз" сопровождал нас обратно, к краю туманности Перекресток. Думаю, корабль Маккеннон где-то обнаружится и пойдет за нами. Я покажу вам, как перенастроить ваши стандартные поля, чтобы она не смогла просто телепортироваться на ваше судно и сцапать нас, если она нас заметит, пока мы будем еще на борту. А на краю гравитационного колодца вокруг аномалии вы уведете "Энтерпрайз". Мы зайдем на цель из необычной плоскости и будем надеяться, что прицел их фазеров будет неточен из-за ионизированных облаков газовых полей, и нам хватит времени, чтобы совершить прыжок. Им придется пойти за нами.

Спок поднял бровь. — Вы проявляете потрясающую уверенность в структурной целостности вашего судна.

Ариос улыбнулся. — Я проявляю потрясающее понимание того факта, что прямо сейчас я ничего больше не могу сделать для структурной целостности "Наутилуса".

Спок, уступая, поднял вторую бровь.

— А что собирается делать Маккеннон, пока мы сопровождаем вас? — сухо спросил Кирк. — Сидеть и ждать? Если ваша точка зрения верна, капитан Ариос, она только что уничтожила цивилизацию из нескольких миллиардов невинных людей. Есть защита или нет, но что заставляет вас думать, что она будет колебаться при нападении на звездолет, вооружение которого на триста лет старше ее собственного?

Ариос опустил глаза на свои скрещенные руки. — Они не будут вас атаковать.

— Это удобный способ сказать, что мы их не увидим? Что у нас не будет доказательств их существования? Никаких доказательств, кроме ваших слов?

— Думаю, вы их увидите, — сказал Ариос с видом человека, который тщательно подбирает слова. — Полагаю, что причина, по которой они еще не показались, в том, что они не хотели рисковать сражением; не хотели рисковать и повредить вам. Вы их наверняка увидите, когда они начнут стрелять по нам, в ту минуту, когда мы очистим "Энтерпрайз".

— В ту минуту, когда вы освободитесь от нашего тягового луча? — надавил Кирк. — И сможете без помех идти куда пожелаете и делать что хотите? Если эти люди такие злодеи, как вы говорите — если они и вправду сотворили такое заразили планеты болезнями и генетически воздействовали на население, чтобы они легче поддавались ментальному контролю — то у меня возникают некоторые проблемы, когда я представляю, как они щадят врагов из уважения к четыремстам тридцати людям.

— Ну, вообще-то к четыремстам двадцати девяти, — ответил Ариос, не поднимая глаз. — Видите ли, капитан, тот человек, который положил начало Консилиуму, это один из вашего экипажа. И Консилиум это знает.

В потрясенной тишине, которая последовала за этой информацией, раздался звонок линии связи и в микрофоне возник голос лейтенанта Ухуры. — Капитан...ее голос дрожал. — В нашем секторе...появился...корабль. Без предупреждения, без...без показаний сенсоров, без следов от антиматерии, даже без гиперпространственного доплер-эффекта. Просто...здесь. Они вызывают нас на частоте Звездного Флота. Они говорят, что хотят поговорить с вами.

Глава 11.

— Капитан Кирк. — Женщина, которая через обзорный экран представилась как Домина Джермин Маккеннон, невысокая, хрупкого сложения, неправдоподобно привлекательная, протянула обе руки, сойдя с серебристого диска транспортатора. Не было никаких признаков того, что она принадлежит к Звездному Флоту, а носила она то, что, видимо, было гражданской одеждой двадцать шестого века: облегающее зеленое платье, тюльпаном собранное на уровне икр, а поверх — белый плащ из тонкого, как туман, шелка, что ниспадал с плеч подобно огромному облаку. Единственной драгоценностью были серьги крохотные розочки из розоватой слоновой кости — и больше никаких украшений, разве что связка зеленых и белых лент в форме букета цветов, что декорировала заколку, которая удерживала тяжелые медные волны ее волос.

— Спасибо, что разрешили подняться на борт.

Кирк взял ее за руки и его согрело желание защитить ее — не совсем то, что он привык чувствовать по отношению к женщине, у которой было достаточно власти, чтобы направлять на задания звездолеты. По крайней мере, последние пять лет. Но когда он попытался исследовать это ощущение, оно словно рассеялось, оставив лишь легчайший аромат в его сознании.

Маккеннон с улыбкой взглянула ему в глаза. — Я все же хотела поговорить с вами, и вы, как командир, знаете, как легко...плохие люди могут перехватить даже закодированное сообщение. Простите мою манию преследования. — Она с сожалением улыбнулась. — Ну что ж. Назовем это результатом общения с...с неразборчивыми в средствах врагами.

Ее духи были отзвуком чего-то, что он знал когда-то, а потом утратил: юности, возможно, которая прошла. Ему пришлось сосредоточиться, чтобы отогнать это.

— Вы имеете в виду Дилана Ариоса.

Легкая морщинка исказила дрогнувшие голубиные крылья ее бровей. — Он далеко не самый худший.

Кирк развернулся, смущенный ее близостью. Она была совершенно не похожа на то, чего уговаривал его ожидать Ариос, совершенно не похожа на женщину, которая приказала бы устроить резню на Тау Лиры III. Ее словно окружала нежность и почти возвышенная безмятежность. Мистер Спок и доктор Маккой рядом с ним коротко, официально поклонились. — Мой первый офицер мистер Спок; хирург корабля Леонард Маккой.

— Польщена. — Она сказала это довольно сдержанно, но улыбка излучала тепло. Кирк осознавал, что подобно Дилану Ариосу она, возможно, видела их всех в бортжурналах "Энтерпрайза", и что запись об этой миссии тоже занесена в бортжурнал на Мемори Альфа. Она видела также записи о позднейших миссиях, если позднейшие миссии были. Если они все выжили в следующие три месяца.

Она видела их старость.

Она знала, что имела в виду Адайя своим "О. Гм...да. Это..."

Эта мысль беспокоила; понимание того, что она знала, что случится с ним, с мистером Споком, с Маккоем...

...с тем членом экипажа, который позволит родиться Консилиуму.

Он отбросил эту мысль. Пока он вел ее по коридору к залу совещаний, он замечал повернутые к ним головы, большее, чем обычно, количество членов экипажа, у которых нашлась причина находиться в этой части корабля. Немногие из экипажа знали, что происходит, но каждый знал — что-то есть. Слух о корабле, который появился буквально без предупреждения, без двигательных колебаний на сенсорах, без отдаленного воздействия на ткани подпространства, молнией разлетелись среди экипажа, который все еще строил догадки об отсутствии электричества, о "Наутилусе", о судьбе Тау Лиры III.

Маккеннон оглядывалась вокруг с искренним интересом, улыбаясь в ответ на теплые приветствия тех, мимо кого они шли. — Честно говоря, — сказала она, когда Кирк остановился, пропуская ее вперед в дверь зала совещаний, — бывает, я спрашиваю себя, не является ли поддержка Ариосом этого Раскола чем-то вроде развлечения, способом вернуться к собственным амбициям в Консилиуме. Ибо при всем его очаровании он всегда был потрясающе амбициозен.

— Вот как? — Кирк придержал ей кресло, когда она садилась. Мы все можем остаться здесь и разбогатеть, предложила Адайя. И быть на триста лет впереди всех. Но возможно, амбиции Ариоса приняли иную форму.

— Он хорошо их прячет, — сказала она, улыбаясь ему. — Но вы наверняка заметили влияние, которым он обладает над своим экипажем — что, кстати, совсем не типично для Флота. Мастер высокого уровня — а именно таким он бы и стал, согласись он признать дисциплину — может контролировать не только действия, но и в значительной степени мысли своего навигатора и эмпата. А в какой-то степени и эмоции тоже. Наверняка тому несчастному подчиненному, которого он похитил, он полностью промыл мозги.

Она нахмурилась, в океанах зеленых глаз промелькнуло выражение боли. Допускаю, что за те два года, что прошли с тех пор, как он в злобе покинул Институт Консилиума, такими же средствами ему удалось завоевать огромное количество последователей среди настоящих диссидентов. Большинство из них имеют имплантаты; для него это было бы прискорбно просто. Ему нравится управлять, — сухо подытожила она. — И власть ему тоже нравится.

Маккой со Споком обменялись взглядами. Кирк знал, что они мысленно прокручивают все разговоры с мастером в поисках ключа. В поисках того, что поведало бы им, где можно найти правду. Из-под плаща Маккеннон вытащила кожаный футляр длиной с ладонь, который крепился к ее поясу. С изящной точностью перемещая пальцы, она вытащила белый пластиковый прибор, овальный и гладкий, и ноготком нажала одну из серых кнопочек. Она взглянула на центральный экран, состоящий из трех частей, и сделала еще одну подгонку.

— Думаю, вам лучше взглянуть на это.

Маккой поднял палец. — Но перед этим, — сказал он, — что за "методы", о которых вы толкуете, использует Ариос?

Маккеннон чуть нахмурилась, как женщина, подыскивающая наилучшее и наиболее понятное объяснение. Глядя в ее лицо, Маккой чувствовал желание защитить ее, потому что она напомнила ему о дочери, которую он не видел уже десять лет. Возможно, это из-за ее миниатюрной фигурки и хрупкости, подумал он. Хотя в глазах было что-то...

— Боунз... — произнес голос за его спиной.

И на какую-то секунду там появилась его жена.

Позже, когда он об этом думал, то не стал бы клясться, что и вправду ее видел, но сейчас он был уверен, что видит ее краешком глаза. И это узнавание поразило его в самое сердце. Души с нежным травяным запахом, насыщенно-алое платье, которое было на ней, когда они встретились впервые; от болезненного удара вины, сожаления и ожидания у него почти остановилось дыхание, когда он развернулся в кресле и...

...и конечно же, там никого не было.

Эта потеря была хуже узнавания.

— Или это, — сказала Маккеннон, вновь привлекая его внимание, он даже не вполне понял, как. Она обладала тем же качеством, что и Ариос — почти магическим обаянием. — Но пожалуйста... тут я полагаюсь на вас.

Насколько Маккой мог видеть, Домина не двигалась, не меняла выражения лица, даже звука не издала. Она просто сидела, сложив на груди руки, с серьезным и чуть печальным лицом. Но Маккой почувствовал, как его захлестнула волна полнейшего омерзения, крайнего отвращения, как будто эта женщина только что сделала грубое и непристойное замечание насчет его мужского достоинства или происхождения, или же как будто он только что видел, как она выискивала в немых волосах клопов и ела их. Непроизвольно у него промелькнула мысль: Господи, как такая грязь может сидеть тут и выглядеть так болезненно-сладко...

Но она не была грязной. Ее чистые волосы чуть пахли ванилью.

Он даже представить не мог, откуда взялось это ощущение и куда пропало.

— О господи, — тихо сказал он. Кирк глядел на нее с чем-то вроде благоговейного страха, а Спок (подняв бровь) — с выражением глубокой заинтересованности на лице.

Маккеннон рассмеялась — словно пригоршня колокольчиков зазвенела на вечернем ветерке. — Мы с подругами по комнате использовали это еще в Институте, чтобы не встречаться с мужчинами. Но только — только — если не хотели побыть в обществе этого мужчины снова... и если не были заинтересованы в ком-то из его друзей. Извините, доктор. Капитан. Простите меня.

— Весьма интересно, — сказал мистер Спок.

— Вы тоже восприняли это как отвращение? — заинтересованно спросила Маккеннон. — Медуллярные сигналы для вулканцев несколько отличаются, но вы ведь наполовину терранец, не так ли?

Спок согласно склонил голову. — Что я нашел весьма интересным, — сказал он, — так это выбор эмоций для демонстрации.

Ее зеленые глаза сверкнули. — Вы думаете, что, будучи женщиной, мне стоило заставить из обоих безумно в меня влюбиться? Это можно. — У нее чуть покраснели скулы. — Мне просто... неприятно это делать. — Она быстро развернулась, снова касаясь белого пластикового прибора. — Но я пришла сюда для того, чтобы продемонстрировать это.

На центральном экране зала совещаний появилось сероватое изображение "Наутилуса", силуэтом вырисовывающееся на фоне желтоватого зарева звезды Тау Лира.

— Мы были почти на пределе приема, — тихо сказала Маккеннон. — Слишком далеко, чтобы их остановить. Это наибольшее увеличение.

Полоса тускло-оранжевого цвета отметила открытые двери шлюзового ангара оттуда едва заметно, тихо и без огней выскользнуло что-то маленькое, с пятнами ржавчины, выкрашенное в черный цвет, похожее на металлическую плотвичку. Чуть погодя появилась грязно-желтая вспышка, и эта штука стрелой рванула вперед прямо в сердце этого ожидающего солнца. Почти тут же судно, открывшее огонь, развернулось и начало удаляться.

— Вы, должно быть, заметили их вскоре после этого. — Домина сложила на груди руки с ухоженными пальцами, и только бровь едва заметно подергивалась от боли. — У такого рода управляемых ракет есть преимущество — они не оставляют никаких следов в торпедных трубах. Мы знаем, что они напали и украли их. Наши собственные субсветовые

двигатели были сильно повреждены, когда мы проходили через аномалию Перекресток. Они оказались вне пределов досягаемости раньше, чем мы смогли даже начать преследование. Потом мы попытались запеленговать их снова, прочесывая весь сектор. Мы были в четырех-пяти парсеках отсюда, когда наши сенсоры зарегистрировали вас с "Наутилусом" на буксире. Они еще на борту?

Кирк переглянулся со Споком. Кирк кивнул. — Да.

— В тюрьме? — А затем: — Нет, вряд ли, правда? Если бы вы попытались посадить их в тюрьму, — продолжала она, перехватив насмешливый взгляд Кирка, у вас были бы... даже не знаю, какие проблемы.

Маккой собрался что-то сказать; незаметный жест Кирка подавил это замечание в самом начале.

— Они под домашним арестом.

На самом деле во время трехдневного путешествия к Тау Лиры экипаж "Наутилуса" под не слишком строгим присмотром разместился в анфиладе комнат на четвертой палубе, которые обычно оставлялись для посольских делегаций. По просьбе Ариоса и Кирка они держались поближе друг к другу, хотя Тэд и Адайя научились играть в боулинг под присмотром Ракши, которая проверяла, чтобы в будущем не произошло никаких темпоральных парадоксов. За время путешествия на Тау Лиры Три Кирк видел, как на лице Маккой появились новые морщины, когда тот понял, что случится с галактикой, которую он знает; видел, как гаснет горячий пыл Лао, когда тот погружался в лихорадочные занятия компьютерным анализом, работая ночами, словно для того, чтобы избежать сновидений, которые мог принести отдых.

Неделю назад он знал, что Лао будет одним из лучших офицеров следующего поколения Звездного Флота. Теперь он сомневался, что молодой человек хоть раз поднимется в воздух после того, как окончится эта миссия.

Бог знает, что он будет делать.

В худшие минуты Кирк задавал такой вопрос и себе, хотя в глубине души знал ответ. Он будет тем, кто он есть, и делать будет то, что может — а за пять лет этой миссии он обнаружил, что если ты и вправду готов, то что-то сделать можно всегда.

Иногда поздней ночью он встречал Дилана Ариоса, который наблюдал за звездами в холле десятой палубы; иногда видел мастера с Ракшей — они тихо сидели там рядом, держась за руки и отдыхая после работы над ремонтом "Наутилуса" — любовники, ставшие друзьями; два-три раза видел Чейпл и Шарнаса, которые беседовали друг с другом в полумраке — Кирк знал, что Чейпл тоже среди тех, кто последнее время почти не спит.

Маккеннон подалась вперед. — У них есть — или был когда-нибудь — доступ к корабельному компьютеру? К любому — к библиотечному входу, к пищевому селектору, к какому угодно?

— В их...тюрьме были размещены изолированные визикомы из библиотеки, — сказал Спок, — у которых нет связи с центральным компьютером.

Она как будто немного расслабилась и вздохнула. — Вам придется присматривать за ними, — сказала она. — Даже если вы уверены, что у них доступа нет, я бы настоятельно рекомендовала вам заново проверить каждую линию каждой операционной и информационной программ в ваших базах, в резервных копиях и провести очистку от вирусов по всей системе. Если хотите, мы можем в этом помочь. Они беспощадны, капитан Кирк, а Ариос и эта женщина, Ракша, еще и чрезвычайно умны. Вы были на "Наутилусе"? Вы или кто-то из вашего экипажа?

Спок не сказал ни слова. Руки были сложены на груди, пряча еще заметную искусственную кожу.

Кирк сказал: — Нет еще.

— Спустя пять дней? Вы же наверняка добыли у них коды транспортиции с помощью лиофана.

— Мой офицер по науке предупредил меня об аномальных энергетических импульсах

во вспомогательном корпусе судна, — вежливо ответил Кирк. — И сам Ариос говорил о минах-ловушках. Мы не решили, какие действия были бы наиболее безопасными, когда наши сенсоры зафиксировали солнечные вспышки. И тогда мы наложили на экипаж "Наутилуса" ограничения и вернулись к Тау Лиры с судном на буксире. Даже дай они нам все коды защиты транспортировки, на максимальной субсветовой скорости я бы не стал пытаться телепортироваться между судами.

— Понятно, — сказала Домина.

Кирк кивнул на центральный экран, где было изображение "Наутилуса", похожего на треугольную черную птицу на фоне солнца. Прорезь света, небольшая черная ракета, молча скользящая вперед, а затем пламя ее двигателя; ангарная палуба закрывается и машины "Наутилуса" начинают тускло светиться красным. Никаких следов огня в торпедных трубах. Вообще никаких доказательств.

Только слова Ариоса и его повторяющиеся предупреждения насчет прекрасной обаятельной женщины, которая сидела рядом с ним.

— Вы спускались на планету?

Маккеннон отрицательно покачала головой. Ее розовые губы чуть сжались, словно останавливая дрожь. — Мы не понимали, что они вооружены таким оружием, до тех пор, пока на наших сканерах не появились данные о вспышках, — сказала она. — У Теневого Флота есть только то, что они могут утащить с наших арсеналов и отобрать у торговых судов, на которые они нападают. Если бы мы знали, думаю, мы бы наверно, могли...не знаю. Пройгнорировать Первую Директиву. Предупредить их. Хоть что-то... — она сделала слабый, беспомощный жест рукой.

— А для чего им это понадобилось? — спросил Кирк.

Маккеннон покачала головой. — Не знаю! — вырвалось у нее; хрупкая рука сжалась в кулак от бессильной ярости. — Это самое ужасное! Это были совершенно безобидные люди, это можно было прочесть во всех отчетах. Простые, добрые...во многом примитивные, с невысоким уровнем развития техники. Они это как-то объяснили?

— Они сказали, что это сделали вы, — сказал Спок, взглянув на капитана. Лицо Маккеннон исказилось от страшного отвращения.

— Согласно Ариосу, — сказал Кирк, — тау лириане были сведущей в психологии расой, чьей помощью он пытался заручиться для мятежников.

— Тау лириане? — уставилась на него Маккеннон. — Эти...Как они себя называли? Йоны? — Она покачала головой, недоверчиво закрыв глаза. — Нет, капитан, — сказала она мягко. — Да, у йонов был определенный уровень психической связи, главным образом в языке, но они были...именно теми, кем казались. Наивная культура, которая изобрела радио, но никогда не доходила до бомб. Поверьте, в Институте есть сообщения обо всех психически активных культурах прошлого и настоящего в известной нам галактике. Мы всегда ищем дальнейших возможностей шлифовки нашего собственного обучения, нашей собственной техники. Мы бы никогда не допустили такой...такой небрежности.

Она провела рукой по лбу, рот скривился, словно она попробовала яд. — Могу только предположить, — после долгой паузы продолжала она, — что причиной послужило расположение самой Тау Лиры Три. Мы знали, конечно, что эта планета — пустыня. Наши записи указывали, что ее разрушили вспышки на солнце где-то в это время. Открыв способ совершить псионный прыжок сквозь аномалию Перекресток, Ариос, наверно, старался установить что-то вроде...безопасной базы в этом временном периоде. Или для изменников из Флота, или по каким-то своим причинам. У меня нет никаких тому доказательств, но, возможно, именно так он и думает.

— Это звучит так, словно вы его очень хорошо знаете, — сказал Кирк.

Она сжала челюсти, на миг затенив глаза темными ресницами. — Да, — мягко сказала она. — Я его знаю. — В том, как внезапно застыло ее лицо, когда она опустила глаза, глядя на руки, в решительном спокойствии в очертаниях губ был целый мир невысказанного прошлого и горького опыта.

На мгновение комнату пятном света на воде накрыло молчание.

Затем Маккеннон сказала: — Официально вы будете говорить с капитаном "Саваша", капитаном Риалом Варосом.

Кирк поднял бровь, но ромуланское имя никак не прокомментировал. Так значит, через двести лет ромулане будут входить в Федерацию?

Маккеннон продолжала: — Номинально за эту миссию — за доставку Дилана Ариоса и его экипажа в суд — отвечаю я, но вы будете иметь дело с капитаном Варосом и его людьми. Признаю, — добавила она с беглой улыбкой, — что хотела сначала...посмотреть, что тут творится. Меня (как и всех Мастеров Консилиума), сломить сложнее, чем капитана Флота или корабль. А насколько я — и Варос знали — к этому времени Ариос мог заполучить контроль над этим кораблем. И зная Ариоса, это вполне возможно. — В голос проник горький опыт.

— Да, — тактично сказал Кирк. — Конечно.

Домина заколебалась, изучая его лицо прекрасными зелеными глазами со следами тревоги. — Вы...удовлетворены нашими намерениями? — спросила она чуть погодя. — Я знаю Дилана Ариоса. Я знаю, он наверняка сказал вам что-нибудь такое, отчего вы можете не захотеть просто передать нам его и экипаж...это в его стиле. Что-нибудь, смешанное с достаточным количеством правды, чтобы вас это убедило. Да еще и предложил модифицировать защиту на вашем собственном корабле. Какие бы доказательства вам ни потребовались, я постараюсь предоставить их вам, сделав все, что смогу.

— Благодарю вас, — сказал Кирк. Интересно, имеет ли ее очаровательно успокаивающее обращение какое-то отношение к тому, что она не может просто телепортировать Ариоса и его экипаж с "Энтерпрайза" или свои войска сюда. Он встал. — Мистер Спок...на два слова. Прошу нас извинить, несколько минут, Домина Маккеннон.

— Капитан, — сказал мистер Спок строгим шепотом, пока они шли из зала совещаний к турболифту, — во время разговора вы произнесли просто пугающее количество неправды.

— Третья палуба, — сказал Кирк лифту, и по прорезям черного стекла скользнула полоска зеленого света. Заложив руки за спину, мистер Спок с интересом вошел за командиром в физическую лабораторию, в которой в данный момент находился только доктор Мейнут, погруженный в анализ цифровых записей вспышек на солнце Тау Лиры. Как и у Лао, у физика был вид человека, который не спал три дня, но в данном случае его поддерживала обычная маниакальная энергия: ему не давало заснуть любопытство, а не отчаяние. Когда капитан и первый офицер через всю лабораторию направились к хорошо защищенной комнатке с оборудованием, он даже не поднял глаз.

— Я допускаю, что технология подслушивания в последующих столетиях разовьется, — тихо сказал Кирк, — так что нам остается только надеяться, что защита вокруг этой комнаты достаточна. Я собираюсь попросить Домину Маккеннон остаться на "Энтерпрайзе" на обед в офицерской гостиной. А за это время я хочу, чтобы вы с капитаном Ариосом выбрались на прогулку в космос — в замаскированных спасательных костюмах, поскольку я также допускаю, что "Саваша" следит за переговорами корабля — вокруг "Наутилуса", и мне бы хотелось, чтобы вы взглянули на стены ангарной палубы и на сам двери ангара. В вашем отчет вы сказали, что там все заляпано лишайником и смолой, которая придавлена яггхортом. Такие ракеты тоже могли бы оставить следы, по крайней мере там, где волочились понизу. Если вы что-то найдете — царапины на полу, самодельные зажимы, скосы там, где открывались двери — я бы хотел, чтобы он это объяснил.

Спок склонил голову.

Вам придется идти без охраны, — сказал Кирк. — Двух путешественников не заметят, а больше — могут.

— Полагаю, что даже если капитан Ариос такой негодяй, каким изобразила его Домина Маккеннон, у него все же достаточно логики, чтобы понимать — он не может управлять "Наутилусом" сам. И что даже охраны из шести-семи человек будет недостаточно, стоит ему призвать на помощь яггхорта Немо.

Это было точное замечание со стороны Спока. Не говоря уж о том, подумал Кирк, что никто из офицеров охраны, которые сопровождали Спока со Скотти в их ремонтных поездках на "Наутилус", не знал о существовании яггхорта.

Кирк направился к двери.

— Капитан?

Он поднял бровь.

— Я часто пытался изучить действие подсознательных сигналов в человеческих мотивациях. Причиной вашего недоверия было то, что она выбрала в качестве демонстрации силы Мастеров Консилиума отвращение, а не более очевидную привлекательность?

Кирк криво улыбнулся. — Вы имеете в виду, что она не захотела заставить нас "безумно в нее влюбиться", потому что именно это она и пытается — очень мягко — проделать?

Не будь Спок вулканцем, он бы улыбнулся. — Примерно, — сказал он.

— Боюсь, ничего такого рационального, мистер Спок. Так что, возможно, я не прав. Но когда сталкиваешься с таким уровнем лжи — что с одной стороны, что с другой — я предпочитаю иметь некоторое количество полученных из первых рук эмпирических доказательств. А теперь Маккеннон связана собственными словами о том, как были сброшены ракеты...но я готов спорить на три хода в следующей нашей шахматной партии, что она не знает о положении дел на этом корабле. И еще я готов поспорить, что искусство перехвата изображений за триста лет тоже сильно уйдет вперед.

И он пошел обратно через лабораторию к турболифту, чтобы вернуться в зал совещаний к своей очаровательной рыжеволосой гостье.

— Пожалуй, он чуток маловат для корабля дальнего космоса. — Инженер Монтгомери Скотт помог мистеру Споку надеть перчатки, затянул поплотнее застёжки и вопросительно взглянул на Дилана Ариоса, который еще засовывал свое тонкое тело в темный спасательный костюм.

— На псионном звездолете не нужен большой экипаж, — отметил Мастер. — Это большой корабль, а для их нужд даже огромный. Никто не устает друг от друга за двухнедельную миссию от Земли до Ригеля и обратно, включая время перелета. Вам даже прачечная не понадобится. Просто заберите свое белье домой, и пусть его постирает мама.

Мистера Спока смех Скотта озадачил, но он ничего не спросил. Трое мужчин быстро действовали в комнатухе за вышкой управления ангарной палубы, настраивая большие шлемы и прикрепляя ранцы с реактивными двигателями на спины. Спок и раньше работал в открытом космосе, а кроме того, обладал физической силой вулканца; по затрудненным движениям Ариоса он понял, что у Мастера ее нет.

— Эти ранцы работают по принципу действия-противодействия, — объяснил он. Рукоять управления на передней панели, вы перемещаете ее в том направлении, в каком хотите двигаться. Резкий нажим — остановка, еще один нажим — старт, хотя сейчас я бы рекомендовал просто выброситься из дверей ангара в направлении "Наутилуса", чтобы уменьшить вспышки света, которые можно увидеть с "Саваши".

— Понятно, — сказал слабый голос Ариоса в микрофоне шлема. Скотт закрепил шлем Мастера и сквозь дымчатую лицевую пластину Спока, где можно было видеть лишь в одном направлении, Ариос стал всего лишь неясной фигурой гуманоида в смутной, не отражающей света черноте. — Мы пойдем к главному телепоратционному люку. Я смогу открыть его снаружи, к тому же в этой части корабля мы потеряем не слишком много атмосферы, пока будем закрывать его за собой.

Спок с Ариосом прошли последовательную проверку герметичности костюмов, а Скотт в это время взобрался на вышку управления, и люк за ним со вздохом закрылся. Чтобы уменьшить возможность темпорального парадокса, инженер очистил весь район, просто придумав подходящую работу в удаленных отсеках главного корпуса, и назначил туда всех, кто обычно находился в этой секции.

Спок обратился к визуальным сигналам, подав знак, что они готовы. Свет в отсеке

погас, осталось лишь легкое мерцание одной аварийной лампы у основания вышки. Когда они шли к громадному изгибу наружных дверей палубы, ряд янтарных сигналов над вышкой одни за другим начинали мигать красным, а затем красные огни стали гореть без перерывов; вскоре пол под их неуклюжими ногами мягко завибрировал. В темноте вереди, где смутно вырисовывалась громада дверей ангара, возникла темнота еще более полная, лишь присыпанная отдельными кристалликами света.

По логике вещей Спок понимал, что сделать шаг с мощного края ангарной палубы в космос не опаснее, чем шагнуть с кромки бассейна в воду. По правде говоря, даже менее опасно, потому что в воде иногда все же тонули. На некотором расстоянии от границы звезд в ночи висел "Наутилус", мрачно нависая над дымчатым заревом Перекрестка. Если у них все корабли так раскрашены, неудивительно, что мятежников называют Теневым Флотом.

По левому борту, чуть выше уровня "Энтерпрайза" расположился "Саваши", похожий на отделенную тарелку звездолета, только немного меньше, да еще металл был гладким, как стекло, без видимых соединений пластин и без окон — казалось, он слабо светится в отраженном мерцании звезд.

Их навигатор расположил его так, чтобы серийные номера, которые у него были, находились бы вне поля видимости "Энтерпрайза", записывающей аппаратуры и обзорной палубы. Он висел, как жемчужная луна, и это лоснящееся великолепие было полной противоположностью иссеченному временем черному старью, которое он преследовал.

Держась руками за металл дверей по обе стороны от себя — щель была не более четырех футов в поперечнике — Спок снова обратил внимание на "Наутилус", измеряя расстояние для того, что в вакууме было всего лишь одним стремительным прыжком (по земным меркам почти на милю через космос) по сравнению с непостижимыми просторами вечности.

Рассматривать бездонное (в буквальном смысле) пространство за краем ангарной палубы иначе, чем полностью безопасное в невесомости, было бы нелогично, так что Спок этого и не делал. Он знал, что упасть тут невозможно, и шагнул с этой кромки и начал падать с невозмутимостью истинного понимания. Он уцепился за край палубы как пловец, пробуя воду, ориентируясь на цель. Выражения лица Дилана Ариоса за туманным плексом затемненного шлема было, конечно, совсем не видно, но Спок отметил, что тот долго колеблется, прежде чем отправиться в пустоту.

— Я отдал всему экипажу на борту приказы обращаться к вам только со словами "Добрый день, Домина" и с замечаниями о погоде в этой части космоса. — заверял Кирк Маккеннон, которая обернулась к нему с удивленным видом, а затем рассмеялась, как восхищенная девчонка. Несколько групп молодых офицеров из всех сил делали вид, что они их не замечают, но Кирк понимал, что является средоточием внимания многих взглядов исподтишка. Маккеннон тоже должна была быть слепой, если не заметила их.

— А я даже не могу ответить "О, в мое время тут намного больше звезд", из-за страха сказать кому-то что-то такое, что изменит историю и заставит меня — и "Саваши" с капитаном Варосом — совсем исчезнуть.

— Ну, а поскольку вы не исчезли, я думаю, вы сказали то, что надо. — Кирк проводил ее к той части холла, которую обычно освобождали для гостей. А сейчас тут совсем никого не было; место для беседы с вогнутыми голубовато-серыми диванами Звездного Флота и низким столом оживляла серебристо-серая чаша, в которой находились некоторые, наиболее умиротворяющие обитатели секции ботаники. Когда Кирк усадил Маккеннон, к ним подошел старшина из этой смены и спросил, чего бы они хотели выпить.

— Газированной воды, — улыбнулась Маккеннон. Кирк попросил пива. На пищевых синтезаторах "Энтерпрайза" имелись обычные сложности с консистенцией таких вещей, но благодаря сомнительным починкам старшины Бруновски, качество пива в целом было весьма высоким.

— Еще один темпоральный парадокс, — комично вздохнула Домина. Ромуланского эля тут нет, правда? Наверно, мне даже не стоило спрашивать вас об этом, чтобы информация о

том, что ромуланы собираются вступить в Федерацию, не помешала произойти этому событию, или чтобы оно не прошло по-иному...

Она чуть пошевелилась на диване и Кирк снова, уже сильнее, ощутил побуждение защитить ее и это странное чувство ностальгии. Он задумался, как сильно она напоминает ему Рут, женщину, которую он любил в Академии.

И еще он был слегка раздосадован. Неужели она и вправду думает, что он настолько прост?

— Меня удивляет, что Ариос не попытался перепрограммировать ваш миксер, чтобы все таки его получить, — продолжала она, обворожительно улыбаясь старшине, который принес им напитки. — Наглости у него хватает. Он бы сказал, что это ради вашего же блага.

Она вздохнула и тряхнула головой. Кирк увидел, как из-за обеденного стола встал мистер Сулу и положил ладонь на руку старшины. Тут же последовали тихие вопросы и еще более тайные взгляды от Ухуры, Органы и Чехова, которые находились с ним, одетые в неслужебные костюмы разной степени неформальности а уж награда этого вечера определенно отправилась бы к потрясающе расшитой казачьей рубашке Чехова. Они все заметили, что привлекли внимание Кирка и тут же дружно занялись едой, словно дети, которые уловили, что за ними следят сквозь ветки.

Кирк мысленно закатил глаза. Весь "Энтерпрайз" был охвачен любопытством насчет экипажа черного звездолета с того самого момента, как он только появился, а последующие события только поощрили рост самых невероятных слухов, какие только Кирк когда-либо слышал.

Кирк ничего не опровергал. Даже после того, как Мейнута и Миллер рассказали о характеристиках систем перехвата, которые Ракша проложила в центральном компьютере, или старшина Пакстон описала, что обнаружили лабораторные записи медицинского сканирования Купера и Шарнаса. Пусть лучше случайная правда будет погребена под лавиной догадок.

Но он знал, что долго секрет не сохранить. Было слишком много подсказок, слишком много людей, которые работали на тем или иным аспектом или дилеммой черного судна. Мейнута и Миллеру было лично приказано не распространяться насчет невообразимо сложных системах, которые пробили защитные коды "Энтерпрайза", но у всех в отделе, занимающемся резервным компьютером на девятнадцатой палубе, были крэки, чтобы обойти замки и увидеть, какие возникли проблемы.

И это только вопрос времени — кто еще догадается, как догадался он сам, Лао, Спок. Им пришлось включить в этот круг и мистера Скотта, и хотя главному инженеру можно было доверять, но это тоже был всего лишь вопрос времени когда об этом придется рассказать кому-то еще. Пока кто-то не задаст вопрос, который он испытывал мучительное, непреодолимое желание задать: Что случится со мной в будущем?

Доведу ли я "Энтерпрайз" целым и невредимым? Не убьют ли меня — мой экипаж — моих друзей — через месяц или через год? Сколько я проживу и при каких обстоятельствах умру?

Человек, который положил начало Консилиуму, был на борту его судна.

Не удивительно, что Маккеннон на них не напала; не пытается забрать Ариоса силой, если есть хоть малейшая вероятность, что произойдет сражение. Даже если этот человек — этот неизвестный Х — выживет (а из того, что знал Кирк, это мог быть и какой-нибудь мелкий складской служащий), смерть друзей, разрушение оборудования легко могли повлиять на решение Х сделать...то, что в дальнейшем этот он или она сделал.

— Капитан, — мягкий голос Маккеннон вернул его в настоящее. Ее взгляд проследил за его взглядом — он наблюдал за компанией за столом, которая явно была занята очередной волной обсуждения, а старшина в это время направился к бару с выпивкой в поисках миксера для приготовления напитков.

— Вы знаете — и я знаю — что временных парадоксов нужно избегать любой ценой. — Она положила прохладную ручку на его запястье. — Насколько я знаю Ариоса, он

наверняка рассказал вам...нечто...о Консилиуме, нечто, что, как он думает, будет вашим будущим. А может, и что-то о...ком-нибудь...на борту вашего судна.

"Ага" — подумал Кирк. Он ничего не ответил. Зеленые глаза вглядывались в него, изучали его с отчаянной серьезностью, пытались заставить понять.

— Капитан, — мягко сказала она, — вы должны мне верить. Несмотря на то, что вам наговорил Ариос, Консилиум это вовсе не чудовищная тайная организация, которая захватила власть в Федерации. Мы — независимая исследовательская общественная корпорация, которая заключила контракт на содействие в навигации и управлении псионными звездолетами. Не будь Консилиума — а точнее, не будь исследовательской организации, от которой мы берем начало (ее называли "Звездное поле") — цивилизация Федерации — большинства районов исследованного космоса — была бы уничтожена чумой.

— Я понимаю, — сказал Кирк, задаваясь вопросом, была ли мольба на ее лице подлинной, по-настоящему ли он доверяет ей, или все это всего лишь исходит из ее снабженного имплантатами и усиленного мозга в виде серии субмедуллярных сигналов.

— Ариос не просил вас что-то сделать с кем-то из членов вашего экипажа? Или, возможно, проявил к кому-то на корабле некий особый интерес? Попытался побыть с ним наедине?

Кирк на мгновение замолк, думая о временных парадоксах.

Об Эдит Келер, которая шагнула с тротуара на улицу Нью-Йорка.

О человеке, который положил начало Консилиуму...

О пелене заливаемой дождем серой воды, на которой качалась примитивная электроника и круглые пузыри из сплавленного пластика. Об отцифрованных записях жутких призывов по радио, где в бессильном ужасе спрашивали, что происходит с их солнцем. О сгоревших телах в укрытии, погибших там, когда они пытались принести все сокровища своей культуры в безопасное место, до которого так и не добрались.

Оборудование Флота для контроля над разумом. Головизионные муки, которые могли мучительно убить человека полдюжины раз, а затем начать все сначала. Лишенная формы реальность, которая меняется по требованию Консилиума. И техника космического прыжка, который за минуты доставляет корабль с Земли к Барьеру.

Есть люди, которые не верят, что они заразили чумой Кронос, Кедрос и Ромул...

Он покачал головой. Ее глаза пытались прочесть выражение его глаз, пытались оценить возможность лжи.

— Капитан, — сказала она. — Из отчетов я знаю, что у вас есть опыт с темпоральными парадоксами. Я знаю — и вы знаете — что события состояются из слишком многих факторов и что волновой эффект можно изменить слишком многое...Даже мое присутствие здесь, ваше знание, то обстоятельство, что ваш экипаж рассуждает и задумывается об этом, может привести к бедствию, которое уничтожит галактическую цивилизацию. Я также знаю, — мягко добавила она, — что все это для вас нелегко.

Он избегал ее взгляда, словно она догадалась о неуверенности, нерешительности и мгновениях отчаяния.

— Сейчас у нас есть технология — о, простите, у нас будет технология выборочного удаления памяти. Чтобы убрать некоторые вещи, сделать так, словно их никогда не было. Чтобы удалить все воспоминания об Ариосе, обо всем, что он вам сказал — чтобы удалить все воспоминания о "Саваши" из вашего разума и из умов остальных членов экипажа, на которых это могло повлиять. Много времени это не займет, но это техника "один-на-один", и для нее нужно содействие и разрешение самого субъекта. Думаю, она может помочь и вам, и остальным на борту.

Боунз, тут же подумал Кирк, вспоминая ту разрушительную усталость, которая даже спустя несколько часов глубоко отпечаталась в лице его друга. Лао, сражавшегося с всепоглощающим ужасом отчаяния. И, по другим причинам, Миллера и Мейнута, Спока, (хотя он подозревал, что Споку можно было доверять в том, что он сохранит знания о будущем), Чейпл, Скотти.

Страшная нерешительность, постоянный жуткий вопрос — что он мог сделать, чтобы события, столь далекие от зоны его досягаемости, не произошли. А если Ариос лжет, если Маккеннон говорит правду, то предотвратить нужно события более страшные, чем чума. Все вернется на круги своя. Как будто ничего не было.

Если бы он мог быть уверен, что это единственное, во что Маккеннон, обученная Консилиумом, собирается вмешаться и изменить.

Глава 12.

— Энсин Лао!

Он развернулся, увидел, что это Чейпл, и быстро пошел к двери аптеки, но Чейпл в два шага пересекла комнату и взяла его за руку. Он вывернулся, как змея, готовая напасть, и на мгновение таким злым, полным ярости стало его лицо, что Чейпл его отпустила и сделала шаг назад, вдруг испугавшись, что он ее ударит.

Между ними пало молчание. Потом он отвернулся, вздрогнув и чуть подняв руку. — О господи, Крис...сестра...простите...простите меня. — Он снова посмотрел на нее, его рука почти дрожала, когда он протянул ее с извинениями, как будто мог схватить ее прощение, как нечто материальное.

— Все в порядке, — сказала Чейпл, продолжая смотреть ему в лицо.

Чейпл видела Лао три-четыре раза по дороге в лабораторию и обратно — она без сна и отдыха заканчивала там свой анализ возможных ядов, переданных в кровь Спока яггхортом — и поэтому знала, что Лао тоже не спит, как и она. Чаще всего он работал в центральном компьютере, соединяя обрывки информации с выжженной планеты на Тау Лиры III: на кораблях, идущих в космос, всегда ходили слухи, что кому-то удастся получить из пищевого синтезатора кофе в четыре раза крепче обычного, и сейчас, глядя на него, она им верила.

Он же хорошо держался, думала она, до этого спуска на планету сегодня утром. Неужели это было только утром? Если верить визуальным журналам, на планете он все сделал неплохо.

Но на совещании он сидел молча, с больным видом, словно то, что увидел в этом исходящем паром и исхлестанном ветрами аду, стало последней соломинкой, завершающим ужасом, который он смог вынести. Ему был всего двадцать один, подумала она, и он работал три дня подряд, чтобы не думать о том, каким будет будущее его мира, о котором теперь знал. Время от времени это возвращалось к нему.

— Ты спал хоть немного? — мягко спросила она. — Ты ушел сразу после совещания...

Он покачал головой. — Я не могу сейчас спать, — сказал он. — И я...я пришел сюда поискать...поискать недрокс. Мне нужно только закончить компьютерный анализ того, что мы нашли на планете...

— Займись этим завтра, — сказала Чейпл, но он только снова, еще сильнее, вздохнул, словно отмахнувшись от этой мысли. Она заметила, что он до сих пор был в форме, в черных брюках и золотистой рубашке с одиночной нашивкой энсина по обшлагам, хотя уже довольно давно началась вторая вахта. После совещания она сама вернулась в каюту и немного поспала, хотя сновидения были нелегкими ей не давали покоя обжигающий жар и вид тех скрюченных, мумифицированных тел, их судорожно сжатые руки, все еще держащиеся за высушенные, сплавленные надкрылья.

— Нет, со мной...со мной все будет хорошо. — Он собрался было уйти, но обернулся и вокруг темных глаз углубились морщины.

— Знаете, что сказал мне Тэд? — спросил он, и в голосе его похрустывал ужас и изнеможение. — Я его спросил...спросил, правда ли, что Консилиум сращивает гены, намеренно делая подчиненных такими, какие они есть? Его удивило, что мне пришлось спросить это. Он сказал, что они получают имплантаты еще детьми, пока швы на черепе не заросли — стимуляторы боли-удовольствия. Они лучше работают, они всем довольны...

Он тряхнул головой, как животное, которого изводят мухи.

— Теперь они на корабле, ведь так? — сказал он, стараясь успокоиться.

Чейпл кивнула. — Одна из них. Домина Маккеннон.

Он прижал кулак к губам, зажмурив глаза. Несмотря на изнеможение, которое его старило, он показался ей очень юным.

— Зиминг, — она подошла ближе, коснулась руки и на этот раз он хотя и взрогнул, но не оттолкнул ее. — Зиминг, ты устал. Говорю тебе — иди в каюту и немного поспи. Сейчас, — добавила она. — Я тебе что-нибудь выпишу, цилланосилен...

— Нет, — торопливо сказал он. — Нет, все нормально. Я...я пойду в каюту, продолжил он. — Вы правы. Мне и вправду нужен отдых.

Он развернулся и побрел к двери. Чейпл чуть постояла, сомневаясь, но затем вошла в кабинет с лекарствами и проверила белые цифры на контейнере с недроксом. Мерцающая информация в окне совпадала с содержанием, которое было вчера, но Чейпл вспомнила, что Лао был спецом-комьютерщиком, который, вполне вероятно, может изменить показания. Обычно он был скрупулезно честен, но она понимала, что в данный момент он мыслит не слишком ясно. Она набрала свой пароль и подсчитала капсулы с этим мощным стимулятором вручную.

Количество совпадало. Он ни одной не взял.

Направляясь к собственной каюте, она вспомнила все, что рассказал ей Лао о старшем брате, Квиксе. Неудивительно, что он защищал Тэда, придя в ярость, что ему причинят боль. Именно это знание, а также все, что он увидел на руинах планеты, и нахлынуло на него в конце совещания, отчего он бросился из комнаты в молчаливом отчаянии.

Она попыталась выбросить это из головы, загружая последнюю информацию об измерениях в невральных имплантатах Купера, Шарнаса и Ариоса. Заращение вырезанных участков было крайне незначительно, но оно явно было — если верить Ариосу, имплантаты восстанавливались сами примерно каждые два-три месяца, когда как. "И от чего это зависит?" — спросил Маккой. На мгновение Ариос смутился, но потом покачал головой.

Интересно, каково это, с дрожью подумала она, зная, что они находятся внутри тебя, неумолимо разрастаясь. Концы имплантатов соединяются, и ты начинаешь слышать голоса Мастеров — мягкий, убедительный голос Джермин Маккеннон — который шепчет в твоей голове?

И все же...

Она снова вывела информацию, изучая ее подробнее, а потом затребовала запись своего разговора с Ариосом на эту тему.

Получила она лишь АЛЫЙ ЗАЩИТНЫЙ КОД.

Этот разговор — как и все остальное, связанное с будущим, которое описал экипаж "Наутилуса" — был заблокирован.

Это не имеет значения, подумала Чейпл; она сама делала запись. И насколько она помнила, Ариос сказал, что имплантаты у Шарнаса были вырезаны пять-шесть недель назад, а у Купера — почти восемь.

В ее голове замаячила теория. Положив записи в закрытый ящик стола, она направилась в посольские апартаменты на пятой палубе.

Когда она туда добралась, в апартаментах было тихо, причем настолько (обычно из-за добродушных препирательств экипажа мятежников тут было оживленно) — что на миг, проходя в наружную дверь, Чейпл спросила себя, уж не сбежал ли экипаж снова. Но чуть погодя она услышала из спальни голос Адаи, которая сказала: — Попробуй следующий канал, — и подойдя к дверному проему, увидела, что они столпились у выведенной из строя панели линии связи на стене, а Ракша стояла на коленях в кровати и слушала коммуникатор — считалось, что ни у кого из них его нет — подсоединенный к панели связи с помощью мотка проволоки.

— Что-нибудь поймали? — вежливо спросила Чейпл, и глаза клингонки блеснули, отчасти подозрительно, отчасти насмешливо.

— Всего лишь обычные слухи. — Она отсоединила провода и машинально сунула

коммуникатор в карман куртки, а потом запихала болтающийся кабель обратно в панель связи и закрыла крышку. За годы дружбы с Ухурой Чейпл узнала, что там намного больше проводов, чем нужно, а это значит, что клингонка стащила инструменты (или соорудила сама), чтобы позаимствовать проводку с других стен.

— Если верить старшине Деноу из офицерской кают-компания, ваш капитан и Домина все еще пьют содовую и болтают. Велите ему присматривать за ней, Чейпл. У нее есть кристаллы яда, который похож по вкусу на материнское молоко.

— Полагаю, — тихо сказала Чейпл, — она говорит капитану Кирку то же самое об Ариосе. Возможно, им понадобится этот коммуникатор, — добавила она, протянув руку.

— Они забрали Мастера, — сказал Тэд, подходя к ней с мольбой во взгляде. Если то, о чем рассказал Купер, правда, взволнованно подумала она, неудивительно, что бедный мальчик всегда выглядит таким напуганным; неудивительно, что сообщение в транспортаторной четыре дня назад о том, что они находятся на корабле Звездного Флота, повергло его чуть ли не в панику.

Чуулак, сказала Адайя. Публичное наказание с целью устрашения остальных. Бог знает, что они с ним сделали бы.

— Мистер Спок и офицер охраны пришли сюда двадцать минут назад и тут же забрали его с собой, — коротко сообщила Ракша. — Похоже, он думал, что все в порядке. По крайней мере, велел нам оставаться тут...

Чейпл задумалась о том, что весьма похоже, будто экипаж "Наутилуса" остался здесь не потому, что снаружи, в коридоре, была охрана, а потому, что так велел им их мастер. — А Шарнас может с ним мысленно связаться? — спросила она. — Хотя бы для того, чтобы увидеть, что с ним все в порядке? Потому что вы наверняка убедитесь, что это так. — Помимо прочего, подумала она, ей приходится оберегать этот экипаж от тревоги, особенно с тех пор, как Ракша очень ясно продемонстрировала, что может вклиниться в систему связи корабля, и это, вероятно, значит, что она также может отсюда проникнуть и в компьютер.

— Если Домина на корабле, нет, — сказа Купер, устраиваясь на краешке кровати рядом с Ракшей. — Мы не знаем, что рассказал ей ваш капитан. Она может уловить зов, сигнал; если Шарнас попытается найти мастера, она это почувствует.

— А может она заметить простое вслушивание? — спросила Чейпл. — Если вы прислушаетесь к нему?

— Если он у Домины, — сказал Фил, — возможно, он не может напрячь разум.

— Но Домина до сих пор в кают-компания с капитаном.

— Она была там десять минут назад, — заметила Ракша.

Чейпл вошла в гостиную, изучая светящееся табло на стене рядом с неповрежденной панелью линии связи. Немного неуверенно — она нечасто пользовалась этим номером — она набрала 5-24.

— Деноу слушает. — Это был старшина, который работал за стойкой этим вечером.

— Нейл, она еще там? — Чейпл понизила голос до конспиративного шепота. Что они там делают?

Усмешка в его голосе была почти осязаема. — С того места, где я стою, я бы сказал, что она держит его за руку, а он вещает ей о своих деньках в Академии. Ты что-нибудь знаешь о том, кто она, Крис?

Яд, похожий по вкусу на материнское молоко.

— Я никогда не видел такого судна, но если у нее и есть транслятор, то его мне тоже не видно.

— Только то, что сказал мне Маккой на совещании, — солгала Чейпл. Какая-то особо важная персона... Но если ты что-нибудь обнаружишь... Она не просила у тебя каких-нибудь экзотических напитков, а?

— Газировки. — Любитель пива, Деноу сказал это почти с отвращением. — Миллер заканчивает прогонять через компьютер анализ всех возможностей.

— Дай знать, если он что-то найдет.

Она отключилась и повернулась к Ракше. Шарнас уже полулежал в постели, закрыв глаза, дыша неглубоко и медленно, а лицо было спокойно, словно он уже спал.

— Вы были недалеко от истины, когда сказали, что она поведаст о мастере то же самое, что он говорит о Маккеннон...и Консилиуме. — Клингонка сложила руки на груди, ее лицо помрачнело. — Информация — и клевета — это игра Мастеров. Возможно, как раз когда мы тут разговариваем, она убедила его в том, что йоны вдруг открыли космические полеты и фазеры, два года назад впали в смертоубийственную ярость и поэтому уничтожат Федерацию, если их не остановить.

Видя, как у Чейпл сжались челюсти, Купер сказал: — Слышали бы вы, что они говорят об органианцах — что они...

Позади него Шарнас прошептал: — Немо...

— Я знаю, что он был одним из старинных крейсеров конституционного класса задолго до открытия псионного прыжка. — В длинных трубах складских коридоров на двадцать третьей палубе зловеще заскрежетало эхо от голоса Ариоса. — Вы можете судить по двигателям. Бог знает, откуда он у них — на нем много лет таскали руду, и по металлоконструкциям можно сказать, что кое-где он черт знает как поврежден. Но кто бы им не владел, когда Консилиум заполучил патенты на псионные прыжки, ему пришлось заплатить за переоборудование двигателей и взять заем, чтобы на борту появился эмпат Консилиума. Думаю, это случилось до того, как Консилиум взвинтил цены, вытеснив все небольшие компании и завладев всем рынком космического фрахта.

Мистер Спок подумал, что лифтовую трубу не использовали даже тогда, судя по количеству *vescens zicreedens*, выросших на стенах и дверях коридоров. Они взобрались по переходам, которые были похожи на перешептывающиеся ловушки с мертвым воздухом и непонятными звуками. Небольшой люк рядом с транспортатором, по-видимому, открывался закодированным сигнальным шифром, который набирали на вдавленной панели люка — Мастер направился прямо к ручному управлению, чтобы они вошли.

— Я и Фил сбежали из Академии на корабле, который назывался "Антилопа", но когда вернулись, чтобы забрать Шарнаса, мы уже разваливались на кусочки, гравитации не было, и в двадцати местах вытекал воздух. Тут, в тарелке воздух есть, но вот что там за запахи, гарантировать не могу.

Спок поднял бровь. С костюмов, оставленных ими в машинном отделении по соседству с давно заброшенным транспортатором, они забрали лампы, крепящиеся к голове. В их хилом свете он заметил ржавчину, пятна и лишайники на осклизлом металле под ногами. Кое-где под зарослями плесени он видел металл стен, потемневший от огня или светлеющий заплатами; в некоторых местах внутренности корабля были почти уничтожены. Сражение? спрашивал он себя. Войны, последовавшие за чумой?

— Теоретически, конечно, возможно, что запах в тарелке будет хуже, чем на складах внизу, — задумчиво сказал Спок. — Но если это так, хотел бы я посмотреть, что это.

Ариос рассмеялся, выдохнув струйку пара в свете огней. Спок знал, что одной-двумя палубами выше находилась жаркая, наполненная паром территория яггхорта; а здесь, внизу сломанные обогреватели едва действовали. В каком-то смысле это удачно, поскольку холод скрадывал запахи разнообразных грибков, низкий уровень кислорода и жуткую аммиачную вонь паразитов; Спок был рад, что надел под форму тонкий обогревательный костюм. Он видел, что Мастер дрожит. А из своих собственных исследований корабля он знал, что на тарелке еще холоднее.

— Кажется, для яггхортов нет никакой разницы, большие у них корабли или маленькие, — продолжил Ариос чуть погодя. — Для них это их гнездо, их скорлупа...их жилище. Я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе...

... если бы мне не снились дурные сны, — мягко закончил Спок. Он вдруг задумался, были ли у Немо, ментально связанного с Шарнасом, такие же ночные кошмары.

Из мрака внизу до него доносился звук, очень слабый шум от неуклюжего царапанья. Он повернул голову, вглядываясь в бесконечную тьму нескольких пролетов палуб. Большую

часть тусклого мерцания лампы поглощала его собственная тень. Но у него было, однако, неясное ощущение, что в темноте внизу невесомо движется нечто огромное и темное, помогая себе рудиментарными крыльями: сгибались безволосые лапы тарантула, покачивались щупальца, липко блестело тело, когти и зубы.

Логически он понимал, что Немо ему не опасен. Ариос не мог управлять "Наутилусом" сам, даже если бы то, что рассказывает Маккеннон, было правдой для него убить Спока или дать его убить Немо было бы вершиной глупости. Спок вспомнил собственное спокойствие, с которым он шагнул с края ангарной палубы в бездонную бесконечность, зная, что не упадет, ибо тут нет гравитации. Вспомнил свое легкое нетерпение при виде весьма очевидного — и совершенно нелогичного страха Ариоса. Он постарался подавить боль в сломанных ребрах и выброс адреналина, который ощутил при звуках снизу — и испытал легкий приступ человеческого раздражения, подумав, сколько еще ему потребуется это делать.

— Немо, — бормотал Шарнас. Длинные ресницы отбросили полумесяцы теней на скулы, когда он судорожно, как во сне, повернул голову. — Он...они...темнота. Шаги. Проход на корме. — Он сделал глубокий вдох и выдох. — Яйцо.

— Они на "Наутилусе", — сказал Купер, нахмурясь. Он взглянул на Кристину, садясь на другой край кровати Шарнаса, рядом с которой собрались Тэд и Адайя. Только Ракша осталась на месте, на другой кровати, рядом с линией связи; ее руки были сложены так, чтобы скрыть выражение рта.

Купер объяснил: — Лифты намертво застряли уже бог знает сколько лет. И большинство переходов тоже не пройти до конца. Им пришлось направиться к Огороженной Зоне — это первоначальное обиталище ягтхорта, под двигателями куда-то туда.

— Какого черта он делает на "Наутилусе"? — спросила Адайя.

— С ним Спок, — сказал эмпат чуть погодя. — Немо...ощущает его разум. Между косыми бровями возникла тревожная морщина, и он снова замолк.

— Может, Спок оставил там отвертку, когда чинил двигатель? — радостно предположил Тэд.

— Я могу увидеть послание, которое мастер передаст на корабль, даже если Домина здесь, — сказал Купер, — но...

— Нет, — мягко сказала Кристина, — они, должно быть, что-то там ищут.

— Голоса, — вдруг сказал Шарнас. — Немо...принимает...из темноты. — Он вздрогнул, лицо передернулось от внезапной боли. — Я не могу...Я чувствую...Это голоса из шахты. Голоса из шахты. Я их слышу...

Ракша с Купером озадаченно переглянулись; Чейпл вся похолодела. Она подалась вперед, не желая касаться Шарнаса, не желая прервать его транс, но сердце у нее в груди вдруг забилося сильнее.

— Какие голоса? — спросила она как можно мягче. — Голоса мертвецов?

— Голоса... — Слова вырывались из него как хриплое дыхание; руки начали дрожать. — Я их слышу. Немо...впитывает их. Мысленно находит их, забирает их себе. Голоса, похожие на те, что я слышал в шахте. Йонов.

Он вдруг резко вздохнул, лицо исказилось от боли и ужаса; руки шарили вокруг и она взяла их в свои. Они были холодны как лед.

Это невозможно, думала она, невозможно — но однако снова видела его стоящим по колено в грязной воде в глубине шахты Рига, когда вокруг нее лежали скрученные смертью тела. И слышала в микрофоне шлема его безнадежный шепот: Я слышу их голоса. Голоса мертвецов.

— Это йоны зовут. — Его голос был тонок и напряжен — таким же он был, когда в бреду он выкрикнул имя матери. — Медиумы, ученые, учителя. Они живы. Они в ловушке. Они зывают о помощи.

Из тьмы ангарной палубы "Энтерпрайза" черная бесконечность космоса, присыпанная переливчатой россыпью звезд, казалась очень яркой. В густоте ночи развернулась плеть

зловещего света, отбрасывая неясную тень, которая смутным иероглифом тянулась по бледному бетону пола. Кристина Чейпл заметила, как из темной вышки управления вышли две маленькие, неуклюжие от внезапного обретения гравитации фигурки людей, затемняя самый нижний угол этой щели.

По росту и по тому, как он стоял, она узнала Спока.

Она подумала, что узнает его повсюду.

Мистер Скотт, находившийся рядом с ней, набрал на приборной доске код. Дракониный глаз щели дверей ангара закрылся, отрезая видение космоса.

Зажглись прозаические предупреждающие огни, затем они замигали, когда начался кислородный цикл. В этом пульсирующем зареве Чейпл увидела, как Спок с Ариосом неуклюже шагнули под защиту галереи под вышкой, а за безликими, черными сферами шлемов верблужьими горбами еще покачивались ранцы. Когда они добрались до двери, свет уже стал янтарным. Скотт щелчком включил рабочее освещение, когда цикл закончился, и Чейпл спустилась за ним по ажурным металлическим перекладинам лестницы.

— Ну и как, нашли, что хотели?

— Именно так, мистер Скотт. — Спок опустил неуклюжий головной убор, и появилась его собственная голова, аккуратная, черноволосая и выглядевшая несколько мелкозато на фоне серого металла плечевого кольца. Он увидел Чейпл и приветствовал ее вежливым кивком. — Сестра Чейпл.

Он лишь однажды назвал ее Кристиной — однажды, когда почувствовал, что должен извиниться и объяснить. Конечно, он почти никогда не называл по имени и капитана, хотя за эти годы они сблизились настолько, насколько это допускалось среди вулканцев. Это ему просто было не свойственно. Это не входило в понятие "истинный вулканец".

Она сказала: — Мистер Спок, когда у вас появится время, я бы хотела поговорить с вами об одном важном деле. И с капитаном Ариосом тоже.

Спок чуть приподнял бровь, но только спросил Скотта: — Вы не в курсе, домина Маккеннон еще на борту?

— Прошел слух, что капитан только что проводил ее в транспортатор.

По ту сторону открытой цементной площадки в четверть акра скользнула в сторону, открываясь, дверь. Спок со Скоттом резко обернулись; у старшины Вольфмана был приказ не пускать в ангар никого. Чейпл разрешили использовать только линию связи с доктором Макком.

Капитан Кирк шел по серому покрытию, как охотящийся лев, в каждом движении плеч и головы — нетерпеливая энергия. Чейпл узнала эти симптомы. Как и бедный Лао, это был человек, который на свой лад сражался с тем, что знает. Скотт, помогавший Ариосу с неудобными застежками перчаток, собрался было уйти; Кирк сделал ему знак остаться.

— Что вы нашли?

— Двери ангарной палубы "Наутилуса" были полностью заблокированы ржавчиной и лишайником, — сообщил офицер по науке. — Сама палуба была покрыта слоем смолы в несколько сантиметров, плесенью и грибом. Все складские замки и рамы тоже густо покрыты лишайником и не использовались по меньшей мере тридцать восемь стандартных лет.

Ариос пожал плечами. — В Институте на меня всегда ругались за то, что в моей комнате беспорядок.

Кирк на миг застыл. Затем ненадолго закрыл глаза и резко выдохнул. Наконец, — мягко сказал он. — Наконец-то хоть какое-то доказательство того, кто лжет, а кто говорит правду.

Он показал небольшое устройство из белого пластика. — Значит, это фальшивка. — Он протянул это Ариосу. — Это запись "Наутилуса", который выпускает управляемые ракеты с водородными торпедами через шлюзовую палубу, чтобы открыть огонь по звезде Тау Лиры. Компьютеры не могут определить никаких подделок.

— Ха! — Мистер Скотт скривился от отвращения. — А эта милашка не скупится на

подробности.

— Вы собираетесь послать еще одну группу проверить двери завтра? — Ариос угрем вывернулся из плотно прилегающего костюма, стирая пот с волос. — Потому что я готов поставить дилитий против зеленого яблока, что тогда они будут открыты.

— Я бы на это не поставил даже зеленого яблока, — сухо сказал Кирк. — В двадцать один час я должен отправиться на борт "Саваши", чтобы поговорить с капитаном Варосом. Если у них есть оружие, способное уничтожить всю жизнь на планете, только богу ведомо, что еще они могут сделать. И вопрос в том, как мы можем отправить "Наутилус" к Перекрестку и назад в ваше время так, чтобы "Саваши" не открыл огонь.

Скотт улыбнулся. — Ну, капитан, если я проведу минут десять наедине с его двигателями...

— Капитан, — сказала Чейпл. — Есть еще одна проблема. Шарнас говорит, что Немо уловил ментальную передачу, которая похожа на то, что Шарнас ощутил в шахте на Тау Лире. Он вполне уверен, что кто-то из них выжил.

Деятнадцать часов десять минут. А телепортация на "Саваши" назначена на 21.00. Капитан Кирк вздохнул и потер глаза, усталый до мозга костей.

— Нам нужно будет психическое усиление, чтобы получить достаточно сильную связь с Немо отсюда, — говорил Ариос, обхватив руками поднятые колени. В неярком свете посольских апартаментов, сидя на полу между Ракшей и Филом, он выглядел очень чужим — казалось, у него суставы там, где у человека их нет, а от пота, до сих пор покрывавшего его зеленые волосы, те липли к странной формы голове. ДНК рембегильца было скомбинировано с достаточным количеством человеческого, чтобы перенести стресс от эмпатических имплантатов, сказал как-то Купер. Истинные рембегильцы умерли при первом же мысленном контакте с яггхортом. Интересно, подумал Кирк, что еще "независимая исследовательская общественная корпорация" сделала с ними.

— Как ионы могли попасть в западню на такой глубине, что пережили это пекло? — Чейпл, которая стояла рядом с Кирком на пороге спальни, подалась к нему и мягко, тише Ариоса проговорила: — Я там была. Я пробежала сканером трикодера весь район. Более глубокие тоннели были целиком затоплены.

— Может, они заперты в самом верхнем конце залитой водой галереи, в воздушном кармане, — ответил Кирк, поежившись про себя при мысли о том, на что это, должно быть, похоже в таком месте после пяти дней. — Я не геолог, но даже я знаю, что высокая концентрация определенных металлов может повлиять на показания трикодера. Надо бы мне проверить, какая там, в шахте, руда, для уверенности. К тому же там были сильные ионные помехи.

Сейчас его интересовало, как доставить спасательную группу на планету и на "Наутилус" незаметно. Как объяснить Домине подобную задержку.

— ...О, черт, — говорил Ариос. — Психический Индекс Ермакова не действует из-за антиматерии. Нам понадобится кто-нибудь с седьмым уровнем или выше по шкале Гхи'хара.

— Мистер Спок, — сказал Шарнас, чуть склонив голову. — Я понимаю, что это очень серьезно — просить вас войти в слияние с яггхортом. Даже с вашей помощью этого может не хватить, чтобы контакт с теми, кто находится в ловушке на планете, был четким. Но у нас нет выбора. Мы должны забрать их оттуда.

— Я понимаю, — мягко сказал Спок, занимая место за столиком рядом с Шарнасом и Ариосом, пока Купер приглушал освещение.

Установилась тишина, их дыхание углубилось, как будто они заснули. Однажды Спок вздрогнул; пальцы Ариоса напряглись, чтобы он не разорвал хватку. Кирк задрожал, вспоминая видео, которое видел, мрачную жуткую тварь, высвеченную огнем, которая разрывала людей на кусочки так же легко, как садовник выдергивал мертвые побеги винограда. Она чуть не убила Спока, возникнув из вязкой темноты "Наутилуса" — этот безмозглый молчаливый охотник.

И эта тварь с качающейся головой и дергающейся, как у насекомого, походкой, прогуливалась по коридорам разума Спока.

Кирк снова глянул на хронометр. 19 часов 21 минута. Вскоре ему придется уйти, чтобы подготовиться к официальному приему на корабле Консилиума. Двадцать минут, если ничего до этого не случится, сказал он себе. В первые годы их путешествия Спок учил его технике расслабления, медитации, учил ограждать себя от эмоциональной вовлеченности в события, убирать гнев, боль или печаль из сознания.

Он много раз использовал это. И подозревал, что сейчас это тоже ему понадобится.

Кто-то на судне был ответственен за Консилиум.

Он задумался о последствиях этих событий, об этой личности, этом Х, спрашивая себя, был ли этот Х одним из тех, чью жизнь он спас за эти последние пять лет — последние несколько месяцев — и не он ли сам отвечает за Тэда, за адский водоворот жара, воды и смерти на планете внизу.

Просто уничтожить или убрать человека, ответственного за Консилиум — это могло обречь на смерть от чумы миллиарды, как сказала Маккеннон — и кстати, Маккеннон с Ариосом оба уклонялись от ответа на вопрос, кто именно отвечает за это. Да и сам Кирк слишком хорошо знал, что идея "давайте убьем его мать и он никогда не родится" в учении о темпоральных парадоксах была до нелепости упрощенной и крайне опасной — одна из тех идей, которые могли прийти в голову только тем, кто не имел никакого представления о человеческих взаимоотношениях, экономике и социальном взаимодействии.

Так что, возможно, он не мог сделать ничего, чтобы предотвратить чуму, чтобы предотвратить каскад событий, что сложатся в цепь, которая однажды скует Федерацию. Но все же кое-что он сделать мог, кое-что, достаточно удаленное от центра событий, чтобы не повлиять на остановку чумы — помочь этим мятежникам, которые родятся много столетий спустя после его собственной смерти.

— Сестра Чейпл, — тихо сказал Кирк, и по его кивку она вышла с ним в коридор.

— Если они не войдут в контакт с выжившими йонами, прежде чем мне придется отправиться на борт "Саваши", сообщите мистеру Споку, что мой приказ таков предпринять все необходимые шаги, чтобы послать на планету спасательную группу. — Он говорил тихим голосом, чтобы его не услышал охранник, стоявший в нескольких метрах. — Велите ему сообщать информацию о том, что происходит, как можно меньшему количеству персонала, и только самое необходимое. Но велите ему забрать тех людей. Доставить сюда и спасти любой ценой.

— Есть, сэр. — Чейпл тоже взглянула на охранника и как будто хотела его спросить о чем-то, сказать что-то. Но, казалось, передумала и спросила лишь: А то судно может отследить наш телепортационный луч? Последовать за спасательной группой вниз?

— Если верить Ариосу, у них немногочисленный персонал, — сказал Кирк. Скажите Споку, чтобы он послал пять групп в разные районы, четыре из них будут приманкой. Скажите, чтобы он послал всех сотрудников службы безопасности, которых сочтет нужным.

— Я скажу ему, капитан. — Оба понимали, что эту информацию даже близко нельзя допускать к компьютеру.

— Когда мы заберем их с планеты, я проработаю детали того, что с ними делать и как отослать "Наутилус". Вероятно, нам придется спрятать их в каком-нибудь защищенном отсеке, чтобы их не смогли найти сканеры. Может, это будет...

— Где мы? — раздался отрывистый и задыхающийся голос Шарнаса из гостиной. Кирк быстро вошел в дверь и увидел, как тот опустил голову почти на стол, дрожа всем телом. — Где мы, дедушка? Что с нами случилось?

— Весь мир кричит. — Спок вдруг сосредоточенно нахмурил темные брови, они сошлись на переносице. Опять его рука шевельнулась, чтобы освободиться от этой связи, и опять Шарнас с Ариосом сжали пальцы плотнее. В неярком свете его лицо стало мертвенно-бледным от потрясения. — Синайда, красавица, жена моя! Литас... Телемарсос... Индипен... Дети мои... Возлюбленные...

— Мертвы, — прошептал Шарнас. — Мертвы, дедушка, они умерли...они кричали...Что случилось с нами?

— Скажите мне, где вы. — сказал Ариос, не открывая глаз, с лицом, покрытым потом. — Мы здесь, мы слушаем. Скажите нам, что вы чувствуете, что вы слышите, что обоняете. Мы найдем вас, если вы скажете нам. Что вокруг вас?

Спок задрожал сильнее; голова Шарнаса снова упала, и его лицо скрыли длинные волосы.

— Что вы видите? — снова спросил Ариос.

— Холод. — Голос Спока был глубок, словно у человека под сильнейшим гипнозом. Кирк и Чейпл обменялись изумленными взглядами. Даже в миле под поверхностью шахты были похожи на печи.

— Холодный...свет, — выдохнул Спок, как будто сражаясь за каждое слово. Холодные...стены. Холодный воздух, который пахнет металлом и химией. Ничего живого, никаких растений и деревьев. Жесткие голые стены, кровати. Сделанные из чего-то, что никогда не было живым.

— Здесь и другие, — пробормотал Шарнас. — Дедушка...Я чувствую крики их разумов. Часть фермеров тоже...Тетя Тсмиан, кузнец, и ее сын. Все в маленьких комнатухах. Они...слышат нас. Холодные твердые стены. Они слышали, как они умерли...Их семьи, их дети, выкрикивавшие их имена. — Он вдруг заговорил быстрее, запинаясь на словах. — Дедушка, я проснулась ночью и в моей комнате были эти существа, которые меня схватили. Один из них только дотронулся до моей руки и потом я ничего не помню. Я не могла сражаться...Я проснулась тут.

— Айриен. — Это слово вышло изо рта Спока смутным бормотанием и он тряхнул головой, как человек, пытающийся проснуться. — Айриен, дитя мое...

— Дедушка...

— Кто вы? — Спок попытался поднять голову. Черты лица пугающе переменились. Рот словно стал шире и разгладился; глаза, до сих пор закрытые, как будто стали больше, круглее; плечи опали. — Мне дали...наркотики. Нам всем дали наркотики. Этот разум...этот яггхорт, я чувствовал, он грезит о нас. Я был в саду, на балконе, и только собрался войти внутрь с Синайдой. А потом мне снился сон, сон о том, как она кричит, а я вижу ее смерть. Я знаю, она мертва, они все мертвы. А нас здесь...нас здесь сто пять человек. Почему мы, почему не моя Синайда, почему не все остальные? Айриен. Кто вы, кто слушает нас?

— Успокойтесь, — прошептал Ариос. — Успокойтесь. Мы придем и поможем вам, придем и заберем вас.

Ракша сказала что-то явно грубое на клингонском, а Купер пробормотал: — Я не верю. Эти лживые вонючки...

— Где они? — прошептала Чейпл. — Они не сказали...

— А им и не нужно, — Кирк почувствовал, как все его тело охватила волна ярости. У него тоже были воспоминания о пекле планеты.

— Тогда как вы собираетесь их искать? — спросил Тэд, озадаченно и потрясенно посмотрев на Кирка, а затем переводя взгляд с одного яростного лица на другое. — Если они где-то на планете...

— Их там нет, — мягко сказал Кирк. — Маккеннон направила кого-то на планету до того, как "Саваши" начал стрелять торпедами. Они не хотели, чтобы вы связались с йонами-учеными, но решили пойти дальше. Они сами похитили группу йонов.

Глава 13.

— Они и раньше это делали, — сказал Ариос. Он попытался повернуть голову, чтобы взглянуть на Кирка, который, сложив руки на груди, стоял около двери в корабельный кабинет врача; Маккой легонько стукнул его по затылку пинцетом и Ариос послушно

вернулся в прежнее положение. Его голова была довольно неудобно зажата в шинах операционного стола. Голос стал странно глух.

— Все кругом путешествуют с помощью околзвукowej сети — набираешь направление, щелкаешь выключателем и ты в Кливленде. Мест, которые не входят в сеть, просто не существует. За исключением тех огромных по протяженности территорий, где — официально — ничего нет. Я знаю, меня самого забрали с колонии рембегильцев, у которой не было никаких контактов с внешним миром, помимо тех, что позволял Консилиум. Как только они устроят йонов на планете, те, вероятно, даже не будут знать, что там же есть еще люди.

— И вы думаете, что можете найти их на "Саваши"?

— Думаю, да. — Тело Ариоса, раздетого до пояса и распростертого на лабораторном столе Маккой, приняло смугло-коричневый оттенок, как у индуса-дравидианца с юга. Коротко подстриженные и распрямленные корабельным парикмахером волосы стали черными — их длины хватало, чтобы скрыть шею, но в то же время они были достаточно коротки, чтобы демонстрировать чистую кожу около легкомысленных глаз.

Именно эту кожу Маккой сейчас и проверял, очень мягко подергивая ее щипцами по краям, чтобы испытать крепление искусственной кожи к металлу и шрамам.

— Мне придется уходить при помощи плана судна, а не каких-либо ментальных сигналов, хотя я могу сделать так, чтобы никто не заметил меня, мистера Скотта или Лао, когда мы отделимся от основной группы, — продолжал Ариос. — Шарнас недавно выжег мои имплантаты, так что Маккеннон не может меня засечь, пока я не подам ей сигнала, а этого, я обещаю, у меня и в мыслях нет. — Он вытянул пальцы на кожаной подкладке скамьи, как будто пожал плечами. — А если добрый доктор даст нам дозу далпомина и адреналазы, я снова выжгу имплантаты Фила, пока вы одеваетесь, просто чтобы быть уверенным...

— А вы справитесь? — в шоке спросил Кирк. — Думаю, ему бы вообще не стоило вставать на ноги.

— Это всего лишь несложная операция, — сказал Ариос. — И Фил бросился в бой через десять минут после того, как я удалил его имплантаты и без адреналазы, правда, Фил?

— Ага, — сказал Фил из угла кабинета, где он с восхищением рассматривал в зеркале весьма убедительные накладные усы. — И не хотел бы делать это снова.

— Неженка.

Купер усмехнулся. Его волосы осветлили до неопределенного песочно-коричневого цвета, чтобы они соответствовали усам, и в красной рубашке и черных брюках офицера безопасности, подумал Кирк, он почти ничем не выделяется.

Пока не приглядишься получше. Изучая историю, Кирк всегда интересовался старинными портретами, и неоднократно его поражала разница между лицами разных эпох. Лица семнадцатого столетия отличались от девятнадцатого, которые в свою очередь были не похожи на двадцатое — и ни у кого не было такого выражения, как в двадцать третьем. Разница была еле заметна, но реальна: иногда ее трудно было заметить иначе чем в сравнении, когда выявлялось какое-то странное сходство. Среди дюжины фотографий Нью-Орлеанских проституток девятнадцатого века, сделанных Беллоком, у одной девушки было лицо из двадцатого века; на фотографиях рок-музыканта двадцатого века был один, который выглядел так, будто родился не в 1940, а в 1640 году.

У Дилана Ариоса и Фила Купера были лица не из двадцать третьего века.

Или, может, это была настороженность, которая въелась в них, как дилитиумная пыль в складки кожи шахтера, как будто они всегда оглядываются через плечо — именно это наполнило его яростью против Консилиума, заставило сражаться с отчаянием. Заставило его пойти на риск, чтобы помочь в их деле.

Будущее, в котором глаза у всех были похожи на эти.

— Может, это и не понадобится, — сказал Маккой.

Кирк, Купер и Ариос уставились на него в полном изумлении.

— Я тут составил карту повторного роста ваших имплантатов и имплантатов Шарнаса. — Доктор вернул щипцы в ящик, продезинфицировал руки и указал на последние фотографии внутренних органов, которые лежали на конторке. — Сестра Чейпл обратила на них мое внимание около получаса назад: за четыре дня не было фактически никакого роста имплантатов. Вы сами сказали, что время повторного роста может быть разным. По моей теории, оно зависит от наличия некоторых элементов — железа, солей кальция и минералов — в крови, — которые могут использоваться микропроцессорами имплантатов для самовосстановления. А сейчас случилось так, что отравление родоном — которому вы все подверглись, когда ваша система охлаждения вышла из строя — подействовало так, что лишило вашу кровь этих элементов.

Ариос медленно выпрямился на столе; Купер положил руку, почти неосознанно защищаясь, на затылок.

— Вы имеете в виду, что если я нанюхаюсь родона, прежде чем пойду на этот корабль, со мной все будет в порядке?

— Я имею в виду, что если я дам вам большую дозу витамина Д-семь, — сказал Маккой, показывая серебряную трубку инъектора, — эти элементы в вашей крови останутся, но с имплантатами не свяжутся. Вы почувствуете усталость и может, у вас немного участится дыхание, пока ваше тело не освоится, но это все же лучше, чем шок от выжигания имплантатов из нервов.

— А нельзя ли как-то избежать перехода? — Чейпл вручила Ариосу красную рубашку и с тревогой взглянула на Купера. За последние четыре дня ее симпатия к ним всем сильно выросла.

— Маккеннон заподозрит, что что-то не так, — сказал Кирк. — Она думает, что эти люди у меня заперты на ключ. — Он взглянул на хронометр (не в первый раз за последние пятнадцать минут), в венах играл адреналин. — Я не могу дать ей ни единого повода думать, что это не так. У нас полчаса, и нам понадобится еще кто-то, кроме Ариоса, кто знает планировку звездолетов Федерации-Косилиума.

Маккой заворчал: — Шарнас слишком молод, и только богу известно, как мы разрушим имплантаты Тэда, а Маккеннон знает, что в Звездном Флоте нет ни одного клингона и чертовски мало орионцев.

— Это сейчас, — сказал Ариос задумчиво. Его глаза тоже были темными. При его резких чертах лица у него была внешность странного, непонятно какой касты индийца. — А знаете, первый офицер-клингон в Звездном Флоте служит на этом корабле... Не на этом "Энтерпрайзе", а на "Энтерпрайзе-Д"... А потом их было уже много.

Кирк снова ощутил то странное чувство, которое охватило его после слов Адаи "О... Это...". Понимание того, что он общается с людьми, для которых его будущее было прошлым.

— Из них тоже вышли... выходят... чертовски хорошие офицеры. Империя и Федерация — а также системы ромуланцев — были с состоянием почти полного мира, когда возникла чума, хотя не могу сказать, как это случилось — мы до сих пор не знаем. Если бы это было не так, полагаю, ромуланцы были бы целиком уничтожены. Их культура была весьма значительной.

Он оглянулся на Чейпл и спросил: — Если Фил вот-вот получит Д-семь и телепортируется с нами на "Саваши", может, ему стоило бы вколоть три-окса и адреналазы?

Чейпл взглянула на Маккоя, который кивнул. Когда дверь с шелестом закрылась за ней, мастер повернулся к Кирку. — Чума поражает центральную нервную систему, деформируя большинство нервных окончаний, особенно взаимодействие между инстинктивным и когнитивным центрами мозга. У большинства жертв это вызывало бешеную ярость, паранойю, они начинали беспорядочно убивать... жуткие сцены. Эндорфины слепого гнева хоть немного уменьшали боль. Был всплеск войн — потому что были заражены многие руководители — не говоря уж о действующих армиях — и никто ничего не знал. Когда Консилиум — только он тогда не так назывался — в конце концов направил медицинскую

помощь на Ромул, там мало что осталось, кроме дымящихся руин. Корабли до сих пор могут поймать Рем радиационными детекторами с другой стороны этого квадранта. Это было... черт бы побрал этот Консилиум.

Ариос сделал шаг в сторону, с интересом наблюдая, как Маккой приложил инъектор к руке Фила и тот выстрелил с мягким "пуфф".

— А как сделана эта штука? — спросил он, и добавил, когда Маккой поднял брови: — Хочу вам напомнить, что вот уже сто лет Институт Консилиума — единственное место, где учат медицине.

Маккой скривил рот в горькой гримасе; он подошел к терминалу в конце скамьи, набрал последовательность команд. Принтер мягко зажужжал, словно задумавшись над этим вопросом, а затем вытолкнул лист бледно-зеленого флимсипласта. — Проще не бывает.

— Хорошо бы, — отметил Ариос, — потому что нам придется готовить это прямо на кухне. Но видите ли, без технологии, которая делает имплантацию достаточно дешевой и доступной в широких масштабах — без наноклеточного интерфейса и имплантатов в псионных центрах мозга — они бы никогда не смогли распространять псионные низкочастотные альфа-волны, которые не позволяют людям бросаться с крыш или убивать всех, кого видят. Это было похоже на... покрывало из песка, брошенное на огонь. Как будто отвели огромную боль, которая сводила всех с ума.

— Но ценой исцеления, — мягко сказал Кирк, — стали имплантаты для всех.

— Да, для целого поколения, — сказал Ариос. — Потом нужда в этом отпала когда против чумы и ее последствий и вирусов были придуманы вакцины, и эта штука мутировала каждые два года в течение десятилетий — но к этому уже просто привыкли. К тому времени в целых популяциях проявлялись серьезные генетические нарушения. Половина населения и так была неполноценной и годилась лишь на подчиненных, задолго до того, как Консилиум начал кромсать ДНК людей, чтобы направить их по этому пути. Войны повсюду оставили после себя радиацию, к тому же от побочного эффекта прежних попыток лечения нарушения все увеличивались. Консилиум был единственным, у кого остался неповрежденное оборудование, чтобы начать клонирование из здорового генетического материала, который остался. Тэд — один из примерно двухсот "линий" на Земле. И до сих пор время от времени случаются генетические мутации, некоторые из них — просто устрашающие. Фил это не клон, — добавил он с усмешкой. — Поэтому у него вечные сложности с покупкой ботинок.

— Ты хочешь прокладывать путь обратно к Перекрестку с помощью астрологии или как? — съязвил Фил. У него снова появился нездоровый серый цвет лица и он несколько поспешно сел на хирургический стол.

— Кстати, о генетических сращениях, — добавил Ариос. — Как только мы прибудем на "Саваша", приглядывайте за охранниками. Мы с Лао сможем на короткое время отключить двери и гравитацию на корабле — надеюсь, его хватит, чтобы забрать йонов из тюрьмы и доставить в большой складской трюм, пока мистер Скотт разбирается с двигателями — но в итоге вам, возможно, придется сдерживать их. А где, кстати, Лао?

Пока он говорил, дверь с шипением открылась и вошла Кристина Чейпл, неся поднос с нужными инъекторами. Маккой тут же дал Куперу три-окса и навигатор "Наутилуса" немного восстановил цвет лица. Мистер Спок, который вошел вслед за Кристиной, сказал: — Я подготовил запуск и настройку автопилота, согласно информации мистера Купера, для грузового шаттла "Саваша"; Ракшанес и я также составили программу-вирус, которая должна сработать в компьютере "Саваша", если он не новее, чем те, что были, когда "Наутилус" вошел в Перекресток. Однако, энсин Лао не явился на совещание за инструкциями.

— Я видела его около часа назад, — сказала Кристина, подававшая Маккою адреналазу, и озадаченно оглянулась. — Он сказал, что идет к себе и попытается уснуть.

Сначала Кирк этому несколько удивился, но затем осознал, что с девяти часов утра — менее двадцати часов назад — они спустились в исходящую паром преисподнюю Тау Лиры III и видели все, что осталось от цивилизации йонов.

Неудивительно, что Лао истощен. А ведь он даже не знает, понял Кирк, что кто-то из йонов выжил. И что теперь был шанс помочь мятежникам.

— Он не ответил на вызов, — говорил Спок.

— Попробуйте снова, — сказал Кирк. — Может, он крепко заснул.

— Он плохо выглядел, — добавила Чейпл.

— Проинструктируйте его о задании; встречаемся во втором транспортаторе в 20.50. — Кирк бросил взгляд на хронометр. 20.36. Куда, черт побери, девается время? — Скажите ему, что потом он сможет поспать.

Как и все мы, подумал он, выходя из лазарета и направляясь по коридору к турболифту.

Через двадцать минут, подумал он, я телепортируюсь на "Саваши", чтобы разобраться с рыжеволосой женщиной, которая столь убедительно говорила о добре, что творит Консилиум.

Чтобы точно увидеть, что за люди будут — по крайней мере, какое-то время его приемниками.

Чтобы сделать все возможное, чтобы исправить положение, которое возникнет почти через триста лет, в будущем, следующее ответвление которого, он знал, ведет в никуда.

Надев форменный мундир, достав из футляров ленточки, которые символизировали полученные им медали, он ощутил странное разочарование, как ребенок, осознавший, что пиратские сокровища, которые он добыл, в конце концов оказались лишь камнями. Несмотря на то, что было сделано за это время, Федерации еще предстояли мрачные времена.

Яркие цветные ленточки были памятью: десять раненых, которых телепортировали на "Республику" живыми; клингонский корабль, взрывающийся бело-желтым заревом высоко над розово-янтарной поверхностью Талии III. Еще один клингонский корабль, уходящий в звезды и тьму, не выполнив задания.

Запах горящей изоляции и крови в пульсирующем свете выжженного мостика "Ван дер Веккена". Президент Каргита, пожимающий ему руку.

Эдит Келер, делающая шаг с тротуара...

Кусочки лент...

Он закрыл глаза.

И эта...эта невозможная, безумная миссия на "Саваши"...

Чирикнул дверной звонок. Касаясь кнопки, в дверях стоял Дилан Ариос (со смуглой кожей и темными глазами его было почти не узнать) в алой форме службы безопасности, которая была немного великовата ему в плечах. Зеленого цвета не было видно даже у корней бровей, и сами ресницы были окрашены темным. Он сказал: — Прежде чем начнется этот фейерверк, я хочу сказать вам спасибо. Спасибо, что поверили нам. У вас для этого, знаете ли, не было никаких причин.

Кирк вздохнул и расправил зеленый атлас формы. — Кто-то лгал об этих ракетах. И это были не вы.

— Да, — согласился Мастер. — Но я не знаю никого из капитанов Флота, который бы это проверил после просмотра тех доказательств, которые вручила вам Маккеннон. Особенно после того, как вас связали проводами от машины и засунули в чулан.

Кирк улыбнулся. — Придется мне переписать рекомендации по улучшению планировки судна и обучению, — сказал он. — От руки и на бумаге, чтобы Ракша их не вытащила из компьютера, пока никто не видит. — Он взглянул на ленты на бюро. — Хотя не уверен на сто процентов, что из этого что-нибудь получится.

Темные глаза взглянули на него, потом на ленты, так и не прикрепленные к рубашке. Он тихо сказал: — Я делал все, что мог, чтобы не говорить вам.

— И это было ради моего блага или чтобы держать нас в неведении относительно ваших возможностей?

Ариос усмехнулся: — И то, и другое, — сказал он. — Вы и вправду могли быть ловушкой Звездного Флота. Такое делалось и раньше.

Он нахмурился, прислонившись узкими плечами к дверному косяку. — А почему вы

планируете отправить йонов к "Наутилусу" на шаттле "Саваши", вместо того, чтобы попытаться попасть к транспортатору "Саваши"? Мы можем зашифровать входной код транспортатора "Наутилуса", чтобы компьютеры "Саваши" его не прочли.

— После того, как мы их спасем, йоны уйдут не на "Наутилусе" — если нам удастся их спасти. — Голос Кирка был очень тих. — У Спока есть программа автопилота с координатами небольшой планетарной системы — мистер Скотт называет ее Бригадун — внутри туманности Перекресток. Вы сами сказали, что в ваше время эта туманность остается изолированной, и они будут здесь в безопасности — от Консилиума, от чумы, от Звездного Флота — пока вы не свяжетесь с ними через двести восемьдесят лет, в вашем времени. К тому времени у них уже будет небольшая независимая колония.

— А. — Какое-то время Ариос молча изучал носки ботинок. — Это из-за опасений, что нас взорвут раньше, чем мы доберемся до нужной точки, или оттого, что вы нам все еще не доверяете?

— Я вам доверяю, — сказал Кирк. — Мы дадим вам координаты Бригадуна, перед тем как уничтожим их в компьютере, чтобы Маккеннон не смогла до них добраться, если случайно получит доступ к нашему корабельному журналу. Я просто хочу, чтобы йоны сами владели своими умами.

Несколько секунд Ариос молчал. Потом вытянул палец и дотронулся до ярких кусочков ленты в футлярах. — Именно этим и занимается Федерация, не так ли? — сказал он, внезапно смутившись. Не поднимая глаз, он продолжил: — Когда-то я мечтал, как завоюю такие же. Я могу назвать каждую победу, которую вы одержали — и те, что вы еще одержите. Знаете, я пошел в Звездный Флот из-за вас.

Кирк уставился на него. Было так странно слышать это от человека всего лет на шесть младше его, от человека, которому почти удалось завязать узлом его корабль и сбежать. На какое-то мгновение ему показалось, что он смотрит на себя самого, каким будет в какие-то невообразимо древние времена.

— Меня изучили, провели генную модификацию и более-менее подогнали под стандарты Консилиума, — сказал Ариос, — но именно то, что я читал о вас — об этой эпохе космических полетов, о Федерации — заставило меня добиться поступления на офицерское обучение, а не просто позволить соединить разум с яггхортом и стать таким, как они хотели. Вы...вы герой для тех, кто знает историю, — продолжал он. — Как Кук, Паттон, Ли. Я читал о вас — о путешествиях "Энтерпрайза", о других звездолетах — и думал Именно этого я хочу. Вот кем я хочу быть и что делать.

Он усмехнулся, с прежней горьковатой мягкостью. — Конечно, в ту минуту, когда я начал обучаться во Флоте, я осознал, что быть героем сейчас совсем невозможно. Что идти вперед и искать новые формы жизни, новые цивилизации — и приводить их к Федерации, приводить Федерацию к контакту с ними — этого все равно не происходит. А если и происходит, то их можно только пожалеть. Я даже не могу вам сказать... — Он тряхнул головой. — Я даже не могу привести вам пример, потому что этого еще не произошло, но...вы были вдохновителем. И читая о вас, о том, как все было тогда — и сейчас — я оглядывался вокруг, на Звездный Флот моего времени и думал Подожди-ка. Что-то здесь не так. Извините, если это прозвучало банально, — добавил он. — Я не хотел.

— Нет. — Кирк вспомнил собственных героев, собственных кумиров — Гордона, Айза, Пелуки, по чьим стопам он шел по мере сил. — Нет, иногда нам нужно на кого-то равняться.

— Я просто хотел вам сообщить, — сказал Ариос. — Вас знают. Вас помнят. И не только я, ваше имя известно всему Теневому Флоту. Знаете, мятеж начался в Звездном Флоте. Это до сих пор место, куда идут идеалисты, стремящиеся к звездам.

— То есть, если бы вы приняли совет Ракши и отключили жизнеобеспечение, когда могли, — спокойно сказал Кирк, — это вы не были бы тем, кто вы есть.

Тот немного смущенно усмехнулся и сказал: — Так вы это слышали?

— Спок сказал, — ответил Кирк.

— Все не так просто, — сказал Ариос. — Всегда непросто. Человек с вашего корабля

спас цивилизацию, спас бесчисленные миллиарды жизней, начав исследования, которые привели к "Звездному полю". И не вина "Звездного поля", что его наследовали беспринципные и жадные преемники. Оно было поглощено другими, теми, кто хотел контроля, власти — а эти другие были тогда единственными, у кого были возможности делать благо, которое само "Звездное поле" не могло себе позволить совершать. Может, и бывают случаи, когда вы можете убить одного человека или сказать ему, Эй, не делай этого, и изменить время к лучшему, но не в этот раз. Слишком много случайностей вовлечено, слишком много факторов. Слишком много добра вперемешку со злом. Именно поэтому я не скажу вам, кто это.

Кирк кивнул. — Потому что сейчас он не тот, кем будет, — мягко сказал он. И любая случайность может превратить его в другого человека, не в того, кто...кто спас все эти миллиарды жизней. — Он сложил руки на груди, изучая худого, непривлекательного человека в красной рубашке офицера безопасности, которая была ему великовата, и с фазером на поясе. — Вроде вас.

— Может быть, — сказал Ариос со смущенной усмешкой. — Если выживу. И все может обернуться иначе в любом случае.

— Вы мое прошлое, капитан, но я не обязательно ваше будущее. Существует тысяча возможных будущих, так говорил мой народ — рембегильцы, и если переменить траекторию всего лишь на градус, звездолет может изменить курс на тысячи миль и уничтожить мир или спасти его. Я могу только попытаться.

Кирк улыбнулся и подхватил ленты, прикалывая их к форме. — Так давайте попытаемся.

— Идиоты, — сказал доктор Маккой, глядя, как Фил Купер — усатый, светловолосый, взбодренный адреналазой — исчезает в двери, направляясь на встречу к транспотратору. — Все, как один. Сестра Чейпл, я знаю, ваша смена закончилась, но...

Она, улыбаясь, покачала головой. — О, бросьте, доктор, вы же не думаете, что я сейчас пойду спать.

Он криво усмехнулся в ответ. — Похоже, капитан думает, будто все это сработает, как часы, но нам лучше иметь под рукой адреналазу, антикейн и стандартные аварийные комплекты. Прошу вас, сделайте это, пока я получу запас Д-семь, чтобы телепортировать его на грузовой шаттл вместе с тем, что мы подняли с планеты. Черт, хотел бы я иметь время, чтобы хоть одним глазком на это взглянуть.

Чейпл направилась на аптечный склад, немного щурясь от усталости в ярком свете его огней. Казалось, с того времени, когда она говорила здесь с Лао, прошли дни — дни, переполненные тревогой. Целые недели — с сегодняшнего утра, начавшегося со спуска в выжженный ад, которым стала Тау Лиры III. Господи, пожалуйста, подумала она, пусть они заберут их с того корабля...

По центральной связи она услышала голос Махейз, которая говорила: — Энсин Лао, страшина Вольфман, Шимада, Ватанабе, Чавез, пожалуйста, явитесь ко второму транспортатору. Энсин Лао, страшина Вольфман, Шимада, Ватанабе, Чавез, пожалуйста, явитесь ко второму транспортатору...

И когда она повернулась к стене из пластиковых стеллажей с цифровыми окошками, Чейпл заметила трещину в одном из последних контейнеров справа. Трещину, которой, она была готова поклясться, этим утром тут еще не было.

Кто-то взломал крышку.

Чейпл подошла, нахмурившись, и проверила инфозапись.

Неврофилозин. Наркотик, тщательно учитывающийся и смертельный в больших дозах. Она дотронулась и включила регистратор; пятьдесят капсул вчера, пятьдесят в данный момент. Она быстро набрала свой код и вытащила контейнер из гнезда.

В нем не было пятидесяти капсул. Она вывалила их на большой стол и быстро пересчитала. Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...

Не хватало тридцати трех.

Тридцати трех!

— Энсин Лао, пожалуйста, явитесь ко второму транспортатору...

Чейпл прошептала: — О, боже мой. Ох, Зиминг... — Она свалила все оставшиеся капсулы в контейнер, снова вставила в стену, и осунувшееся лицо Лао, его дрожащие руки, его горькое отчаяние — все это нахлынуло на нее с ужасающей ясностью. Где он был сейчас? Они поднялись с планеты около 14.00; почти сразу началось совещание. Потом этот сияющий корабль, рыжеволосая женщина с ослепительной улыбкой — и Лао тут, в поисках чего-нибудь, чтобы заснуть, по его словам...

Даже тогда она знала, что он лжет.

Чейпл вышла из комнаты, быстрой походкой направляясь к комнате Лао, страшась того, что найдет там.

Совсем немногие на борту "Энтерпрайза" проявляли интерес к оборудованию прачечной и отдела утилизации на восьмой палубе.

Если спросить, большинство сказали бы, что там не на что особо смотреть: большая комната с рядом стиральных машин посередине и сложенными кучами красных и голубых рубашек, черных брюк и разнообразной одежды Звездного Флота. За ней комната еще больших размеров, полная грохочущей техники, с огромной квадратной трубой пищевого конвейера, которая выходила из громадных устройств инженерного отсека, пересекая потолок и вынуждая нырять или пригибаться каждый раз, когда идешь через центр комнаты.

Даже те, кто здесь работали — два старшины лейтенанта Дазри, Бруновски и Сингх — попросили энсина Миллера соорудить для них предупреждающие системы, которые сообщали бы им о подходе или приближении наблюдателей, чтобы они могли вернуться, или по крайней мере, ответить, из более приятных мест.

Работа тут была одной из наименее привлекательных на корабле. На Земле и большинстве основных планет Федерации на нее переводили тех, кто не справлялся с другими задачами.

Квикс работает в прачечной в одном из крупных районов Йемена, думал Лао, делая шаг из двери в тусклую пульсирующую пещеру отдела утилизации. Считалось, что ему там очень хорошо, ибо у него не было ни надежды на улучшение, ни квалификации для другой деятельности.

Неудивительно, с горечью думал Лао, что Консилиум продолжит создавать множество ему подобных.

Тьма, как рукой, сдавила его сердце.

— Команда для лазерного тенниса? Для какого-такого лазерного тенниса? возмутился далекий голос из заросшего деревьями помещения над ним, известного всему экипажу — за исключением мистера Спока — как "Центральный парк". На гравиевых дорожках хрустели звуки шагов; когда закрылась дверь, поверх едкой углеродно-водородной и кислородно-азотной смеси прошла волна запахов воды и травы. — "Энтерпрайзу" команда по лазерному теннису нужна, как мне запасной желчный пузырь. А вот если бы могли составить приличный бейсбольный клуб...

— Да брось ты, виртуальный бейсбол это все равно что виртуальный секс...

Энсин Лао беззвучно пересек комнату, мрачно размышляя, что настоящей причиной того, что люди избегали этого района было то, что они не хотели, чтобы им напоминали, из чего получается пища в пищевых автоматах. Но даже от этого его разум погрузился во мрак, в воспоминания, которые почти физической болью терзали его сердце. Люди никогда не хотели, чтобы им напоминали о том, что есть существа вроде Квикса, которые невидимками работают в подобных местах. А в будущем люди не захотят, чтобы им напоминали о существах вроде Тэда.

Старшины Бруновски не было. Лао прошел к огромной трубе пищевого конвейера, который шел по всей длине комнаты и убегал в стену, туда, где основной корпус крепился к массивному основанию судна. Чуть ниже, почти невидимая во тьме, которая была в этом конце помещения, находилась большая крышка панели, позволявшей производить ремонт.

С горькой улыбкой Лао откинул крышку и открыл люк, ползком пробираясь внутрь. Перед ним предстали джунгли проводов и кабелей, пучков оптоволокон, покрытых пластиком тросов энергетических линий. Снизу доносился легкий запах пыли, густой смазки и вонь от грязи с конвейера.

Над люком с приглушенным неясным шипением ожила корабельная связь. Голос лейтенанта Махейз произнес: — Энсин Лао, немедленно явитесь ко второму транспортатору. Энсин Лао, немедленно явитесь ко второму транспортатору.

Он знал, что ее голос раздается по всему кораблю.

Из кармашка на поясе, который он носил, он вытащил бледно-зеленую флимсипластовую схему, комплект кабелей с мостика, пробойник и режущий инструмент. Хотя в остальной комнате было темновато, здесь хватало света от нервных узлов, что соединяли главный корпус и инженерный отсек внизу. Похолодев, ощущая странное и непривычное восхищение и совершенно не чувствуя усталости, Лао начал сравнивать схему и проводку, находящуюся перед ним спинной мозг самого судна.

На его головой в мрачной тишине снова прозвучал голос Махейз: — Энсин Лао, немедленно явитесь ко второму транспортатору.

— Весьма любопытно. — Мистер Спок сложил коммуникатор и тут же прицепил его к поясу. — Это беспрецедентный случай в моем общении с ним, чтобы мистер Лао опоздал или же был без коммуникатора.

Кирк беспокойно перевел взгляд с часов на стене транспортатора на небольшую группу, собравшуюся у главного пульта. Мистер Кайл. Его помощник мистер Оба. Мистер Скотт, неотличимый от небольшой команды охраны, в которую также входили перекрашенные Дилан Ариос и Фил Купер.

— Так корабль обыскать недолго, капитан, — предложил Скотт, который, хотя уже имел опыт в работе с импульсными двигателями "Наутилуса", все же потратил последние несколько часов на изучение более стандартных схем технологии двадцать шестого века, которые дал ему Ариос. — Если Спок прав и это на него не похоже — опаздывать...

— Как раз нам-то и не стоит опаздывать, если мы хотим отвести подозрения, тихо сказал Кирк. — А я теперь знаю, как много времени занимает поиск кого-то на этом судне. — Он торопливо обдумал про себя компьютерных знатоков, которые были достаточно знакомы с программами Ракши, чтобы замена сработала: Ден Миллер занял место Скотта в машинном отделении, а лейтенант Мейнут был настолько физически неловок, что просить его принять участие в подобной миссии было равносильно убийству.

— Мистер Спок, мне придется просить вас присоединиться к нашей группе, — сказал он наконец. Спок наклонил голову и потянулся к небольшому пакету с оборудованием, в котором находился переделанный трикодер- его превратили в весьма эффективный сверхкомпактный автоматический передатчик архивированных сообщений и копировщик данных.

— Используйте первую возможность, которую сможете, чтобы обезвредить защиту транспортатора на корабле — возможно, нам придется спешно телепортироваться оттуда. Не глушите сенсоры до самого ухода грузового шаттла. Перед этим разрушьте импульсные двигатели "Саваши". Если возникнут сложности, встречаемся в машинном отделении; мы прикроем вас, как сможем. Если у вас это получится, вы должны просмотреть основные файлы "Саваши". Ракша переделала самые подходящие имена файлов так, чтобы они самоуничтожались. Ариос — вы уверены, что можете увести его и мистера Скотта от основной группы незамеченными? Уверены, что Маккеннон — единственный Мастер на корабле?

— Это стандартная процедура. — Ариос немного встревоженно наблюдал за Филом, но адреналаза, кажется, еще работала. В ответ на кивок Кайла мистер Оба снял красную рубашку и вручил ее мистеру Споку. Рукава были немного коротковаты, но пришлось оставить так. — Вам стоит остерегаться специалистов, но они все с имплантатами — и генетически изменены — чтобы быть податливее к психическим командам, поэтому если

повезет, я смогу при необходимости заставить их смотреть в другую сторону. Мне не нравится, что пропал Лао, хотя...

— Мне тоже. — Кирк направился к двери и набрал код связи, и чуть погодя раздался голос: — Мостик слушает. Это мистер Сулу. — Несмотря на поздний час, Кирк попросил рулевого остаться, полагая, что им может понадобиться высококлассная и быстрая навигация.

— Мистер Сулу, — сказал Кирк. — Мистер Спок сопровождает меня и мистера Скотта на "Саваша". Предупредите мистера ДеСолла, пусть начнет поиск энсина Лао по всему кораблю, а также удвоит наблюдение за экипажем "Наутилуса".

Купер начал протестовать и Ариос сделал ему знак замолчать.

— Вы за главного, мистер Сулу.

Он повернулся и кивнул на транспортатор: — Джентльмены...вперед.

Глава 14.

— Они ушли, — клингонка Ракша резко открыла глаза, положив руки на карты, которые тасовала и перемешивала уже полчаса. Она потянулась и дотронулась до провода, из которого при помощи отдельных разобранных частей линии связи соорудила самодельные наушники, что соединяли остатки коммуникатора и ее уши. — Схемы транспортатора сообщают, что телепортировалось девятéro, двумя группами. Первая очередь — четыре человека и вулканец; вторая очередь — три человека и один неопознанный субъект.

— А кто неопознанный? — спросил Тэд, отвлекаясь от голозаписи очень плохого вестерна. — И где мастер?

А на экране ковбои азиатского вида стреляли лазером в жутко глупых сигнианских болотников — существ, которые в фильме были почти двенадцатиметровыми, хотя на самом деле едва доходили человеку до колена. На заднем плане, за стояками ранчо и забора небо явно протыкал Гиндукуш. Болотники были в полном замешательстве.

— Мастер не опознан компьютером, потому что он еще не известен, — терпеливо ответила Ракша, раскладывая на столе круг пасьянса. — Рембегильцев даже не откроют до...

Она остановилась, снова поднеся руки к ушам, ее темные глаза вдруг стали колючими и помрачнели. Адайя стукнула по кнопке дистанционного управления, уменьшив звук, хотя Ракша могла разобрать оловянный голосок компьютера и сквозь худшие отвлечения, чем "Ужас Пекоса".

— Это странно.

— Ты говоришь о том, что сказал компьютер, или об этих болотниках? спросил Шарнас, который лежал на кушетке, наполовину находясь в бессловесной связи с Немо.

— Кто-то пробирается через мою защитную программу. — Ракша выпрямилась, прикрыв ухо. — Небольшая вспомогательная клавиатура...нижний уровень управления... — Она снова взяла коммуникатор и сказала: — Разузнайте и сообщите о любой деятельности на линии ПН 7995. Отследите источник активности и сообщите о его расположении.

Адайя тут же вскочила на ноги и вызвала панель бортжурнала, дотронувшись до кнопки сбоку и убирая игры — крестики-нолики и виселицу, которые заполняли экран.

— Это значит, что капитан Кирк разозлится? — спросил Тэд, но ему никто не ответил, да он этого на самом деле и не ожидал. Шарнас, выйдя из своего полу-транса, встал на ноги и перебрался к нему, выключая головид. Тэд вопросительно взглянул на вулканца, но Шарнас отрицательно покачал головой.

— Совсем-совсем нельзя...?

— Они установили программу, связанную с транспортатором, — сказала Ракша. — Черт бы побрал этот синтезатор, он пропускает половину сообщений каждый раз, когда проходит новая команда.

— И кто это? — спросил Тэд, но тихо. Он уже прерывал Ракшу прежде, когда она была занята, и знал, что так делать вновь не надо.

Шарнас пожал плечами. — Это не может быть мистер Спок, потому что он отправился на "Саваши", — сказал он. — По логике вещей это должен быть Миллер, Мейнут или Лао. Они единственные, кто изучали программу.

После минутного раздумья Тэд кивнул. — То есть это они подсоединились к транспортатору? — спросил он. — Но зачем?

— Похоже, — сказала Ракша чуть погодя, снова закрыв глаза и сосредоточившись на слабых голосах, говоривших у нее в ушах, — они устанавливают что-то вроде автоматического спускового механизма, который сработает при повторном запуске транспортатора. Иными словами, когда капитан телепортируется обратно, что-то случится.

— О, — сказал Тэд. Он нахмурился. — Что, например?

Первое, что отметил Джеймс Кирк, когда появился в транспортаторном отделении "Саваши" — что транспортаторный отсек отделен от остальной комнаты круглым прозрачным щитом, и что пульт техника находится с другой стороны.

Там же, с другой стороны, была и Домина Маккеннон, прекрасная, хрупкая, выглядевшая совсем юной к тому же, и хотя она убрала волосы наверх и надела траурно-черное платье, ей совсем не удалось стать строже. С нею был невысокий худощавый ромуланец, чья поза и взгляд выдали бы в нем капитана "Саваши", даже если бы на нем не было формы; женщина — Кирк не был уверен, ромуланка это или вулканка, но в ее темных глазах был странный отблеск безумия; и долговязый светловолосый тип, чьи нашивки были точно такими же (только более многочисленными), как и у десяти одинаковых здоровяков в черно-красной форме, которые выстроились у задней стены комнаты.

Их лица несли следы разнообразных испытаний; у одного был небольшой серповидный шрам на скуле, у другого — короткий шрам у левого глаза. Были небольшие отличия в длине волос, хотя предпочтение как будто отдавалось коротким стрижкам — и не только у охранников, но и ромуланского капитана. Одни явно проводили больше времени в спортзале, чем другие, хотя все были весьма мускулистыми. Но глаза у всех были одинаковые. Светло-коричневые, прищуренные от подозрений, заносчивости, злобы.

Серые глаза их светловолосого начальника тоже были такими же.

Интересно, подумал Кирк, сколько подобных этого человека находится во флоте.

Мерцающий экран беззвучно опустился на пол.

— Капитан Кирк. — Маккеннон улыбнулась и протянула руки. — Капитан Варос, с перехватчика Звездного Флота "Саваши". Начальник безопасности Эдвард Дейл Кареса, техник-навигатор.

Ромуланка склонила голову. Она выглядела почти нормально, пока не двигалась. Но сделав шаг вперед, она неосознанно сложила руки на груди, как жук-богомол, и ее покрытые шрамами ладони с огромными, изогнутыми когтями чуть вытянулись, жутковато напомнив Кирку записи, в которых он видел яггхортов, что пятились и шипели в огне. То, как она качала головой, то, как ссутулились ее плечи и спина — О Господи, сколько же она была связана разумом с яггхортом, своим партнером-эмпатом? Неужели такое происходит со всеми?

Его затошнило при мысли, что когда-нибудь — если доживет — Шарнас тоже будет двигаться и выглядеть также.

Она выглядела как человек лет шестидесяти, но учитывая продолжительность жизни вулканской расы, вероятно, была намного старше. Ее черные волосы, зачесанные и убранные в узел размером с два человеческих кулака, сильно поседели.

Она протянула руку.

Кирк, помня об инструкциях, которые ему дал Ариос, не представил ни мистера Спока, ни мистера Скотта. Никто, даже Маккеннон, которая встречалась с ними ранее и имела причины помнить Спока, казалось, не обратили на это внимания.

— Капитан Кирк. — Капитан Варос протянул руку. По человеческим меркам ему было около сорока, явно старше Спока, но опять-таки, о вулканцах наверняка сказать было трудно. — Встретить вас — это честь и привилегия.

— Сожалею только, что это случилось при таких неприятных обстоятельствах, сказала Маккеннон, приближаясь. Внезапно Кирк обнаружил, что ему очень трудно смотреть на ромуланку-эмпата, трудно даже помнить, что она тут, когда все они покинули транспортатор и вошли в изогнутый, узкий, вызывающий клаустрофобию коридор снаружи. Пол, стены и потолок были полностью покрыты чем-то вроде ткани, похожей на губчатый ковер. Хотя Кирк и менял походку, он не заметил, чтобы от этого как-то открывались странно узкие двери.

— Вы должны признать, — добавила Домина, заметив, что Кирк поднял брови, что главная цель вашего прибытия к нам состояла в том, чтобы увидеть, правду ли говорит Дилан Ариос. О, бросьте, капитан... — Ее смех вызвал в памяти воздушных змеев, пикники и летние дни. — Я все-таки достаточно разбираюсь в людях и знаю, что даже будучи пленником, он будет говорить вам о том, что Звездный Флот находится в руках Консилиума, который сделал из правительства Федерации лакеев. По крайней мере, такую историю я слышала в последний раз. Может, с тех пор, как у него появилась личная армия, он придумал новые доводы.

Капитан Варос сказал: — Уверяю вас, капитан, Звездный Флот подчиняется приказам только Совета Федерации и никого более, как всегда. — В чернично-черных глазах не было ни лжи, ни нервозности. Из немногих своих столкновений с ромуланцами Кирк знал, что их культура ценит честность превыше славы, жизни или каких-либо общественных почестей.

По крайней мере, так было почти за триста лет до рождения этого человека.

— Тогда что такое Теневой Флот? — спросил он.

Позади начальник безопасности Дейл фыркнул от смеха. — Кавалерия и парусники, — сказал он, а Кирк взглянул на Вароса, чтобы тот подтвердил это.

— В каком-то смысле да. — Капитан-ромуланец не улыбнулся, но в его глазах зажегся сардонический огонек. — В вашем мире, капитан, это капитаны клипперов, которые отказались установить на судах паровые машины; возчики в шахтах, которые отказались от скоростных вагонеток, потому что те были на атомной энергии. Вперемешку с кучкой тех (в обоих наших мирах), кто вырывали все электрические гнезда в домах, потому что верили, будто через электрические устройства их могут услышать власти. Имплантаты спинного мозга разработаны не для того, чтобы ограничить личную свободу или позволить Консилиуму завоевать всю галактику, понимаете? Гражданское население вообще их не имеет, за исключением определенных профессий. Это нужно, чтобы просто и четко увеличить эффективность корабля. Они позволяют нам путешествовать на невообразимые расстояния буквально в мгновение ока.

Кирк глянул в сторону, туда, где нервно крутила головой из стороны в сторону эмпат Кареса, все еще чуть подняв кулаки перед собой. В ее позе, походке не было совсем ничего человеческого. Он снова посмотрел на ромуланского капитана. Там, где шею Ариоса, Купера или Шарнаса прорывали борозды шрамов, была лишь гладкая кожа, на которой не было ни следа предательских повреждений от хирургических ран.

Боунзу он сказал бы, что они либо удалили все шрамы, либо провели обновление кожи. В любом случае операция произошла давным-давно.

— Если бы я шел в бой, — добавил начальник охраны Дейл, — и у меня был выбор — служить офицерам, у которых есть имплантаты (и которые могут связываться друг с другом и со своими эмпатами) — или офицерам, которые пытаются делать это через подпространство или системы связи, поверьте, я знаю, в какой команде я хотел бы сражаться.

Спок протестующе поднял бровь, но промолчал.

— Как я говорила вам за чашкой этой очаровательной минеральной воды на "Энтерпрайзе", — весело сказала Маккеннон, — у меня на борту лишь консультативные обязанности. Поскольку Дилан Ариос — Мастер-изменник и очевидно, использовал свои силы против вас; и потому, что Консилиум хочет, чтобы были получены определенные ответы на вопросы о методах самого мятежа.

Интересно, подумал Кирк, включает ли в себя "получение определенных ответов" кошмар мучений в голокамере — бесконечных и убийственно реальных которые описал Купер.

— Ну а сейчас пойдёмте, — продолжала она. — Правы мятежники или ошибаются тут мы ничего не можем поделать, но уверена, вы, как командир, заинтересуетесь мостиком...

Кирк последовал за ней. Чуть погодя он вспомнил, что надо посмотреть на свою группу и его потрясло, что он совсем забыл создать ситуацию, в которой Спок, Скотти и Ариос могут осторожно ускользнуть. Вообще-то он на целых двадцать минут вообще забыл, что они тут.

И конечно, они исчезли.

— Все это до сих пор работает на потоке материи-антиматерии. — Ариос ловко нанес завершающие штрихи, дотронувшись до связанных рук инженера, лежавшего без сознания, его рта и век, а мистер Скотт в это время любовно сдвинул крышку люка и рассматривал главный стержень преобразователя двигателей "Саваша". — В конце концов они решили проблему — как прикрепить запасные кристаллы дилития примерно за двадцать лет до того, как был усовершенствован псионный двигатель, но как вы видите, ворп-машины сейчас всего лишь вспомогательные, для аварийного применения. А это модулятор, который позволяет эмпату присоединиться к яггхорту на корабле для прыжка.

— Эй, — сказал мистер Скотт. — А ведь они теперь не могут вылезти прямо перед тобой в Аномалии, верно? Однако ж, — добавил он, встав на колени, чтобы изучить импульсный двигатель, пока Ариос укладывал инженера "Саваша" в неприметный закуток, — это такая красота, что тут просто грех орудовать. А не можем мы просто отключить его при помощи компьютера, мистер Спок?

— При существующей защите основных операционных программ, — ответил вулканец, вновь взглянув на экранчик трикодера и экран терминала машинного отделения, к которому он подключился, — я не стал бы пытаться это делать.

Он незаметно всунул одну из заранее подготовленных Ракшей плат в трикодер и набрал код; на экран хлынул услужливый поток цифр, показывая, что большой грузовой шаттл "Саваша" и в самом деле запрограммирован на автоматический запуск, отделение, полет и приземление на покрытом буйной растительностью и приветливом мире Бригадуна. Согласно экрану терминала в машинном отсеке, на главный компьютер корабля эта информация не прошла, и Спок довольно нерешительно набрал сигнал отключения, когда программа была завершена, на случай, если в компьютере "Саваша" был какой-то автоматический режим резервного копирования, как у большинства корабельных компьютеров.

Ариос закрыл глаза и вошел в легкий транс, вслушиваясь. Спок вставил плату, на которой находилась программа-вирус, сделанная Ракшей, и начал пробираться по лабиринтам охраны и защиты, чтобы сначала вывести из строя тяговые лучи, а затем снять щиты, с помощью которых лучи передачи материи можно вернуть назад. При этом он все время убежал компьютер — и всех, кто мог следить за этими действиями — что совершенно ничего не происходит. Эту программу Ракша описала как "тут-никого-только-мы-куры", хотя связь между установкой многуровневой добавочной директории и источником животного белка с малым количеством холестерина от него ускользала.

Пока что это был — даже без помех, статистическая вероятность которых увеличивалась в геометрической прогрессии каждые несколько минут — весьма интересный опыт.

Острый слух Спока уловил отдаленные шаги по губчатому полу коридора снаружи; в то же самое время Ариос открыл глаза и резко поднял голову. Он еще выглядел чуть рассеянным — таким же он был, когда они ускользнули от офицеров охраны; Маккеннон, поглощенная задачей очаровать капитана, даже не заметила, когда они замедлили шаг. Одинаковые, с каменными лицами охранники тоже; они как будто стали если не невидимыми, то по крайней мере, очень-очень незаметными.

Шаги в коридоре остановились. Голоса поздоровались — тщетная, ненужная форма социальных связей между людьми, которым нечего сказать друг другу — уж если человеку и вправду хотелось узнать, что там сегодня по головидению, можно было просто постучать по клавишам на рабочем месте — но им хотелось подтвердить, что сегодня они общались между собой. Очевидно, за двести семьдесят девять лет это не изменилось. В самом начале путешествия "Энтерпрайза" Спок спросил лейтенанта Ухуру насчет привычки "трепаться", но до сих пор не понял этого до конца. Неужели мистер Сулу или мистер Чехов, чьи жизни он спасал не раз, и вправду верят, что он, Спок, забыл об искренних взаимоотношениях между ними, если избегает говорить с ними каждый раз, когда они входят в контакт после отсутствия?

Спок встретился глазами с Ариосом, затем снова посмотрел на дверь. Окрашенные брови Мастера сошлись; затем глаза снова закрылись. Снаружи один из голосов сказал: — О черт!

— Что?

— Я же собирался встретиться с Кейном за кофе!

— О, — голос женщины прозвучал лишь чуть раздраженно. Почему, Спок не определил — ее же никто не обидел.

— Пойдешь?

Шаги удалились.

— Это обычно для вашего народа? — очень тихо спросил Спок, чьи глаза до сих пор следили за цифрами на трикодере. — Возможность отводить мысли?

— Думаю, да, — так же негромко сказал Ариос. — Я никогда не жил на Гилярене, понимаете? Цивилизация рембегильцев — какая вежливая фраза — не пережила контакта с Федерацией. Консилиум управлял нашей колонией более семидесяти пяти лет, как они намереваются управлять йонами — они управляли также изолированной колонией вулканцев. У нас — у рембегильцев — самый высокий псионный индекс, но как я уже говорил, те, кого они пытались сделать эмпатами, умерли во время первого же контакта с яггхортами. Я не совсем похож на настоящего рембегильца, но они растили меня до двенадцати или тринадцати лет.

Он взглянул на мистера Скотта, который был замечен лишь по лоскуту алой рубашки в проеме люка импульсного двигателя, затем снова посмотрел на наружную дверь. Внимательно прислушиваясь, Спок не услышал никакого движения; в действительности нигде поблизости от импульсного отсека не было никого слышно.

Интересно, подумал он, как вулканцы и ромуланцы оставались в таком постоянном шуме даже на двухнедельные миссии.

— Они были весьма хрупкими, и физически и ментально. Думаю, они развили пси-силы только для того, чтобы бороться с большими упертыми глупцами в своей собственной экосистеме, кто бы это ни были; почти никаких записей не сохранилось. После чумы у Федерации не было средств, чтобы защищать цивилизации, подвергающиеся опасности, как вы делаете сейчас. Насколько я знаю, не было даже ничего похожего с теми коробками, которые собираются телепортировать на борт шаттла перед отлетом...вы ведь успели сделать программу для точки приема, верно?

Спок кивнул.

— Я даже не знаю, остались ли в колонии рембегильцы, или это просто замороженные образцы в генетическом банке. Но и это не слишком пошло на пользу Консилиуму, потому что со всей техникой и обучением, со всеми экспериментами и культурой, развивающей пси-способности, способности эти нынче уменьшаются. Ну как?

Скотт вышел из люка и поднял вверх большой палец. Мистер Спок, который переключил трикодер на режим поглощения данных и быстрого архивирования и копирования всего содержимого центрального компьютера "Саваша", чтобы в дальнейшем его проанализировала и использовала Ракша, неохотно от этого оторвался.

Теперь нельзя было терять ни минуты.

Старшина Вейн и энсин Джиакомо из главного компьютерного добрались до мостика в одно и то же время, и краснорубашечник посторонился, чтобы пропустить вперед хрупкую молодую женщину в голубой форме. Мистер Сулу поднял глаза от пульта, где в черном пространстве, заполненном целой галактикой мерцающих зеленых цифр, зависли электронные данные о положении "Энтерпрайза", "Саваша" и "Наутилуса" относительно друг друга. Основной экран в реальном времени показывал слабо блестящий диск "Саваша", висевший во мраке над ними по правому борту, как переливчатая лунная медуза, едва заметную тень "Наутилуса" внизу по левому борту. Еще один экран изображал три судна в ряд на фоне завесы звезд — призрачных голубых очертаний Перекрестка, похожего на развевающийся полог газа. Полдюжины человек нашли предлоги, чтобы прийти на мостик и спросить Махейз об идентификационных кодах неизвестного судна, но получив ее бесстрастный ответ, что это засекречено, неизменно смолкали.

— Мистер Сулу, я подумала, лучше мне самой прийти сюда и сказать, чтобы вы взглянули на это, — тихо сказала Джиакомо. — У меня только что был странный пробел в передаче данных на главном компьютере, такой же, как был как раз перед тем, как отключилось освещение. — Она взглянула на Вейна, зная, что он отвечает за охрану их гостей, потом на экран, на котором был изображен "Наутилус" — бесцветный корабль-призрак, стоящий на якоре в бесконечной ночи. — Он тут же исчез, но...

— Ракша велела мне подняться к вам и сообщить, — сказал Вейн, глядя на рулевого. — Она говорит, что поймала доказательства того, что кто-то пробрался в компьютер с ее программой-вирусом.

— И откуда бы ей это знать? — спросил Сулу. — У них нет компьютера.

— Я думаю...гм. они забрали коммуникатор и уловили голос, пробившийся сквозь него, — сказал Вейн, который не так давно заметил, что у него пропал коммуникатор, но не связал эту пропажу со своими подопечными. — Она предложила сдать свой коммуникатор, но говорит, что использует его, чтобы отследить эти помехи. Она говорит, что кто бы это ни сделал, это сделано на командной станции.

Сулу пробормотал что-то насчет черепаших яиц по-тагалоги, затем сказал: — Джиакомо, спуститесь в физическую лабораторию и посмотрите, там ли доктор Мейнуг. Вейн, проверьте инженерный и Миллера. Если его там нет, проверьте запасной отсек, но не используйте систему связи. Просто просигнальте мне вашим коммуникатором. Дейл. Узнайте у мистера Кайла, возвращался ли мистер Лао в транспортную или до сих пор отсутствует, и если это так, пусть ДеСолл организует его поиск...без шума. Системой связи не пользоваться. Лейтенант Махейз, я буду с нашими гостями на четвертой палубе.

Резервный мостик в носовой части инженерного отсека был такого же размера, как и основной мостик наверху, в тарелке; то же самое оборудование и возможности; та же планировка. Сдвоенные управляющие комплекты связывали каждый пульт с инженерным отделом, фазерами, щитами, торпедами. На тренажере в Академии, а позднее на самом "Энтерпрайзе" Лао работал со всеми. Он точно знал, какие провода обрезать, какие группы изолировать и подсоединить к мостику по-другому, чтобы система саморегуляции не заметила бы никаких контрольных сигналов. За те несколько часов, что прошли с окончания совещания, он вытащил файлы со схемами и изучил их, как раз когда вытащил файлы определенных приложений с главного мостика сюда. Поскольку он был не инженером, а компьютерщиком, потребовалась напряженная сосредоточенность, чтобы эту деятельность не заметил компьютер корабля, даже после того, как он вставил все важные программы-глушилки, которые забрал или вывел из резервных записей файлов Ракши.

Но он знал, что сделает это. Он ощущал странную, холодную легкость (нечто подобное он чувствовал на тренировках по карате или когда боксировал с Сулу) чувство, что все идет как надо. Так что пришлось работать, потому что это единственная возможность, которая у него будет.

Единственная возможность остановить Консилиум.

Единственная возможность спасти Федерацию и мир, который он знал, в который так

отчаянно хотел верить.

И где-то в глубине души он знал, что только полностью погрузившись в процесс резки лазерным наконечником (что он и делал), он может все это спасти.

Его руки снова задрожали от усталости. Он сдержал дрожь.

То, что он делал, требовало мужества и сосредоточенности. Несмотря на изнеможение, он это прекрасно понимал. Он подозревал, что Кирк одобрил бы это, хотя конечно же, его положение как капитана мешало ему даже помыслить о таком очевидном решении. Он знал, что Ариос даже помог бы ему, будь у него возможность. Но эту задачу определенно придется решать в одиночку. Кому-то, у кого хватит мужества. И умения.

Зажимы-соединители зеленого пучка силовых проводов вели к усилителям импульсов дефлектора; перерезать провода; подсоединить заново. Зажимы-соединители проводов от главных фазеров...эту группу сюда, красный провод...подсоединить заново. Он пытался сообразить, сколько прошло времени, и не мог, не мог оторваться от своей задачи. Много времени пройти не могло, хотя от сосредоточенности ему казалось, что время просто застыло.

Гений — это бесконечная выносливость...Кто это сказал? Зажимы-соединители пучка желтых проводов вдоль задней переборки оружейного пульта, они управляли фазерами по левому борту, перерезать...нет, проверить тумблер...а он не забыл проверить тумблер на соединителе с транспортатором? И что-то еще он забыл...

Где-то в подсознании вспыхнул легкий сигнал тревоги, но он подавил его, не позволяя отвлекаться от того, что делал. Когда он все тут сделает, он...он...

Он вспомнил, что он забыл сделать — закрыть дверь резервного мостика позади — как раз когда дверь с мягким шелестом открылась и низкий женский голос взволнованно сказал: — Зиминг?

— Здесь. — Руки Ариоса легко пробежались по краям двери тремя уровнями ниже мостика по левому борту. Спок был заинтересован необычной планировкой судна, странно неровной разбивкой палуб и отсеков, вызывающей клаустрофобию близостью стен. Но еще более его заинтересовала способность Ариоса сохранять пространство вокруг чистым. На пути от инженерного отсека к этому коридору с охраняемыми камерами — сейчас охранники мирно спали в первой из них, после того, как попытались направиться к Ариосу, пока Спок обходил их сзади — он три-четыре раза слышал по коридорам приближение шагов, и Ариос делал...что-то такое делал, что бы это ни было.

И каждый раз Спок слышал, как шаги замирали, словно приближающийся член экипажа внезапно вспоминал что-то важное, и потом быстро удалялись в противоположном направлении.

Как это однажды сказала Ухура? Отлично работает, если у вас получается.

Эволюционное преимущество хрупкой расы "хрустальных эльфов", если бы Спок когда либо видел хоть одного.

Замок открылся от прикосновения руки Ариоса — по-видимому, код был для Мастера Консилиума.

Холодный свет...холодные стены...Его захлестнул поток воспоминаний, сбивая с толку и немного тревожа. Жутковатое ощущение осведомленности, как будто он уже бывал в этой комнате прежде.

Невероятно сильное ощущение, что уже встречался с этим толстым, маленьким, похожим на лягушку существом, которое стояло сейчас перед ним, выйдя из группки ионов, и шурилось на него огромными глазами цвета меди.

Ну разумеется, размышлял Спок, так и есть. Он знал этого человека, в каком-то отношении невероятно близко знал: долгая жизнь, полная печали и радости, прожитая от души; обучение, любовь, удовольствие от большого круга друзей. Он не знал только его имени.

И он видел, что этот йон тоже его знает.

Йон поднял четыре руки — возможно, чтобы показать, что они пусты — и пропел

церемонную ораторию из свистков и трелей. Спок, Ариос и мистер Скотт тут же повторили этот жест, и йон проковылял к низкому столу, на котором лежало несколько небольших латунных дисков. Внизу, на планете, палящий жар этого светопреставления выжег все, оставив мертвецам лишь голую кожу; а тут Спок с интересом увидел, что йоны были покрыты длинным шелковистым мехом, преимущественно зеленым или зелено-оранжевым, хотя у того йона, который подошел к нему, протянув трехпалой рукой диск, он был ярко-желтым, с темными полосами запутанных узоров пурпурного и голубого цветов. Мех опушал конечности, переходил в великолепную гриву на головах и плечах; свободные одеяния с затейливыми украшениями и избытком карманов, довершали картину.

Тучный желтый йон — старик, дедушка, который проник в его мысли, разговаривал через него с Ариосом — снова настойчиво протянул диск. Спок не мог не заметить, что длинная полоса гривы с затылка йона была сбрита.

У него уже были имплантаты.

Йон нетерпеливо взял его за руку — безволосые и довольно теплые (по сравнению с ледяными прикосновениями людей) пальцы — и потянулся вверх, чтобы прижать диск к форме Спока как раз над его ключицей. Спок заметил, что точно такой же диск украшает одежду йона.

Йон заговорил снова и на этот раз помимо трелей и мелодичности Спок услышал слова, которые очень мягко и четко прозвучали из диска на его плече.

— Вы тот, в чьем разуме я говорил, — сказал йон. — И он... — Он повернулся и стал рассматривать Ариоса огромными глазами цвета меди, и зеленые складки вокруг них углубились и стали заметнее. — Он был там, с вами. Он сказал, что вы придете, чтобы помочь нам покинуть это место. Это правда?

— Это правда, — сказал Спок. — Я Спок с планеты Вулкан; этот человек Дилан Ариос, капитан звездолета; и Скотт, инженер с еще одного звездолета. Я не знаю, можете ли вы понять или объяснить, что случилось с вашим миром...

— Мы знаем, что наш мир был уничтожен, — сказал йон, и на мгновение его взгляд застыл. — Мы знаем, что там ничего не вернешь. Домина объяснила всем нам, что она спасла нас и заберет нас туда, где мы сможем жить свободно. Но затем она увела часть из нас — ученых, мудрецов, целителей — и погрузила в сон, а когда мы проснулись, у нас внутри оказались холодные металлические провода, сквозь которые проходили чужие голоса, которые нашептывали странные вещи.

Он снова кивнул на Ариоса. — Если верить этому... этому шепоту... только он вызвал взрыв солнца. Но я заглянул в его разум. Я не увидел в нем зла.

— Эта Домина, — сказал другой йон, зеленый в оранжевую крапинку, с длинными черными полосками в гриве, — она использует слишком много... — Вместо слова раздался отдельный причудливый свист, но после мгновенной задержки переводчик выдал: — ...духОв, чтобы продать гнилой фрукт, — а потом поспешно продолжил...но в сердцевине видна гниль.

Желтый старик кивнул: — Меня называют Цимрус Дартаниан, — сказал он. — Моя внучка Айриен, которая говорила с твоим юным другом, где-то здесь... — он оглянулся, и после его слов крошечная йонка, ярко-зеленая, с узором из бледных зеленовато-желтых кругов, выскользнула из наружной двери, которая выходила в коридор

— Дедушка, если мы собираемся выбираться отсюда...

Она остановилась, внимательно взглянув янтарными глазами на Спока и Ариоса.

— Это они, — сказала она. — Те, кто говорили, что заберут нас отсюда. Вы и вправду это сделаете?

— За этим мы сюда и пришли. Мы... — Спок остановился, внезапно начав прислушиваться; где-то вдали грохотали шаги.

Он поднял бровь. — Видимо, — сказал он, — нас заметили и охрана, кажется, идет сюда.

Глава 15.

В этот миг Кирк знал, что что-то идет не так.

Он сидел в парижском кафе, переливалась теплая, как вода для ванны, ночь цвета индиго, подернутая оттенками расплавленного золота. В такт резкому контрапункту цокота копыт (когда во мраке по ту сторону бледных стволов каштановых деревьев, обрамлявших тротуар, проходили фиакры), грезил скрипки. Его собственный полосатый шерстяной костюм гармонировал с белыми куртками официантов, стетсонскими шляпами муниципальных клерков и изящными черными сюртуками завсегдатаев модных бульваров; Джермин Маккеннон, сидевшая напротив, выглядела восхитительно в зеленой тафте. Ткань мерцала в газовом свете и оттеняла изумруды ее глаз. В воздухе пахло ее духами, кофе, лошадьми и рекой.

Она говорила: — Технология голопалуб становится все более и более совершенной. Если вы выпьете этот кофе, то вполне возможно, будете бодрствовать в течение сорока восьми часов. У тех, кто пользуется тренировочными программами на голопалубе, обычно появляются психосоматические синяки, если их бьют кулаком, ногами или мечом...

Она рассмеялась — прелестный звук, перекрывший мягкое журчание французского языка, который он понимал намного лучше, чем когда-либо постигал в школе. — Есть множество историй о мужчинах, влюбившихся в "милашку как бишь ее звали"...невероятно популярный персонаж из сюжета, который дипломатично называется "Мужскими приключениями", или о женщинах, переживших жуткую страсть к героям романов миссис Шиндлер, но на самом деле я никогда не встречала людей, с которыми это случалось.

Он хотел спросить ее, не встречала ли она кого-нибудь, кто на самом деле умер от голо-симуляций, в которых у них вырывали кишки или сожрала меерша, но не стал. Она бы лишь рассмеялась своим нежным смехом и поведала бы, кто именно в Теновом Флоте ответственен за такие слухи, и Кирк лишь снова поразился тому, насколько Джермин Маккеннон похожа на его первую любовь, Рут.

И естественно, никто не показывал также в голо-симуляторах секс: грубо, искаженно и просто безлико.

— Видите ли, — шаловливо сказала она, бросив взгляд на следующий столик, откуда за ними наблюдали капитан Варос, Эдвард Дейл и два одинаковых офицера охраны в грубых свитерах и беретах парижских рабочих, — некоторые исторические сюжеты и виды далеких планет получаются...не совсем точными. Тут есть даже голо-события, которые имели место на настоящем "Энтерпрайзе", и мне было бы любопытно посмотреть, насколько они соответствуют....

И потом он заметил это — изменение в ее глазах. Они расширились в мягком белом сиянии газового освещения кафе, сначала испуганно, потрясенно, а затем наполнились дьявольским коктейлем из триумфа, злобы и бешенства. Она открыла рот, чтобы заговорить, но Кирк был быстрее, он выдернул из-за пояса фазер, и выстрелил в нее зарядом, установленным на полное оглушение. В тот же миг он выдернул дистанционное управление голограммой — тонкий прямоугольник пластика шириной с половину его ладони — из ее слабой хватки, бросил его на гранитные плиты под стулом и прижал пяткой. Париж замерцал, запрыгал, завибрировал, демонстрируя над светящимися тенями ночи девятнадцатого века разрозненные пятна бледно-серой стены и крышки люков.

Все это заняло секунды. Он узнал выход в тот момент, когда открыл огонь по Дейлу и Варосу, но они уже метнулись в противоположную сторону, маневрируя среди исчезающих официантов и клиентов, падая под столы, которые мерцали, то появляясь, то пропадая. Кирк завопил: — Вольфман! — потом вспомнил, что голо-палубы, единственные среди всех помещений корабля были полностью звукоизолированы. Пока он добирался до наружной двери, открыв ее пинком, образы вокруг него растаяли; выстрел фазера обжег стену — достаточно близко к голове, чтобы вокруг возник сбивающий с толку ореол.

Снаружи одна из стражниц упала, ее придерживал Вольфман, пока двое остальных яростно схватились с четырьмя или пятью охранниками. Кирк нанес удар ногой, развернулся, выстрелил по дверным механизмам, потом пустил оглушающий заряд в спины трех охранников, прежде чем они успели оглядеться вокруг. Повсюду загорались красные огни, зазвучала тревога. Вольфман сбил двух оставшихся, затем забросил упавшую женщину на плечи и рванул в конец коридора, пройдя сквозь вакуумные поля как раз перед тем, как они сомкнулись.

Купер прижал руку к голове, вздрогнув, как от удара. — Шлюзовая палуба, сказал он. — Йоны у них. Они на пути сюда.

— А я думал, ваши имплантаты не работают, — Кирк выстрелил по полю, которое начало открываться и бегом помчался по коридору.

— Это просто локационный сигнал! Сюда! — Он свернул в переход — и тут до Кирка дошло, что сказал Дейл о командирах и войсках с имплантатами.

А это значит, естественно, что эти охранники точно будут знать, где встретиться.

Он был прав. Дважды они встречали группы охранников, и легкие отметины от фазерного огня на серых стенах говорили Кирку, что фазеры врагов были установлены на полное оглушение. Коридоры "Саваши" были узки и полны неожиданных поворотов. Он почувствовал удар по ноге, но заставил себя бежать, хромая и морщась от боли. Он точно знал, что случится с ним, если он попадет в руки Маккеннон живым — его воспоминания удалят и изменят, хотя разумеется, ничего такого, что повлияло бы на временной парадокс, мрачно думал он, выглядывая из-за угла и стреляя в ответ в очередную группу. А может, подумал он, вспоминая, что рассказал ему Купер о камерах-голосимуляторах — и еще что-нибудь.

А если Маккеннон как-то узнает, кто из членов экипажа на борту "Энтерпрайза" положит начало Консилиуму — или если она это уже знает — то офицеров охраны, которые последовали за ним, уже ничто не спасет. Разумеется, если они не были случайно друзьями этого Х. Тогда их тоже изменят. А Фил Купер в любом случае окажется мертв.

Кирк услышал голос Спока, который кричал: — Капитан! — повернулся и мельком увидел офицера по науке в проеме чуть приоткрытой двери коридора. Он со своей командой безопасности нырнули туда; Спок захлопнул дверь и расплавил замок выстрелом фазера. Хотя лестничный колодец был почти темен, он знал о скоплении светящихся глаз, о странном, хотя и вполне приятном, запахе инопланетян — понимал, что его окружают живые, дышащие тела расы, которую он видел этим утром лишь в виде сожженных скелетов, мумифицированных трупов.

— Где Ариос и мистер Скотт?

— Прикрывают фланги, — коротко сказал Спок и вручил ему диск-переводчик. Они встретятся с нами на шлюзовой палубе; с каждым из них по полдюжины йонов, вооруженных фазерами.

— Моя внучка Айриен, — просвистел Дартаниан, — полна гнева и ужасной ярости — и она обучалась быть воином. Поверьте мне, те люди даже не представляют, кого они доставили на борт своего звездолета.

Они устремились по переходу, тут и там слыша грохот шагов по коридорам за дверьми, шипение и треск выстрелов фазера. — Я думаю, что и в самой тюрьме йонов были мины-ловушки, — сказал Спок, когда Купер подал знак остановиться, чтобы снять со стены панель вентилятора и повел внутрь трубопровода. Разумное допущение со стороны Маккеннон, если она знает капитана Ариоса так хорошо, как говорит.

Кирку, который помогал йонам поднять в шахту вентиляции старшину Шимаду, находящуюся без сознания, пришлось согласиться.

— Не подходи ближе. — Из двери турболифта Чейпл видела, что у Лао в руке фазер, когда тот отвернулся от пульта, над которым стоял на коленях. — Обойди место пилота и сядь. Это ненадолго.

Даже с того места, где она стояла, Чейпл видела, что его рука дрожит. На полу рядом с

открытой крышкой пульта лежал набор инструментов; его огоньки казались очень яркими в хмуром сумраке резервного мостика. В голосе Лао была напряженная резкость, и то, как он двигался — с трудом контролируя себя, рывками — это напугало ее.

Она очень осторожно прошла по полукруглому возвышению пола к тому месту, где обычно сидел Чехов, и села на мягкое кресло. Пульты с обеих сторон от нее оживлялись огоньками; на другой стороне круга горели еще два. Один из них инженерный, подумала она, представив себе, как над прозрачными квадратиками экранов с данными нагнулся мистер Скотт; как за другим пультом (для создания подсистем) разместился Дейв. Она была между пультом управления вооружением и центральным компьютером.

Лицо Лао блестело от пота. — Что ты здесь делаешь?

Что Я...? — возмущенно подумала Чейпл, но голос ее был по-прежнему ровен и вежлив. — Я увидела, что ты только что вошел в лифт рядом с этим сектором, сказала она. — Я волновалась о тебе и хотела спросить о медикаментах, которые пропали...

Ее глаза снова перешли на пакет с инструментами, выделив ярко-алые ампулы, завернутые в пластик. Огромная доза, смертельная для дюжины человек.

— Зиминг, — сказала она, — не надо...

— Не надо что? — Он рассмеялся — скрежещущий, жутковатый звук. — Федерация терпит крах, превращается в...в непристойный кошмар, в котором калечат, обманывают и убивают любого, кто всего лишь кажется угрозой для их власти, и ты говоришь мне не надо? Крис, ты и в самом деле так слепа, или просто пытаешься сделать так, чтобы я отложил оружие и отключил взрыв фазеров?

— Взрыв фазеров? — Понадобилось лишь мгновение, чтобы до нее дошло, что это значит. Почему он был на резервном мостике. Выражение его лица, когда он был в лазарете. То, как он отвернулся и заторопился прочь. — Зиминг...

— Назад! — приказал он, поскольку она начала вставать на ноги. — Даже не думай остановить меня. Я установил его на убийство, — сказал он тихо. — Я не могу раздумывать об этом — не могу себе позволить — но даже капитан Кирк знает, что это нужно сделать.

Кирк и команда безопасности — Вольфман, Ватанабе, Чавез, — добрались до дна переходной шахты и обнаружили (как и ожидали), что на последнем повороте их ожидает охрана. Зашипели выстрелы фазеров, в серых губчатых стенах разверзлись дыры; затем смешение звуков, проклятия и падение тел. Кирк заглянул в вестибюль шлюзовой палубы и увидел, что повсюду йоны — они до сих пор выскакивали из вентиляционной шахты, по которой прошли, чтобы добраться до охранников сзади.

Одна из них, которую Дартаниан назвал своей внучкой Айриен, методично ломала шеи пяти охранникам, которые лежали без сознания на полу вестибюля. У нее, как у представительницы сообщества древолазных, были мощные, сильные руки, и на какой-то момент Кирк увидел, как в глазах цвета меди отразились актинические вспышки молний, переплетения водяных смерчей и адские дожди Тау Лиры III.

Сам Дартаниан склонился над не пришедшей в себя старшиной Шимадой, полужакрыв глаза и положив руки на ее виски и запястья. Купер прислонился к другой стене, лицо у него было серым от изнеможения. По-видимому, подумал Кирк, адреналаза перестает действовать.

— С ней все будет хорошо, — взволнованно сказал старый йон, поднимая глаза. — Но привести ее в себя сейчас я не могу. Это плохое оружие.

Дверь, которая вела из вестибюля — скорее всего, в коридор — была закрыта; впервые Кирк заметил, что Ариос прислонился к ней, полужакрыв глаза, словно прислушиваясь. Мистер Скотт и Спок выбежали из бронированных дверей центральной ангарной палубы.

— Проверка судна закончена и оно готово к выходу, — сообщил запыхавшийся Скотти. — Координаты вашей поклажи в транспортаторе.

— Более чем за все остальное, — сказал Дартаниан, когда йоны устремились мимо них и стремглав понеслись, спотыкаясь, на четырех, а иногда и на всех шести конечностях, к сияющему огромному шаттлу в форме пули, — мы благодарим вас за то, что вы достали эти

сундуки.

Он выпрямился, круглолицый и величественный, и взглянул на Кирка. — Я знаю, что в них было. Во всех Древах имелись хранилища древних легенд, старинных сокровищ; оборудования, медикаментов и инструментов для производства большого количества лекарств.

— Почему? — с любопытством спросил Кирк, зная, что осиротевшие ученые тоже хотели бы все это знать. Никогда еще, размышлял он, его обычная приверженность выполнению обязанностей — искать новые формы жизни и новые цивилизации — пусть даже эта цивилизация погибла — не была еще столь блистательно оплачена спасением будущего. — Если ваш народ никогда не изобретал оружия разрушения...

Ученый удивился. — Кто вам это сказал? — спросил он. — Разумеется, мы его изобрели — в лабораториях. В теории. Разумеется, мы знали, как убивать друг друга в огромном количестве, сойди мы с ума до такой степени, чтобы это сделать. Но зачем это нужно? А эти хранилища, нет, мы оставили их только для тех, кто хотел колонизировать другие земли; чтобы они знали наилучшие способы выжить в неблагоприятных условиях. Так что сейчас они будут рады, что у них это есть.

От вскрытой панели на стене, в которую он засунул трикодер, Спок сказал: Сенсоры и сканнеры заглушены.

Кирк сказал: — Они?

Дартаниан улыбнулся. Еще пять или шесть йонов, таких же старых, а то и старше, насколько он мог судить по белым полоскам в их гривах, шли обратно от шаттла к вестибюлю, где стоял Кирк и его группа, и они тоже улыбались.

— Они, — сказал Дартаниан. — Несколько моих друзей и я сам... — Он пошевелил рукой, — ...собираемся остаться с Консилиумом, пока остальные отправляются к своему новому миру; мы направимся с ними в будущее в качестве их слуг. Как вы видите, у всех нас в шеи вставлены эти серебристые проводки. Я уверен, Домина считает, что мы всерьез воспринимаем сны и мысли, которые она шлет нам с их помощью или что мы ощущаем болью, тоской или яростью ту легкую щекотку и бормотание, которые они регистрируют в позвоночнике.

Он продолжал улыбаться, только в глазах плавилась беспощадность. — Так что мы будем ее слугами, — сказал он. — Если мы разбежимся по кораблю и будем кричать, что нас ранили и бросили умирать наши товарищи, потому что мы не хотели уйти с ними, она наверняка поверит в нашу преданность. И конечно же, здесь нет никого, кто будет мстить за то, что они сотворили. Пока... — Он сделал движение, похожее на пожатие плеч. — Будет интересно посмотреть, сколько проблем мы можем создать, пока нас не поймали. Айриен, внучка...

Он протянул к ней руки — она в это время пригнулась к наружной двери рядом с Ариосом. По словам Спока, она тут же взяла на себя обязанности его помощника в защите флангов, и с яростной и целеустремленной решимостью охраняла небольшую группу йонов, когда те бежали к шаттлу.

— Нет. — Голос Айриен из транслятора Кирка раздался еле уловимым журчанием. — Дедушка, мне так жаль. Ты знаешь, что я потеряла — моего любимого, детей, которых родила ему, сестру, которая была мне ближе, чем сестра. Мать, отца... — Она покачала головой. — Мое мщение не удовлетворено, и не будет удовлетворено побегом и созиданием нового мира. — Она вытянула твердую, темную, безволосую ладонь и коснулась пальцев Ариоса.

Лицо Дартаниана было печально — лицо того, подумал Кирк, кто видит будущее и неотвратимое течение времени.

— Ты подавала надежды как один из величайших ученых, дитя мое; ты обучалась всем нашим искусствам. Не так уж много ученых среди тех, кто будет строить новый мир.

— Боль, которую я ощущаю, обернулась бы лишь ядом, — мягко сказала воительница. — Я не могу заражать ядом детей, которые рождаются.

— Они идут. — Ариос вздрогнул, поднес руки к вискам от боли. Голос у него охрип. — Она с ними.

— Отправляйте корабль, — сказал Кирк.

Спок набрал на трикодере команды; огромные бронированные двери тут же захлопнулись, скрывая из вида ангарную палубу и гладкий белый блеск шаттла. Зажглись красные огни, предупреждая, что на палубе за дверьми вышел воздух; йоны-ученые уже карабкались обратно в вентиляционную шахту, чтобы найти место, где они позволят себя обнаружить.

Зашипел металл, когда на замке двери в вестибюль сосредоточился огонь фазеров и проклятья охраны снаружи.

Кирк щелчком открыл коммуникатор. — Мистер Кайл? Заберите нас отсюда.

— Гм... Боюсь, прямо сейчас у нас не получится, — проскрипел в коммуникаторе голос Кайла.

— Прямо сейчас? — возмущенно спросил Кирк. — Нас загнали в угол...

— Мы работаем над этим изо всех сил, — сказал Кайл. — Но кто-то подсоединил склад фазеров так, чтобы они пришли в действие при входящем сигнале транспортатора, а потом отключил систему безопасности склада.

Скотти, который стоял рядом с Кирком, резко выдохнул от изумления.

И хотя в этом не было необходимости, Кайл дополнил: — Если вы телепортируетесь, корабль взорвется.

Двери в коридор поддались и отошли в сторону, пропуская Дейла, Вароса и значительное подкрепление.

С ними была Маккеннон, подобная черно-рыжему урагану.

Кирк едва успел нырнуть обратно в дверь перехода, теснясь с краснорубашечниками, Ариосом и Скоттом. Он послал два выстрела в толпу охранников, чтобы прикрыть рывок Спока в убежище, но знал, что это бесполезно. Голову пронзила обжигающая боль, от которой у него перехватило дыхание; охранник ворвался в комнату, бросился к панелям запуска и Кирк выстрелил в него, второй раз, третий. Но только усиленный огонь Ариоса и Скотта заставил его упасть.

— Остановите это! — услышал Кирк вопль Маккеннон из коридора. — Остановите запуск, чего бы это ни стоило!

Выстрел фазера обжег его руку; рядом с ним, хватая воздух ртом, опустился на колени Купер. Три охранника метнулись в вестибюль, открыв сплошной огонь, который отбросил Кирка и остальных за двери прохода, и тот огляделся, отходя вглубь коридора.

Затем над головой он услышал резкий, жуткий, скрипучий звук, похожий на царапанье по металлу или разрыв изоляции. Охранники остановились и уставились вверх, когда часть потолка отошла.

Оттуда упали щупальца, с которых капало что-то вроде меда и исходил запах бездны, из которой выползают кошмары.

У Кирка прервалось дыхание.

Ариос прошептал: — Немо...

В следующее мгновение это существо обрушилось сверху, черное, блестящее ужас, еще более заметный при ярком свете вестибюля. Изогнулась безглазая голова. Коготь, похожий на прямую бритву, одним привычным ударом раскроил ближайшего охранника от горла до паха, и этот человек сделал жуткую, булькающую попытку закричать, падая вперед в брызнувшую лужу крови.

Кирк, который был достаточно близко, чтобы дотронуться до яггхорта, изогнувшись, спрятался в проходе, когда это создание повернулось — жутковатым, по-птичьим прыгающим движением. Оно издало неопишуемый шум, вытянуло невероятно длинную лапу и разорвало лицо охранника, который был слишком потрясен и оглушен, чтобы открыть огонь; Кирк слышал, как затрещали кости, когда яггхорт сделал с телом что-то еще, припав к земле, как бесформенная собака. За спиной Дейла Кирк услышал вопль Маккеннон: — Только

оглушить! Не убивайте его! — но не был уверен, услышал ли ее Дейл, обратил ли внимание, но он уже знал, что это не имеет значения. Все фазеры в галактике причинили бы яггхорту не больше вреда, чем икота.

Это не имело значения в любом случае. Дейл выстрелил в яггхорта один раз почти в упор, когда это существо разорвало охранника рядом с ним на три жутких визжащих куска, а потом почти с таким же щелчком, как у хлыста, его когти располосовали горло, грудную клетку и брюшную полость начальника охраны, вырывая содержимое, как горсть размокшего тряпья.

Ариос со Споком затащили Кирка под укрытие двери прохода, на витую металлическую лестницу. В узком пространстве запах крови, которая брызнула от мертвого члена экипажа — ее сгустки намочили атласные рукава и брючины формы Кирка — был густ, вязок и тошнотворно сладок.

Пока они спускались по лестнице, он увидел, что свет над бронированными дверьми отсека с шаттлами стал темно-красным. Шаттл вылетел, унося уцелевших йонов к их новому, засекреченному миру.

Потом Скотт расцепил провода и дверь в проход закрылась; чуть погода зашипел плавающий механизм и инженер побежал, чтобы присоединиться к побегу Кирка и его команды.

Погони не было.

А для тех, кто потрясенно вжался в стену за углом, молчание в вестибюле было даже хуже, чем шипение яггхорта. Воздух загустел от зловония крови и отбросов. Затем возник слабый звук, что-то вроде отвратительного, назойливого стука, исходящего от человека, который до сих пор еще не умер, как следовало ожидать.

— За ними, — сказала Маккеннон, хватая Вароса за рукав. — Перехватите их! Они узнают, куда направляется это судно. Живо...!

Варос оглянулся на дверной проем. Яггхорт пропал. Даже несмотря на впитывающий материал, с двери густо сочилась кровь.

А в центре вестибюля все еще пытался шевельнуться Эдвард Дейл.

Варос сделал шаг по направлению к другу и безжалостная ручка Маккеннон сомкнулась на его запястье, как тиски. — Он мертв, — сказала она. — А тебе нужно поймать Ариоса и Кирка. Следовало бы мне понять, что он переманит Кирка на свою сторону.

— Эд еще жив, — сказал Варос, забывая использовать формальность, с которой обращался к другу в течение двадцати лет.

— Вперед! — зашипела Маккеннон.

— Ему нужна помощь! Мы можем поместить его в морозильную камеру...

И Вароса хлестнула боль, боль, разрывающая его нервы, позвоночник, мозг; боль и ужас, от которых перехватило дыхание, как будто это его тело беспомощно распласталось под когтями, рвущими плоть. Боль, у которой не было центра, не было источника, кроме этих расширенных, бешеных зеленых глаз. Боль и калечащая слабость, холод и ощущение в имплантированной нервной системе, которое он не мог описать — его невозможно было описать. Его глаза померкли и разум словно отключился, как будто его самого — ту его часть, которая была Риалом Варосом и у которой был друг по имени Эд Дейл — бросили в маленькую комнатку и заперли там, пока кто-то еще — что-то еще — передвигало его конечности, его позвоночник, его органы. Он с трудом сделал пять или шесть шагов по коридору в сторону от своего уцелевшего друга — в сторону турболифта на нижние уровни прежде чем даже осознал, что делает.

Он велел себе развернуться и пройти в этот хрустальный лабиринт боли, это разъедающую бездну тех глаз. Пройти по нему к Эду, как-то забрать его в лазарет, в морозильную камеру...

И не мог.

Он просто ковылял, натываясь на стены, так что пришлось за них хвататься, и против собственной воли снова повернулся к турболифту и человеку, которого она хотела получить.

— Черт, поторапливайся! Они уйдут!

Он услышал, как его друг издал звук, который мог быть и его именем, когда оставлял его умирать. Маккеннон пошла за ним, и ее шаги мстительно скрипели по серому покрытию пола.

Глава 16.

— Я пытался вычислить, кто это. — Энсин Лао прислонился к оружейному пульту, все еще целясь из лазера, а его глаза как будто мерцали в полумраке. Я просмотрел все записи — создал матрицы вероятности. Я весь день этим занимался. Что могло привести к такому положению, что позволило возникнуть такой организации, этой галактической чуме, что привело к этой мысленной связи с ягхортом — о котором мы ничего не знаем — отчего возник этот вакуум власти, когда ключевые фигуры умирают или сходят с ума. Пытался вычислить, кто это, кто все это вызвал.

Человек, который положил начало Консилиуму, из вашего экипажа.

Сулу? спросила себя Кристина, как спрашивала так или иначе последние несколько часов, безуспешно пытаясь заснуть. Миллер, с его убийственной комбинацией компьютерного опыта и знания инженерного дела? Спокойная и знающая свое дело Органа. Она могла представить себе Органу, которая захватила власть в Федерации. Легко.

Иногда она думала, что это может быть и сам Лао.

Или это было кто-то неожиданный; например, беспомощный Райли или Чехов? Но Чехов наверняка был слишком добродушен...

— Тогда это было бы просто. — Лао шевельнул рукой, словно чтобы поднять ее и потереть глаза. Но не сделал этого, однако. Не позволил ничему заслонить обзор и свою цель. — Тогда все, что мне пришлось бы сделать — убить одного человека. Даже если бы это был кто-то, кто мне важен, я бы это сделал. Пусть бы меня судили военным судом, я бы с радостью, и я бы не вызвал временного парадокса, объясняя это. Я бы согласился с приговором. Ты же знаешь, мне бы пришлось так поступить. Но сейчас слишком мало данных, чтобы сказать наверняка.

— А как насчет чумы? — спросила Чейпл, держа обе руки на коленях и стараясь говорить как можно спокойней, мягче и суше. К собственному удивлению, у нее это получилось совсем неплохо. — Насколько я понимаю, Консилиум спас цивилизацию от чумы.

— Я...я предупрежу их насчет чумы, — сказал Лао, немного запнувшись на этих словах, как она отметила. — Они могут что-то сделать. Карантин...или какое-то другое решение...

— А что если другого решения нет? — требовательно спросила Кристина, забывая на мгновение, что она имеет дело с человеком, у которого серьезные нарушения сна. К ней вернулась вся ее работа с Роджером Корби — изучение эпидемий древности, их распространения и заражения в истории цивилизаций далекого прошлого. — Зиминг, я изучала это, и карантин никогда не срабатывают. И в галактическом масштабе тоже. Никогда, если инкубационный период достаточно долог. И ты даже не будешь жить в то время, когда...

— Заткнись! — Его рука дрожала на фазере, его глаза пылали гневом, яростью от того, что он нашел на планете и услышал от экипажа "Наутилуса". — Может, это было некрасивое решение, может, есть и другие...но так лучше, Крис. Подумай об этом и ты поймешь, что это единственный способ! Те люди убили йонов, вся планета уничтожена...

— Но кто-то из них выжил!

Лао заколебался, сощурился и покачал головой. — Они не смогли.

— И тем не менее. Их забрал Конслилиум. — Чейпл остановилась, заметив, как изменилось выражение его глаз.

— То есть они стали инструментами Консилиума, как и все остальные? — Что-то было в его голосе — удовлетворение?горечь?сожаление? — и что-то от усталого цинизма Фила Купера в чертах лица.

— Крис, мы не можем уйти отсюда и притвориться, что ничего не случилось. Я хотел... — Он покачал головой. Выглядел он истощенным, намного хуже, чем несколько часов назад в лазарете.

— Я хотел сделать это легче. Установить настройку, найти место, где спрятаться, взять неврофилозин...просто заснуть. Я хотел не знать. — Он изобразил вялую улыбку. — Думаю, что я и не узнаю. И ты. Это произойдет быстро. — Он нахмурился, сведя брови от боли и с трудом оглянувшись, ища хронометр.

— Сколько было времени, когда они ушли туда?

Чейпл попыталась просчитать, поможет ли ложь в этом положении, и до какой степени стоит говорить правду, но об этом было трудно думать. — Двадцать один час, — честно сказала она.

— Полтора часа назад, — прошептал он хриплым, севшим голосом. — Это будет недолго. Быстро. Я обещаю. Никто — ни один из нас — этого не почувствует.

— А он может запустить это вручную? — спросил Сулу, изучая закрытую — и запертую — бронированную дверь резервного компьютерного отдела из коридора за залом для совещаний девятнадцатой палубы. Как только они узнали, что ищут, обнаружить Лао и вычислить, что он сделал, не потребовало много времени. Резервный мостик был логичным местом для попытки вызвать взрыв фазеров, а Миллер с Мейнутом легко были найдены. Вообще-то, они оба сейчас стояли в коридоре с Сулу, ДеСоллом, краснорубашечником, который первым удостоверился, что дверь не открыта — случайно это оказалась старшина Баттерфильд — доктором Маккоем и Ракшей.

— Безусловно, — сказал Миллер, изучая потолок в поисках подходящих входов в вентиляционные тоннели. — Думаю, он прослушивает внутренние коммуниторы корабля, чтобы знать, не направляется ли кто-то к нему, и в таком случае он, вероятно, воспользуется шансом и выдернет затвор.

— Он вырубил командную станцию, — сообщил Мейнут, который только что вышел из зала совещаний. Пока за ним закрывались скользящие двери, Сулу заметил на треугольном обзорном экране янтарные ряды данных. — Так что мы не можем просто перекрыть энергию на фазерном складе.

— Мы можем сделать это вручную, — сказал Сулу. — Это к тому же не даст ему насторожиться и отключить ее самому, пока не станет слишком поздно наносить какие-либо повреждения. Кто-нибудь понимает, что это с ним? Или почему это все?

Все закачали головами. Маккой оглянулся на других — Мейнута, Миллера и Баттерфильда — и медленно сказал: — Возможно, я понимаю. — Он вздохнул, а Сулу подумал, что доктор выглядит так, словно давно не спал. В сгорбленных плечах была усталость...ощущение не то чтобы безнадежности. Скорее это было своего рода смирение, окрашенное злостью и пониманием того, что ничего нельзя сделать.

Это Сулу видел и раньше у других членов экипажа. У капитана. Особенно у энсина Лао.

Но когда Сулу поднял бровь, тот только покачал головой. — На вчерашнем совещании, как раз перед тем, как...в поле зрения появился новый корабль, капитан Ариос предоставил нам информацию, которая вызвала у энсина Лао...кризис. Я знаю, что он давно не спал. Я назначил ему цилланосилен-шесть и обнаружил, что пропало две трети общего запаса неврофилозина. — Он остановился с таким выражением в глазах, как будто перебирал ту часть информации, которую можно обнародовать. Сулу заметил, как он взглянул на клингонку Ракшу и увидел, как та предупреждающе качнула головой.

Маккой вздохнул. — Это все, что я могу сказать.

— Этого мало, — сказал Сулу.

Ракша подняла палец. — Этого достаточно, — сказала она. — С точки зрения Лао его

действия логичны. Попытка разрушить судно, используя входящий сигнал транспортного как спусковой механизм. И я думаю, — добавила она, — вы будете в достаточной безопасности, отключая энергию фазеров. Открыть огонь по вам это последнее, что сделает "Саваши".

Сулу заколебался, но в темных глазах клингонки все еще было предупреждение. Сулу на мгновение задумался, ненавязчиво оглядев двух ученых-компьютерщиков, доктора, начальника безопасности, охранника рядом с ним и еще одного (возможно, достаточно близко, чтобы услышать) — в конце коридора. Какую бы информацию не обнаружил на совещании Ариос — и очевидно, эта клингонка тоже ее знала — но если она спровоцировала такой кризис у Лао, она могла вызвать столь же непредсказуемую реакцию и у остальных стоящих с ними в коридоре. Лично Сулу не думал, что это возможно, но в глубоком космосе он видел и еще менее возможные вещи. О Лао он тоже такого бы не подумал.

— Сколько времени это потребует?

Миллер пожал плечами. — Сорок минут, с учетом времени, которое потребуется, чтобы сделать это без опасности для положения корабля и чтобы на пульте управления не появилось никаких признаков этого и Лао там ничего не прочел.

Зачирикал коммуникатор Сулу. Кайл, подумал Сулу, открывая его щелчком. Начальника отдела транспортировки уже предупредили не использовать внутреннюю связь корабля.

— Мистер Сулу, сэр, мы получили еще один запрос капитана Кирка насчет телепортации, — раздался приятный баритон начальника. — Он говорил весьма озабоченно.

— Скажите им, что мы с этим работаем, — сказал Сулу и кивнул Миллеру. Давайте... Скажите им, что мы заберем их, как только сможем.

И когда помощник инженера скрылся в коридоре (а за ним и Ракша), Сулу спросил себя, что же это была за информация, что за смертельная загадка, которая послужила последней каплей для человека, уверенно идущего к тому, чтобы стать лучшим капитаном флота. Как вообще информация могла так выбить человека из колеи? А заодно спросил себя, хочет ли он и вправду это выяснить.

Он повернулся к ДеСоллу. — Пройдите с вашими людьми по кораблю, — тихо сказал он. — Попытайтесь выяснить, с кем Лао общался, и не рассказывал ли он об этой...этой информации (что бы это ни было) кому-то еще... — Он с любопытством взглянул на Маккоя, который смотрел в сторону.

— Я буду тут, в зале совещаний. Никаких подключений по внутренней связи только коммуникаторы. Вот только хотелось бы мне знать, не внушил ли этот...кризис...ему или кому-нибудь другому мысль устроить еще какие-то ловушки по кораблю. И еще мне хотелось бы знать, человек там с ним, внутри это сообщник или заложник?

Великолепно, подумал Сулу, когда ДеСолл вышел вслед за исчезнувшим Миллером. Капитан оставил все на меня, и через девяносто минут я бросил его на вражеской территории, а у нас объявился маньяк, который пытается взорвать "Энтерпрайз". Если с кораблем что-то случится, капитан меня убьет...

Он вошел в зал совещаний, чтобы изучить данные, которые вызвал Мейнуг, и ожидать событий.

— Сорок минут, — мрачно сказал Кирк, захлопнув коммуникатор. — Этот корабль не так уж велик, а охраны у них намного больше, чем на "Энтерпрайзе". — Он проверил фазер. Батарейки разрядились на десять процентов. Невысокое складское помещение, где они нашли прибежище, слабо походило на крепость, в нем было пусто, и в качестве прикрытия оно могло похвастать лишь низким краем коробки трубопровода, который тянулся по ширине комнаты примерно на две трети дальней стены. Кирк даже не был уверен, скроет ли он лежащего человека.

— Как, черт возьми, этот...как его, Немо?...попал на корабль? — возмущенно спросил мистер Скотт. — Боже правый, и они сцепили весь флот с такими тварями?

— Ну, — сказал Ариос, садясь и прижимая руки к вискам лежащего без сознания

Купера, — можно сказать и так. Хотя я никогда не видел, чтобы Немо так прыгал с корабля на корабль, как сейчас. Я не знал... — Он остановился и немного истерично засмеялся. — Я не знал, что он так заботится о нас, что попытался помочь. — Купер, который лежал рядом с ним, посерел от шока; Дартаниан и Айриен собрались с другой стороны от него и совещались мягкими свистящими голосами. Старшина Шимада лежала как мертвый котенок в океане черных волос, не приходя в сознание слишком долго, встревожено подумал Кирк, для обычного фазерного шока.

Во всяком случае, для фазерного шока двадцать третьего века.

— Если он о вас не заботится, — озадаченно спросил Скотт, — тогда зачем ему водить для вас корабли? И вообще, что он делает среди мятежников?

Ариос выпрямился и криво усмехнулся. — В том-то и проблема. Это-то и сводит Звездный Флот с ума. Мы не знаем. Он помогает нам, но никто из нас может, даже и Шарнас — не имеет ни малейшего представления, почему.

— А куда он сейчас пропал?

Ариос только покачал головой.

— В настоящее время они обыскивают помещение за помещением. — Спок стянул крышку с трубопровода и подсоединил трикодер, чтобы получить данные, отслеживая процесс поиска через каналы внутренней связи корабля. — Вероятнее всего, они начали очистку и переустановку систем, что закроет проем в защите транспортатора, самое большое через шестьдесят минут.

— А самое меньшее? — мягко спросил Ариос.

— Минимум, за который они могли привести в порядок защиту транспортатора пять минут, — ответил Спок, и трое уцелевших охранников прекратили проверку батарей фазеров и встревожено переглянулись.

— Нам нужно двигаться, — сказал Кирк, подходя к двери помещения. Постоянно двигаться. — Его правая нога, по которой он получил скользящий удар, болела от ступни до паха, там, где не онемела и не ныла от мучительных уколов. Айриен подошла ближе и прислушалась вместе с ним, когда он приложил ухо к двери; интересно, подумал он, много ли услышала маленькая зеленая воительница, и в самом ли деле ее сложные гроздья-лепестки ушей слышали то же самое, что и человеческое ухо.

— Они приближаются. — Спок отсоединил провода от трикодера, и встал, склонив голову и прислушиваясь. — Они в начале прохода. Небольшая группа уровнем ниже нас.

— Гм... — мягко сказал Кирк. — Ариос, куда все же ведет этот трубопровод, и можем ли мы спуститься?

— В любое место, — быстро сказал Ариос. — Это одна из главных линий. Но за этой переборкой прямой откос, и никакой опоры, кроме центральной катушки. — Он оглянулся на Купера и вытянул руку, чтобы дотронуться до ледяной ладони Шимады. — Им нужен антикейн. Домине, вероятно, дали инъекцию, чтобы быстро поставить ее на ноги снова. Но без него они не придут в себя несколько дней, а чувствовать себя хуже собак будут несколько недель.

— Это падение не проблема, — сказала Айриен, возвращаясь странным лягушачьим движением. — Я позабочусь, чтобы твой друг спустился. Не сложнее, чем закинуть мешок муки на высокую ветку.

— Я тоже, — мягко сказал Дартаниан. — Спустя какое-то время мне придется покинуть вас — чтобы меня нашли в соответствующих прискорбных обстоятельствах, понимаете? — но в данный момент...

— Не смей, — фыркнула Айриен. — У тебя у самого будет достаточно сложностей при спуске в этот тоннель.

— Капитан, — позвал Спок с того места, где прислушивался к двери.

Кирк сгреб фазеры Вольфмана и Купера, проходя мимо, хотя знал, что зарядов в них осталось немного.

Проход, спрятанный в огромном пространстве диска "Саваша", вился и изгибался.

Кирк взлетел по двум пролетам лестницы, перепрыгивая по две-три ступени за раз, пригнулся у поворота и выстрелил вверх, когда за поворотом над его головой появились Варос и команда охранников. Как только они открыли ответный огонь, он нырнул обратно, услышав в то же самое время, как внизу эхом отдается звук многочисленных выстрелов. Света в лестничном колодце было немного, четверть мощности, а то и меньше; он знал, что будь этот колодец в проходе такой же ширины, как на "Энтерпрайзе", ему бы никогда его не защитить. Но в таком эти охранники, опытные бойцы, были задержаны.

Последовал очередной торопливый обмен выстрелами, затем все затихло.

И тут его хлестнула боль, боль и сдавление в груди, все это обжигало, туманило и вызывало тошноту. Он хватал ртом воздух и слышал шаги над головой, заставляя себя свернуть за угол и снова открыть огонь, хотя любое движение вызывало ощущение, что его грудная клетка дробится на части. Это иллюзия, сказал он себе. Или что-то вроде этого, что-то навязанное извне...

Боль пронзала пах и кишки; он свернул за угол, снова выстрелил и услышал стук падающего тела, которое скатилось вниз в его сторону. Когда он снова пригнулся к углу и нанес еще один мощный оглушающий удар по охраннику, который скатился и замер почти у его ног, выстрел отдался в плечо. От боли его затошнило и он проклял Джермин Маккеннон, эту очаровательную, хрупкую рыжеволосую леди, которая напоминала ему Рут, с трудом проясняя мысли и взгляд от мрака, который словно наползал из всех углов...

— Держись, — прошептал ему на ухо голос Ариоса.

Боль уменьшилась. Разум Кирка был в таком замешательстве, что ему пришлось протянуть руку назад и ощутить плечо Мастера, прежде чем он полностью удостоверился, что с ним в проходе был человек, а не просто проекция его голоса или воли...

Чуть погодя, запинаящимся голосом, словно он говорил, полностью сосредоточившись, Ариос продолжил: — Она использует лестничный колодец как резонатор. Дартаниан...забрал Спока с...

Снизу раздалось шипение нескольких фазеров, двух или трех разом. Кирк снова заглянул за угол и послал несколько обжигающих импульсов вверх, прикрывая Ариоса, пока тот добрался до охранников и освободил их от оружия и коммуникаторов.

В нападении возникла еще одна пауза, и Кирк, чья правая нога почти онемела, нащупал за поясом собственный коммуникатор и сказал: — Мистер Кайл? Вы уже представляете, когда будет возможна транспортиция?

Спок сказал, максимум шестьдесят минут, а это значит, что на самом деле перенастройка систем исправит блокировку защиты за полчаса, а то и меньше, и они останутся на "Саваши". А это значит (Немо там или не Немо, фазеры или не фазеры), что его пленение...и все, что Маккеннон захочет узнать о направлении корабля йонов...все это будет лишь вопросом времени.

Под напряжением в голосе Кайла слышалось извинение. — Мы работаем над этим, капитан.

— Ты видела эти лица? — Голос Лао в полумраке резервного мостика был чуть громче шепота, а лицо в слабом отблеске красных огоньков пульта взмокло от пота. Кристина и сама чувствовала, как ее спина и затылок покрылись испариной от тошнотворного ожидания, когда же вырвется вспышка и вой фазерного склада, от вопросов, будет ли это больно, и (если она умрет сразу), будет ли иметь значение эта боль.

— Ариос. Купер, — продолжал юноша. — Их глаза, которые не верят ничему. Глаза, которые не распахиываются от восторга, потому что они узнали — все, что они видят, может оказаться ловушкой.

Он обвел рукой отсек управления, молчащие экраны, пустые окна в никуда. Я поступил в Академию, я вступил в Звездный Флот, думая...что все вокруг это чудо. Все это ново и прекрасно. Как это там говорит капитан? Где не ступала нога человека. Где не ступала нога человека, — шепотом повторил он. — А сейчас все это будет не так, пока...пока кто-то их не остановит. Остановит, прежде чем они начали. Я это делаю не только ради Ариоса и

остальных, я это делаю...для всех, Крис. Можешь ты это понять?

— А что еще ты останавливаешь? — резонно спросила Чейпл. — Да, Консилиум это один путь, выходящий с этого корабля. А остальные? Возможно, тот, что останавливает Консилиум после столь разрушительной чумы; после открытия псионного прыжка. Ты не знаешь...

— Знаю! — возразил Лао. — Я вижу, что важнее, и я...Что это? — Он развернулся, подняв голову, прислушиваясь, и у Чейпл сердце забилось в груди сильнее при мысли Начинаясь...

Тишина была похожа на смерть, на мрак. Никто не дышал.

Потом, чуть погодя, Лао набрал коды на панели Центрального Компьютера, все еще целясь фазером в нее и не спуская глаз, за исключением тех моментов, когда нужно было проверить данные. Она видела, как его пальцы нащупывают клавиши, нажимают по "эскейп", набирают коды снова...

— Зиминг, ты устал...-мягко сказала она, поражаясь, что может контролировать голос. — Ты не думаешь...

— Я знаю, что делаю! — выкрикнул он ей. Он остановился, тяжело дыша, и фазер в его руке дрожал. Более мягко он сказал: — Прошло уже больше двух часов. Что они делают так долго?

— Насколько прочны структурные конструкции этих лестниц?

Ощущения удушья, тошноты и боли у Кирка не прошли; он чувствовал, как они медленно растут, медленно приближаются к нему снова, хотя не был в этом уверен. Его как тисками сжало ощущение, что к нему приближается странная лихорадка, ужасная и запутанная, как в тот раз, когда он слег с речной лихорадкой на Айакчесе II; суставы болели, а перед глазами словно то появлялись, то таяли клочья темноты. От боли в руке и ноге, куда попал фазер, почти перехватывало дыхание. Это было на самом деле или тоже иллюзия?

— Вполне прочны, — сказал Ариос, который молчал около пяти минут. — Огнем фазеров вы ее не расплавите, если вы подумали именно об этом.

— А перезаряженный фазер мог бы с ними справиться?

— Полностью заряженный, — быстро ответил Ариос. — Если меньше тридцати процентов, я не уверен.

Кирк немного подумал. Наверху не было явного движения, но он чувствовал, как усиливается боль, и знал, что это всего лишь вопрос времени.

Вопрос времени. Как и повторное отключение защиты.

— Вы связаны с Дартанианом?

Мастер кивнул.

— Я видел, как вы создаете небольшие иллюзии. Старшина в зале для боулинга сказал, что вы вызвали образ его друга, чтобы его обезвредить. А здесь можно сделать иллюзию?

— Маккеннон смогла бы видеть сквозь нее весьма быстро.

— Мне нужно всего пара минут. Велите Споку установить один из фазеров на полную мощность и по моей команде сбросить на войска с его стороны. Я сделаю то же самое здесь. Вы с Дартанианом можете создать иллюзию, что взрыв намного сильнее, чем на самом деле, а повреждений больше, и удерживать ее столько времени, чтобы мы успели забраться в тоннель и спуститься? По крайней мере, чтобы они не знали, куда мы пропали?

Странно было просить о таком. Не можешь ли ты наложить заклятье...? Ариос был из рода фей, которого вырастили, чтобы он использовал свои силы в смертоносной игре; его создали люди, которых он теперь хотел уничтожить.

— Думаю, да, — сказал Ариос. Он ненадолго закрыл глаза и тотчас же боль и удушье усилились. Он как будто уже заканчивал, и острые смуглые черты лица прорезали морщины утомления, побежал пот, как и по лицу и жесткой от крови форме самого Кирка. Интересно, подумал Кирк, а Дартаниан тоже охвачен таким же изнеможением?

— Готово, — прошептал Ариос. — Айриен говорит, что последние из них спускаются в шахту...говорит, темное место. Жарко и рядом шумят машины. Много укрытий. Как

скажете.

— Прикрывайте нас как можно дольше, — мягко сказал Кирк. — Вы с Дартанианом спускаетесь первыми. За вами Спок. Я иду последним. По крайней мере, меня они убить не могут, раз уж я оказываю влияние на того с "Энтерпрайза", кто положит начало Консилиуму. И я к тому же чертовски уверен, что не знаю координат Бригадуна.

— Они не могут вас убить, — мягко сказал Ариос. — Но если они вас схватят, возможно, мы никогда не сможем доверять вам снова. Так что пусть этого не случится. — В следующее мгновение он замолчал, сосредоточившись на чем-то внутри себя. Затем сказал: — Готово.

Рука Кирка не дрогнула, когда он прикинул последовательность событий, по существу повторяющих то, что кто-то (Кто, интересно? мрачно подумал он) сделал с самим "Энтерпрайзом": создание свалки и блокировка возможности ее разобрать. Фазер издал высокий, пронзительный и злобный свист; Кирк считал: три...два...один! и бросил.

И развернувшись, нырнул под лестницу.

Даже притом, что у фазеров было всего двадцать процентов мощности, от удара узкое пространство коридора содрогнулось, и горячий воздух швырнул его на дверь склада, выбивая кислород из легких. Он видел Спока и приземистую желтую фигуру Дартаниана впереди, видел, как Дартаниан ловко раскачивается в люке тоннеля, который казался слишком маленьким для его дородного тела, напоминая разноцветных денебианских болбозов, втискивающихся в невероятно маленькие дыры. Вспышка света в тоннеле за спиной казалась огромной, и глянув назад, он увидел в начале лестницы Вароса, внизу — охранников, увидел мешанину разорванного металла, болтающиеся клочья пластикового покрытия, провалы темноты там, где были целиком вырваны опоры, заметил пламя, лижущее полурасплавленный пластик и закручивающееся вонючими струйками дыма.

Потом он с грохотом захлопнул дверь и бросился к тоннелю, захватив на ходу крышку люка. Он запер ее за собой, хотя знал, что в помещении темно. Теперь не осталось больше признаков, что тут прятались, что кто-то сюда заходил. Интересно, подумал он, нет ли здесь каких-либо доказательств — липких брызг крови с его рукавов, шелковистых нитей желтого или зеленого меха, зацепившегося за люк...

Но времени интересоваться не было.

Тоннель, как Ариос и обещал, спускался отвесно вниз на полтора метра. Обшивка, которая окружала пучки проводов, была достаточно прочна, чтобы выдержать его вес, когда он сходил вниз, как по канату во мраке. Квадратная шахта была узкой, так что при спуске он обдирал плечи, в ней остро пахло изоляцией и плесенью, которая собиралась в паровых заслонах вентиляционных фильтров — от мельчайших бактерий человеческих легких и человеческого дыхания, пыли с человеческой одежды и человеческой обуви. Правая рука у него до сих пор была слаба, так что почти весь его вес, когда он направлялся вниз, приняла на себя левая. Тут и там на стенах были грязные пятна. Отпечатки (или иллюзии отпечатков), оставленные одним из йонов, чтобы вести его.

Боковой воздуховод. Долгое ползание в пахнущей затхлостью тьме, шебуршание паразитов вдоль проводов. Даже за двести лет, подумал он, не удалось истребить этих вредителей-путешественников.

Впереди стало теплее, появилась смутная пульсация красного света.

И чуждый запах, от которого у него волосы встали дыбом на затылке.

— Посмотрите. — Когда он вышел из проема в алую духоту помещения, Ариос коснулся его плеча. Повсюду виднелись лабиринты катушек и баков, уплотненные тенями; из мрака на потолке свешивались петли кабелей, отражая кровавый свет люминесцентных панелей (отчего они становились похожими на мерцающие тела змей) и снова уходя во тьму. Все вокруг влажно блестело, и когда Кирк дотронулся до стены, она оказалась липкой от смолы. Мысленно он снова увидел, как со щупалец, что змеились с разодранного потолка, капало что-то похожее на янтарное масло. Мысленно он снова вдыхал ужасающую едкость кошмаров и крови.

— Мы не можем тут оставаться.

Трое держащихся на ногах сотрудников выразили свое согласие, стоя на коленях над телами Купера и Шимады. Даже Скотти, отметил Кирк, оглядывая странные формы и неяркое горение огней на пультах управления, остался на месте, а не бродил вокруг, как сделал бы в каком-либо другом машинном отделении на другом корабле.

Это не машинное отделение, подумал он. Но это было сердцем корабля.

Сквозь болтающуюся завесу из шлангов он видел плексовый пузырь, в котором притаилось нечто вроде кушетки, созданной для человека. Этот пузырь стоял перед овальной пастью мрака, похожей на крысиную нору или пещеру; по бокам она была покрыта коркой из засохшей смолы и еще чего-то коричневого, похожего на пятна крови. Пузырь был покрыт еще большим количеством сгустков смолы.

Во мраке что-то влажно шевелилось, виднелся чешуйчатый блеск движущихся щупалец, движущейся плоти. Затем это появилось, с таким движением, словно оно раскрутилось: яггхорт "Саваши", безглазый, паутинообразный, мерцающий во мраке, как огромный кальмар, выбравшийся из своего логова, привлеченный шепотом пищи.

Глава 17.

— Мистер Сулу, вы можете оценить, сколько времени пройдет, прежде чем проблема с транспортатором будет разрешена?

Когда Кирк спрашивал об этом раньше, на заднем фоне Сулу слышал злое потрескивание фазерного огня, намеки на движение, на закрытие крышек. Теперь единственное, что он слышал, это смутный гул машин и изредка что-то вроде змеиного шипения. Капитан говорил тихо. Больше не раздавалось ни звука.

Почему-то это было хуже, чем шум сражения.

— От десяти до пятнадцати минут, капитан. — Сулу тоже говорил негромко. Со своего места в коридоре за резервным мостиком он мог видеть запасной компьютерный отсек и носовую перегородку корабля, где из служебного люка виднелись ноги Миллера. Мейнут стоял рядом на коленях, нагнувшись над починенным терминалом. Как раз перед вызовом Кирка очкастый физик подал ему знак, что на складах осталось только тридцать процентов мощности фазеров.

В коридоре впереди, за пределами слышимости, ДеСолл обменялся несколькими словами с одним из своих сотрудников. Доктор Маккой что-то буркнул в ответ. ДеСолл пошел к двери компьютерного отдела и подал знак группе офицеров около аварийной двери резервного мостика быть готовыми взломать ее, как только уровень мощности упадет ниже критического — или к тому, что могло случиться нечто, что, возможно, убедит человека внутри, что игра закончена.

Сулу знал их по занятиям военным делом: Органа, Баттерфильд, Инчивиглия. Самые быстрые и умелые у ДеСолла, лучшие стрелки, если придется силой выбивать Лао от пульта управления оружием.

Из коммуникатора раздался чуть напряженный голос Кирка: — Мистер Спок просит напомнить вам, что "Саваши" подвергается переналадке всех систем, что ликвидирует нашу блокировку их транспортатора, и степень вероятности этого все время увеличивается. — Он все еще не повышал голос, как будто боялся, что его услышат. Возможно, подумал Сулу, так и есть.

На заднем плане опять что-то зашипело.

— Я все это делаю ради Квикса.

После долгого молчания Лао поднял голову. Хотя он долго стоял, склонившись над пультом центрального компьютера, просматривая экран за экраном, зеленые и оранжевые огоньки которых бежали по его лицу, он не был настолько этим поглощен или настолько устал, чтобы потерять представление о том, что творится вокруг. Как только Чейпл, чьи плечи болели от напряжения, пошевелилась, чтобы сменить позу, он развернулся к ней с

фазером наизготовку и глазами как у загнанной в угол пантеры.

Забрать у него фазер, подумала она, нет никакой возможности.

— Квикс...он из тех пяти сотых процента, понимаешь? — продолжил он далеким голосом, как будто считывая слова из разума или откуда-то еще. — Большинству вроде него — с ними что-то можно сделать еще до рождения. Инъекции ферментов. Стимулирующая терапия в детстве. Имплантация мозговых запоминающих устройств. Но с этими пятью сотыми процента до сих пор ничего нельзя сделать.

— Пока что, — мягко сказала Чейпл, и Лао горько рассмеялся.

— Пока что, — эхом повторил он. — Пока. Он как-то спросил маму, почему я умнее, если он старше. Почему я могу идти в космос, а он вынужден учиться, как пользоваться стиральной машиной. Он сказал, что хочет отправиться в космос со мной. — Он покачал головой, пытаясь сбежать от воспоминаний. Сбежать от чувства вины за то, что он — четырнадцатилетний гений, на которого взвалили заботу о двадцатидвухлетнем мужчине, чей разум навсегда останется разумом ребенка семи лет.

Его тяжелый вздох показался Чейпл жутким усилием ослабить не только грудную клетку, но и какие-то оковы на сердце.

— Их нужно остановить, Крис. — Его лицо исказила какая-то боль. — Если бы я знал, что это займет так много времени, я бы просто соединил провода сам.

— Процент полного восстановления приближается к семидесяти двум, — мягко сообщил Спок.

В красноватом мраке впереди яггхорт "Саваша" качнул бесформенной головой, его хрупкие чувствительные крылья шевелились, словно от течения воды. Кирк, расплюснутый на изогнутом боку резервуара, за который остальные оттащили раненых, переложил в руку добытый фазер — настроив на максимальный уровень.

— А в этих отсеках есть сенсоры? — прошептал он Ариосу. — Если их отсечь, это сможет помешать им найти нас?

Ариос покачал головой. — Да, сенсоры тут есть, но они найдут нас и без них. Пока мы тут, никто не собирается нападать.

Интересно, подумал он, есть ли на корабле более глубокое место, куда пойти. Есть ли еще куда бежать, кроме этого места.

Тьма внутри пасти пещеры снова задвигалась, как будто там распутывался клубок змей. Первой мыслью Кирка, когда сердце застряло в горле от ужаса, было что яггхорт "Саваша" размножился. Теперь их там было два.

Ариос прошептал: — Немо...

Почти вся кровь, что пятнала кожу более крупного яггхорта, пропала, но ее запах остался, густой и отвратительный в спертом воздухе комнаты. Немо, похожий на неопрятную змею, шевельнул своей головой со шупальцами, слегка ударяя яггхорта "Саваша" одним из усыпанных когтями ртов. Другой яггхорт нервно дернулся в сторону и куснул его в ответ ртом, похожим на горсть бритвенных лезвий. Кирк глотнул, борясь с тошнотой, но Спок рядом с ним прошептал: — Любопытно. На "Наутилусе" я наблюдал, как Немо занимался такой же игрой-кусанием с Адайей.

Кирк вспомнил загнутые ногти Каресы и шрамы на руках и ладонях Шарнаса.

Сверху, с металлической лестницы доносилось мягкое бряцание, смутные разговоры. Яггхорт "Саваша" нагнул голову, зашипел, снова повернулся в сторону группы с "Энтерпрайза" и Кирк заметил горячие брызги фазерного огня по ту сторону двери.

— Последовательность для транспортировки, — тихо сказал он в коммуникатор. — Ариос, Купер, йонка Айриен, Шимада... — Он бросил взгляд на затененное пространство, и в глазах Цимруса Дартаниана странно отразились крошечные зеленые огоньки, когда тот подошел к Споку, наблюдая, как цифры на починенном экране трикодера меняли цвет с зеленого на янтарный.

— Дедушка? — мягко сказала Айриен, и ее мех и одежды пришли в движение, когда она сжала две из его рук. — Ты не пойдешь с нами?

Старый йон приложил руку к ее лицу. — В целом, дитя мое, я думаю, что я и мои друзья — нанесем намного больше ущерба, если останемся здесь.

— Я позабочусь о ней, — мягко сказал Ариос, и Дартаниан подавил улыбку.

— По-моему, скорее она позаботится о тебе, сынок, — сказал он, и за словами транслятора был слышен мягкий свист его голоса, похожий на плач птицы. Только, если можешь, удержи ее от самоубийства, пока не пройдет ее ярость. Через триста лет, когда вы найдете потомков нашей расы на Бригадуне и будете с ними говорить, она будет свидетелем того, что ты скажешь.

Айриен открыла рот, ее желтые глаза наполнились внезапной виной, и ее дедушка криво улыбнулся. — И в самом деле, дитя мое, — сказал он — ей одной, но транслятор все равно уловил это, — ты и в самом деле можешь представить, как я прыгаю с пистолетами в трех руках и зажженным факелом в четвертой? А теперь мне нужно уйти и подготовиться к собственной роли на этом маленьком маскараде.

Ариос вздрогнул и приложил руку к виску. Тотчас же Кирк ощутил волну головокружения, которая прошла над ним и отступила — но не полностью. В огромном помещении с густыми тенями и липкой от смолы техникой и так было жарко, а теперь казалось, что жар сконденсировался вокруг него, высушивая воздух в легких, а позади него задохнулся от боли один из краснорубашечников.

— Спок, — мягко сказал Кирк. — Вы в первой партии телепортирующихся. Что бы ни случилось, корабль должен быть между "Саваши" и "Наутилусом"...

— Ясно, капитан, — ответил Спок. — С другой стороны, поскольку их компьютер к данному моменту восстановил восемьдесят процентов функций, я считаю своим долгом указать, что весьма высока вероятность того, что телепортироваться не сможет вообще никто.

— Спок, — сказал Ариос, чье дыхание было затруднено от усилий прервать псионный резонанс, который почти осязаемо сгущался в комнате, — а вы и в самом деле зануда, вы это знаете?

Яггхорт "Саваши" нагнул голову, направив все сенсоры в сторону двери и пристально вслушался в какой-то голос за дверью.

Резкий хлопок короткого замыкания трудно было с чем-то спутать, даже через стены; яростное шипение и приглушенный вскрик человека. Лао дернулся, как будто ток прошел через его собственное тело. — Что это? — крикнул он, а потом бросился к монитору подсистем, ударом включая изображение.

Первой, ослепляющей мыслью Чейпл было Это он, это транспортатор..., даже когда за плечом юноши она увидела экран внутренней связи, изображение энсина Миллера, который выбирался из сервисного люка в путанице кабелей и разрядов, заработавший экран монитора.

В следующую секунду она подумала Он отошел от панели вооружения. Еще не dokonчив эту мысль, она уже была на ногах и тигрицей бросилась к нему, отключившись от всего, кроме этой широкой золотой спины мужчины, который разворачивался к ней с фазером в руке...

— Вперед! — выкрикнул Сулу.

Чейпл даже не слышала, как открылся дверной проем, но Лао услышал и повернул голову в ту сторону как раз когда Чейпл натолкнулась на его руку с оружием. Он уже нажал на курок, ее охватил ореол выстрела и ледяная пустота в груди и коленях растаяла. Где-то она слышала крики и жужжание фазеров, установленных на оглушение, но все это было таким бессмысленным по сравнению с этим ужасающим давлением, которое она ощущала, с этим ужасающим светом...

С легким скрипящим хныканьем двери машинного отделения открылись, выбросив лоскут золотого света. Яггхорт "Саваши" тяжело, по-змеиному зашипел, повернул голову, и движением, которое казалось каком-то жутким эхом, ромуланка Кареса юркнула сквозь раскаленную металлическую дверь и остановилась в начале лестницы, качая головой из

стороны в сторону. Ее темные глаза были абсолютно пусты.

Чуть погода она тоже открыла рот и зашипела.

Кирк прижался к баку, держа фазер наготове. Позади покачивающейся ромуланки на лестнице появилась гибкая тень Джермин Маккеннон, капитан Вароса с холодным, как камень, лицом и неторопливым, внимательный ряд охранников, которые спрыгнули с платформы через ограду и чуть слышно разошлись в обоих направлениях.

— Что бы ты ни делал, — тихо сказал Ариос, — не стреляй в эмпата. Мы не можем...

Его слова были оборваны легким электронным жужжанием и у лица Кирк ощутил внезапный свист и движение воздуха от мгновенного вакуума. Он услышал, как один из работников службы безопасности сказал: — Удачи, ребята! — а мистер Скотт добавил: — Слава Богу!

Кирк отошел в тень, готовясь к транспортиции, и отметил, что когда он это сделал, Немо тоже пропал — по-видимому, вернулся на "Наутилус", как только понял, что его птенцы вне опасности. Маккеннон как будто вздрогнула, а затем сказала: — Взять их.

Кирк нырнул за бак, когда металл загудел от выстрела фазера, выстрелил в ответ, задаваясь вопросом, ощутила ли ромуланка Кареса, что яггхорт против них, когда Немо сбежал из-под власти Маккеннон. Задаваясь вопросом, сколько времени пройдет, прежде чем Кайл введет координаты заново. Давай же, думал он, когда головная боль и удушье, которые нарастали в груди с тех пор, как Ариос пропал, усилились невыносимо. Давай же, Спок сказал, что программы починены на восемьдесят процентов, время уходит...

Скотт и двое краснорубашечников сгрудились рядом, стараясь поддерживать заграждающий огонь, когда к ним приближались охранники. Душная темнота между баками была похожа на резонирующие колонны проходов "Энтерпрайза", на вентиляционные шахты, где Ариосу удалось установить защиту из психических помех. Кирк щелчком открыл коммуникатор и в отчаянии сказал: — Мистер Кайл? Что за...

— Защита их транспортного вновь поднята, капитан, — с ужасом в голосе сказал начальник отдела транспортиции. — Мы не можем пробиться.

— Телепортируйте Ариоса и его экипаж на "Наутилус" и велите им выбираться отсюда, — сказал Кирк. — Мистер Спок...

— Да, капитан. — Разумеется, Спок еще оставался в транспортаторном отсеке.

Кирк чуть вздрогнул, когда что-то пробормотал от боли мистер Скотт и, повернув голову, увидел, что главный инженер без сознания сполз на пол.

— Пусть "Энтерпрайз" находится на линии огня между "Наутилусом" и "Саваши", пока "Наутилус" не уйдет в туманность Перекресток и в здешнюю аномалию. И если...

Он обернулся, когда один из краснорубашечников выругался. Мужчина вцепился в онемевшую руку, хватая воздух от боли, а в красном зареве машинного отсека Кирк увидел, как сжимается кольцо охранников: одинаковых, безукоризненных, с мертвыми глазами.

И подчиняющихся воле Макеннон. Думающих только о том, о чем она позволяла им думать.

— Когда мы вернемся на борт, Спок, я хочу, чтобы вы были готовы к слиянию разумов со мной и, возможно, со всеми, кто еще остался здесь, даже вопреки моему прямому приказу. Если сочтете необходимым, настоящим я поручаю вам отстранить меня от командования и поместить в одиночную камеру на гауптвахте до конца миссии. Ясно?

— Ясно, капитан, — мягко сказал Спок.

— Мы удержим их, сколько сможем. Конец связи.

Он щелчком закрыл коммуникатор, и боль в голове вдруг просто ослепила его. Неудивительно, что Скотт не смог удержаться тут, в этой идеальной мышеловке, если в черепе у него так стучало и было ощущение, что вот-вот задохнешься. Он, шатаясь, пошел к узкой щели между баками, нащупывая фазер руками, которыми сейчас едва мог пошевелить.

Красный свет в комнате словно сгустился до кровавого, а перед глазами все посерело. Он знал, что тут есть яггхорт, который неподвижно припал к земле между опутанным смолой отверстием своей пещеры и пузырем, где во время псионного прыжка спала Кареса.

Знал, что тут и сама Кареса, такая же притихшая, и что на лице ее застыло выражение, лишь отдаленно напоминающее человеческое.

На ступенях рядом с ней стояла Маккеннон, в заостренных, детских чертах лица которой появилось выражение самодовольного триумфа, а рядом с ней капитан Варос — всего лишь тень в дверном проеме, со смуглым лицом, словно сделанным из обожженной кожи, а в глазах — алый огонек утраты, вины и горькой ненависти.

Нужны были усилия, чтобы втянуть достаточно воздуха, чтобы остаться в сознании, остаться стоять...

Когда охранники бросились вперед, как волки на умирающего оленя, он обнаружил, что может только наблюдать за ними со странным, пустым равнодушием сквозь пелену и покровы боли. Рука не отвечала на команду — фазер выскользнул из пальцев, когда у него подогнулись колени.

Он подумал: А теперь, похоже, я выясню, сколько смогу продержаться против нее...

Головная боль прекратилась. Он снова ощутил кислород в крови, в мозгу, когда охранники вздернули его на ноги. Это было похоже на внезапную тишину после шума, который он даже не вполне замечал.

Большинство из них вытаскивали из-за баков остальных краснорубашечников, выволакивали из укрытия вялое тело Скотти. Даже в бессознательном состоянии тот сохранял слабое, отчаянное выражение боли.

Маккеннон медленно сошла со ступеней, и длинное, идеально сидящее одеяние, которое было на ней, взвилось вокруг подобно черному шелковому цветку. Если бы его не поддерживали охранники, подумал Кирк, он бы свалился в обморок, но отчаянно боролся, чтобы не потерять сознания, поскольку ему нужно было пробиться к шлюзовой палубе и он знал, что не должен сдаваться. Зеленые глаза встретились с его взглядом и словно заглянув в колодец с холодной водой, настолько прозрачной, что можно увидеть его до самого дна, он понял — все, что рассказал ему об этой женщине Ариос — правда.

Из темноты среди баков охранники вытащили Цимруса Дартаниана, чьи руки были связаны самодельной уздой из провода. Старый йон жалобно всхлипывал, пока его развязывали: — Моя внучка! Моя любимая Айриен! Они забрали ее на маленький кораблик, увезли далеко отсюда!

Маккеннон вышла вперед и мягко положила руку на склоненную шелковистую голову. Ее губы напряглись, ноздри побелели, а глаза сузились от бешеной ярости.

— Моя госпожа, — шептал Дартаниан, чей голос трепетал от пафоса, — моя госпожа, они причинили мне боль...

— И они заплатят, — сказала Маккеннон с ядовитой мягкостью в голосе. — Они заплатят.

Но не за то, подумал Кирк, что причинили боль существу, которое Маккеннон считала своим союзником. Ариос платил бы — или она попыталась бы заставить Ариоса заплатить — за то, что перечил Джермин Маккеннон.

За дверью чирикнула линия связи. Маккеннон повернулась и сделала шаг, чтобы дотронуться до квадратной, ярко окрашенной панели, а в это время к Кирку подошли два охранника и завели ему руки за спину, закрепив их чем-то гибким, без швов, похожим на кусок веревки. Кареса спустилась с лестницы и встала рядом с яггхортом, и с чувством болезненного ужаса Кирк увидел, что яггхорт и в самом деле играет в эту игру-кусание, пощипывая и покусывая руки и нос женщины.

А Кареса, откинув назад седеющую гриву волос, пощипывает и покусывает в ответ.

Неужели это случится с Шарнасом? — спросил себя Кирк. Неужели он будет медленно погружаться в разум этого создания, с которым связан и обучался с самого раннего детства, становясь все менее и менее похожим на человека, до тех пор, пока не сможет общаться только с этим странным партнером-эмпатом? До тех пор, пока в его жизни не останется ничего, кроме яггхорта и грез о псионном прыжке?

Или это случается с эмпатами, у которых нет друзей-людей?

Голос по линии связи сказал: — "Наутилус" уходит, Домина. Направляется к туманности Перекресток. Расчетное время до аномалии сорок минут. Шаттла не видно.

— Где "Энтерпрайз"?

— Там же, Домина. В поле зрения.

Кирку показалось, что в темноте дверного проема он увидел, как Варос пошевелился и собрался было что-то сказать, но так и не сделал этого.

— Вниз на пять градусов, — холодно сказала Маккеннон. — Готовьтесь открыть огонь. Самый полный.

— Да, Домина.

Кирк взглянул на бессознательную фигуру мистера Скотта, чьи темные брови были до сих пор сведены от боли, потом на Маккеннон. А теперь небольшая проверка... До него дошло, что в суматохе сражения на складе, скольжения по воздуховоду в эту алую преисподнюю, которая была сердцевинной власти Консилиума, он даже не спросил у Скотти, удалось ли ему и вправду справиться со своей задачей в машинном отделении. И если нет...

И если нет, то что? Для него это вообще не будет иметь последствий, по крайней мере, таких, которые он бы запомнил. Немного проследив, они, вероятно, могли даже обнаружить шаттл йонов: засечь их и забрать назад из аномалии. И все будет так, словно ничего не случилось.

Не считая того, что ему в подкорку навсегда будут впечатаны какие-то приказы, какие-то указания Джермин Маккеннон.

Линия связи зачирикала снова. — Домина? — Навигатор пытался это скрыть, но Кирк знал, что это голос сильно напуганного человека. Это тоже о многом говорило. Сулу мог вопить Если что-то случится с кораблем, капитан меня убьет... Но Сулу никогда не думал Капитан причинит мне боль...

— Руль не отвечает, Домина. К двигателям не поступает энергия... Мистер... мистер Джермин в лазарете — они нашли его без сознания в машинном отсеке...

Маккеннон произнесла слово, которого Кирк не слышал с подросткового возраста, когда был в тренировочном лагере.

С зелеными глазами, полными холода и ярости, ибо желаниям ее никогда не перечили, она развернулась и ударила его по лицу.

Кирк улыбнулся.

Она хлестнула его снова, уже сильнее, и по выражению лица он понял, что такова ее привычка в тех случаях, когда она не добивается своего.

— Думаешь, одержал свою маленькую победу? — свирепо сказала она. — Потом ты ничего не вспомнишь, так что говорю тебе сейчас: как только я закончу выдирать из твоих мозгов пункт назначения этого шаттла — и поверь мне, это займет намного больше времени, чем нужно — я инсталирую в мозг такие наборы команд, которые не только заставят тебя работать на благо Консилиума в своем собственном времени, но ты к тому же никогда не сможешь любить снова, никогда не сможешь заниматься с женщиной любовью, никогда не сможешь нормально спать. Это я тебе обещаю.

— Я бы не советовал этого, Госпожа. — Цимрус Дартаниан приподнялся, чтобы вежливо потянуть Маккеннон за руку. — Ничего этого.

Она резко дернула головой, глаза от бешенства стали серо-зеленого оттенка. — И что ты об этом знаешь?

Дартаниан склонил голову, сложил четыре руки, причем выглядел он каким-то образом намного старше и смиреннее, чем когда пробирался по лестнице, чтобы помочь Споку сдерживать нападавших охранников. — Я изучаю это, госпожа. Будущие — все возможные будущие — и все варианты прошлого. Этому и обучались ученые Йондри. Если, как я понимаю, этот человек близок к каким-то точкам пересечения времени — к некоему событию или человеку, которые необходимы для вашего существования — любое вмешательство в его разум (в том виде, как он существует), любое, что бы это ни было, даже вопрос ему или легчайшее изменение в процессе принятия решений, может уничтожить все,

чего вы стремитесь достигнуть.

— Даже если его просто запрограммировать на... — Она заколебалась.

— Запрограммировать на что, Домина? — спросил ученый. — Мы не знаем — никто не знает — что именно приводит к принятию решения. Отчего события развиваются именно этим путем, а не другим. Отчего мужчина поворачивает направо, а не налево, именно тогда, когда это нужно; отчего женщина говорит да, а не нет; отчего ребенок смеется над чем-то, а не убегает прочь в страхе. Если мы не открыли космические полеты, это не значит, что мы не изучали теорию хаоса. Если вы планируете войти дважды в одну и ту же реку, лучше не делать ничего, что бы могло изменить, даже совсем немного, течение или структуру потока.

Маккеннон уставилась на Кирка взглядом, который мог бы заморозить ртуть.

— Пусть лучше шаттл сейчас уходит, моя госпожа, — мягко сказал Дартаниан. — Мои введенные в заблуждение друзья говорили о звездах, которые являются их целью. С картами я могу найти их и в вашем времени. Но без приборов, без оборудования, без инструментов для обучения и устройств для выживания, даже если они доберутся до цели, я не понимаю, как они выживут.

Она резко развернулась, махнув рукой в сторону мистера Скотта. — Дайте ему инъекцию антикейна, — приказала она одному из охранников. — Я так понимаю, — ядовито добавила она, — вы прикажете ему исправить те повреждения, которые он нанес, хотя бы для того, чтобы мы тоже смогли вернуться через аномалию?

— Хотя бы для этого, — вежливо сказал Кирк.

Он подумал, что Маккеннон ударит его по лицу. Но она только повернулась на пятках и гордо направилась к лестнице; видение белой кожи, черного шелка и волос цвета тлеющих углей. Она явно не заметила молчаливой фигуры капитана Вароса, который все еще тенью застыл в дверном проеме, наблюдая за ней, пока она не скрылась из вида.

Тогда Кирк видел ее в последний раз.

Мистер Скотт проводил время за починкой двигателей "Саваши". — Не хотелось бы сделать эту работенку кое как, глядя, как они собираются возвращаться через эту аномалию. Если верить мастеру...гм, капитану Ариосу...там корабли здорово трясет в энергетических полях.

Он говорил это Кирку, мистеру Паланюку, помощнику инженера и двум охранникам с равнодушными глазами, которые стояли на страже, пока он работал. Не то чтобы они или мистер Паланюк, имели хоть какое-то представление, верно чинятся машины или нет. Вследствие краткости путешествий при помощи псионного прыжка инженер был низведен чуть ли не до положения сторожа, отвечающего за рудиментарные импульсные двигатели и ворп-механизм, которые были нужны только для того, чтобы доставить корабль от одной точки прыжка до другой.

Паланюк уже пытался вникнуть в изящный, со вкусом сделанный хаос, который создал Скотт, и проделал в этом направлении значительную работу. Но корабль все еще не сдвинулся ни на градус. На небольшом экранчике машинного отсека Кирк видел исчезающее желтое зарево ворп-двигателя "Наутилуса", похожее на крошечную звездочку в центре треугольного окна, ограниченного инженерным корпусом и гондолами "Энтерпрайза". Глядя на неспешно введенные данные, наблюдая за работой Скотта, он заметил отцифрованное изображение трех кораблей, которые уверенно направлялись по курсу, который заканчивался как раз в самом центре туманности Перекресток.

Несмотря на мучительное онемение, которым все еще была охвачена его правая нога и правое плечо — в приливе злобы Маккеннон запретила медикам давать ему антикейн — у Кирка было ощущение хорошо сделанной работы.

Мистер Скотт все еще работал над двигателями, когда на небольшую верхнюю палубу вышли Цимрус Дартаниан и капитан Варос.

Кирк встал, встревоженный присутствием ромуланского капитана. Он удостоверился, что старшина Чавез, Ватанабе и Вольфман, оставшиеся сотрудники службы безопасности, не пропали из вида, пока они тут в плену. Ватанабе дали немного антикейна, так что его

пошатывало и он был несколько неловок, но боли больше не чувствовал. Чавез торчал поблизости, готовый отразить любую попытку разъединить их. Но никто не пытался.

Вперед вышел Дартаниан, он склонил голову и заговорил мягким свистящим голосом, который плавно преобразовывался транслятором в слова, принимающие привычную форму.

— Капитан Кирк, — сказал он. Его небо не могло сформировать твердое "К" и звук был похож на какой-то жужжащий всхлип. — Домина Маккеннон согласилась, что любая попытка даже в малейшей степени повлиять на вопросы, связанные с этой ветвью потока времени, была бы чрезвычайно опрометчива. В то же самое время мы понимаем, что вмешательство уже произошло — значительное вмешательство. Надежда и отчаяние — это такие же движущие силы, как и все остальные; знание — тоже движущая сила.

Домина Маккеннон уже рассказала вам о методах, с помощью которых ваших людей можно заставить забыть о том, что случилось. Нам, йонам, ученым, которые занимались исцелением разума, эти методы тоже известны. И я думаю, что для всех будет лучше, если мы с друзьями пройдем на ваш корабль и удалим это из сознания вашего экипажа — разумеется, удалим все, что произошло с того момента, как на ваших дистанционных сканерах появился "Наутилус". Я так понимаю, что мистер Спок сможет сделать то же самое с вашими компьютерами и бортжурналами.

Кирк какое-то время помолчал, вглядываясь в эти круглые янтарные глаза. Он думал о будущем — о возможностях будущего. О благе, которое принес Консилиум, прежде чем обернулся злом; о мире, который был бы спасен и о той аванюре, в которой участвовал в надежде, что эта неряшливая группка мятежников сможет спасти его опять.

О том, почему мужчина повернул налево, а не направо, почему женщина сказала да, а не нет, почему какой-то один ребенок мог рассмеяться над опасностью, а не сбежать в страхе. Стоит только вмешаться, думал он, и все изменится, и кто знает, к чему это приведет?

— Капитан...

Он быстро поднял глаза, всматриваясь в темные, задумчивые глаза ромуланца Вароса.

— Даю вам слово, — сказал Варос с запинкой, словно с трудом подбирая слова, — что эти йоны, эти ученые будут единственными, кто пройдет на ваш корабль; единственными, кто коснется мыслей вашего экипажа. Обещаю, я прослежу за этим.

Варос протянул руку и Кирк встретился взглядом с ожесточенными черными глазами (ненависть в них, возникшая из боли, обернулась долгим, терпеливым холодом). С самого начала Кирк понимал, что это ненависть была нацелена совсем не на него.

— Прощайте, капитан, — тихо сказал он. — Встреча с вами была...почетна. И поучительна.

Он вышел, чтобы подготовить телепортацию Кирка и его группы вместе с последним из Мудрейших Тау Лиры, старым йоном, который ковылял за ним вслед.

У Кирка появилось странное ощущение потери оттого, что он не смог узнать этого человека лучше, в иное время и при иных обстоятельствах. А теперь он даже не вспомнит, что вообще знал его.

На обзорном экране желтая звезда корабля Дилана Ариоса пропала в бесконечных просторах вечности, поглощенная заревом Перекрестка.

Глава 18.

— Тебя хочет видеть мистер Спок, Крис.

Чейпл чуть шевельнула головой, чтобы посмотреть на часы, и легонько вздохнула. Было двадцать один тридцать. Было глупо — и невероятно эгоистично чувствовать боль оттого, что он не пришел раньше, потому что она знала — на корабле произошло что-то очень странное, необъяснимое, и она даже не могла четко вспомнить, что с ней случилось, хотя в глубине души понимала, что чуть не умерла.

Но все же ей было больно.

— Спасибо, Диана. Попроси его войти.

Где-то глубоко, похороненное под лекарствами и болью, было смутное ощущение, что она должна поговорить с энсином Лао о чем-то важном, но о чем, ей было не вспомнить. Ухура сказала ей, что Лао тоже в лазарете — страдает от сильного фазерного удара (источник неизвестен) — и, по-видимому, от последствий расстройства сна и стресса.

Она подумала, что, возможно, что-то случилось с фазерами, но не могла представить, почему, когда это произошло, поблизости оказались только она и Лао.

— Сестра Чейпл.

Он стоял в дверном проеме, яркий свет из коридора очерчивал покатые, чуть сутулые плечи, обтянутые голубым, блестел на гладких черных волосах. Руки за спиной, голова чуть склонена набок — характерная поза. Она вспомнила, как увидела его в первый раз, когда он стоял рядом с мистером Кайлом у пульта транспортного средства, когда она телепортировалась на борт — вспомнила, как их представил друг другу капитан Кирк. Вспомнила, как в первый раз услышала его голос.

Она была слишком поглощена Роджером — своей охотой за человеком, которого любила — чтобы много думать о нем. Но долго это не продлилось.

— Я рад услышать от доктора Маккоя, что вы поправляетесь.

Чейпл кивнула и шевельнулась, чтобы протянуть ему руку, но она слишком устала, чтобы делать так много жестов. В любом случае, как истинный вулканец, Спок стремился избегать физических контактов.

— Я не...не совсем помню, что случилось. — Ее удивило, как громко прозвучал ее голос. Она подозревала, что выглядит устрашающе — изможденная, бледная, похудевшая, на лице отпечатались следы снов, которые она не могла вспомнить, но если и так, он никак это не прокомментировал. В темных глазах был спокойный интерес, сдержанный, нейтральный и чуть отвлеченный, как будто его мысли были заняты какими-то иными проблемами.

Для офицера по науке это естественно, разумеется.

Перед тем, как ответить, он помолчал. — Как и все на корабле, так что никто не ждал, что вы сможете.

— Все...?

— Это была как будто...весьма любопытная и распространенная повсюду...дезориентация. Был ли это результат взрыва фазеров или же некий неизвестный тип радиации, испускаемой звездой Тау Лира, когда она внезапно взорвалась...

— Тау Лира? — Это название царапнуло ее разум — шок и легкий, холодный укол вины. Ей точно что-то снилось...

Спок пристально разглядывал ее с обострившимся интересом. — Пять дней назад звезда Тау Лира вошла в короткую фазу нестабильности ядра, — сказал он. — Сейчас мы на орбите вокруг третьей планеты, забираем артефакты, которые можем найти, той цивилизации.

Он нахмурился, словно его что-то тревожило, и Чейпл охватило безутешное горе. Не было нужды спрашивать, что случилось с цивилизацией, чье светило "вошло в короткую фазу нестабильности ядра".

— Мне снилось... — начала она. Но сон исчез. Только образ сломанной куклы, похожей на лягушку, проплыл перед глазами, а затем канул во мрак, чтобы никогда не вернуться вновь.

— Отмечались...весьма любопытные эффекты, — продолжил мистер Спок. — Из всех корабельных журналов был удален период в пять стандартных дней, на протяжении которого приблизительно половина экипажа может вспомнить лишь обычные, рутинные занятия. К сожалению, если их сравнить, эти истории не согласуются между собой — например, команды по боулингу из инженерного отдела и отдела безопасности обе четко помнят, что выиграли финальный матч турнира. А доктор Мейнугт и несколько техников сообщают о "впечатлении", что один из наших зондов в туманности Перекресток доложил о небольшой

планетной системе в ней, но ни данных, ни координат зонда найти не могут.

Он остался еще на пять-десять минут, беседуя, главным образом, о том, что могло случиться во время так называемого перерыва, и о своих усилиях свести воедино теорию о том, что же имело место за эти пропавшие дни. Чейпл высказала несколько предположений насчет исследования химии мозга и магнитного анализа игровых чипов комнаты отдыха, и ее неловкость оттого, что между ними что-то существует, растаяла без следа; когда она втянулась в это, их разговор оказался одним из лучших за все время их неловкой дружбы.

И когда Спок уже собрался уходить, чтобы встретиться в связи с этим же делом с Кирком, Чейпл все же сказала: — Я знаю, мои логические способности не идут ни в какое сравнение с вашими, мистер Спок, но если у меня возникнет хоть что-то, напоминающее идею, я вам сообщу.

Спок удивленно посмотрел на нее. — Соображения, которые вы высказываете, так же хороши, как и те, что предоставлялись на совещаниях научного отдела, сказал он. — Более того, я всегда считал вас великолепной — особенно вашу работу в качестве студентки Роджера Корби, и по крайней мере, та деятельность, с которой я знаком, это подтверждает.

— Вы читали мои работы с...с Роджером? — Интересно, подумала она, почему ей никогда не приходило в голову, что он мог это сделать.

— Разумеется. — Спок чуть склонил голову. — На мой взгляд, — добавил он медленно, словно вспомнив, что Роджер Корби все еще может быть болезненной для нее темой, — через несколько лет вы бы превзошли его, если бы продолжили свои исследования, а не отказались от них, чтобы найти его.

Она начала говорить Мне было нужно...но не смогла закончить. Я любила его.

Но когда наконец она нашла его (или того андроида, которого он создал как вместилище своего разума и личности), оказалось, что он создал для себя андроида-гейшу, изящную, покорную, эффектную, и, по словам Ухуры, тупую, как деревяшка. И это показывает, устало подумала она, что именно он ищет в женщинах.

Она закрыла глаза и погрузилась в сон.

К некоторому удивлению, она обнаружила, что находится в обзорном холле на десятой палубе. Она была в гражданской одежде, а это значило, что была уже глубокая ночь — она часто ее надевала, чтобы поработать, когда не спалось.

За последние годы было много ночей, когда сон к ней не приходил.

Должно быть, уже поздно, подумала она. Освещение корабля было приглушено, как ночью, мягкий полумрак, подходящий для глубокой ночи и соответствующий циркадианным ритмам мужчин и женщин, которые вынуждены месяцами жить в искусственной окружающей среде. И когда свет был так приглушен, звездные поля по ту сторону кристаллплексовых стен холла как будто заполняли всю комнату, заполняли всю вечность: пылающие алмазы, тонущие в пропастях моря, бархата и огня.

Почему-то она была с юношей-вулканцем.

В обособленном мире своего сна — ибо она знала, что спит — она спросила себя, не Спок ли это в юности, но даже когда она задавалась этим вопросом, она знала, что это просто не Спок.

Он был укутан в серую простыню (сделанную в Звездном Флоте), уродливую, длиной по колено, и носил ее как королевскую мантию, как королевское одеяние. Черные волосы были завязаны в хвост толщиной с ее руку и почти такой же длины, они спускались по середине спины. Он прохаживался, сцепив руки перед собой, держась одной рукой за запястье другой, в такой же отстраненной манере, как и Спок, но в данном случае его сдержанность была не пугающей, она скорее походила на сострадание. Руки были покрыты шрамами и порезами, словно он повздорил с огромным котом.

— Глупо говорить, что я его потерял, — говорил вулканец. Он подошел к окну; Кристина направилась за ним и увидела в окне, как в океанических глубинах ночи по левому борту, чуть ниже их корабля в самом темном мраке зависло нечто огромное, не отражающее свет. — Мы в ментальном контакте, но это не одно и то же. — Его губ коснулась кривая

улыбка. — И несомненно, с моей стороны нелогично беспокоиться о Немо так, как он беспокоится обо мне. Но в таком случае нелогичность — основа эмпатии.

— Правда? — спросила Кристина. Она чувствовала, что должна знать, кто такой Немо; чувствовала, более того, его слова должны были ее шокировать, привести в замешательство. Интересно, что в этом Немо такого? Кто-то ей говорил в свое время, кто это, и тогда она ужаснулась.

— Конечно. — Вулканец глянул на нее через плечо. — По крайней мере, эмпатии с кем-то, кроме другого вулканца. Нас учат ясно мыслить и ставить голос разума превыше болтовни сердца. Эмпатия это допуск в мир партнера, это погружение в его душу и грезы, чем бы они ни были. Для вулканцев это нелегко. В итоге узнаешь больше, чем хотелось бы. Часто чувствуешь себя...опозоренным.

Он на мгновение отвел глаза, поглаживая листья одного из многочисленных растений, что росли в горшках среди обитых серой тканью диванов и кресел холла. Его кожа была нездоровой и бледной, как будто после долгой болезни, а в уголках темных глаз виднелись морщины боли. Интересно, подумала она, кто он и почему ей снится. Откуда у нее такое чувство, что она его знает, в каком-то смысле намного лучше, чем когда-либо знала Спока?

Кристина нахмурилась, пытаясь понять. — Но вулканцы могут дружить, — сказала она. — Это... — Она заколебалась, не зная точно, что хочет сказать и хочет ли продолжать. — Мистер Спок... — Это имя она произнесла с трудом.-...он друг капитана, как бы он ни избегал признавать это.

Он может любить, думала она. Может.

— Дружба это не то же самое, — сказал вулканец, спокойно встречая ее взгляд. — Мы говорим не о дружбе. И ты это знаешь.

Она это знала. Он прочел ее чувства к Споку, когда она накрыла его руку своей, пытаясь утишить кошмар его снов. Интересно, подумала она теперь, как глубоко он заглянул в ее сны.

— Дружба мистера Спока и капитана осталась бы — и останется — все той же, будь они даже назначены на разные суда на десять-двадцать лет. Когда я вернусь в мое время, то хотя я никогда не увижу тебя снова, мы останемся друзьями.

— Да, — мягко сказала Чейпл, зная и понимая это. — Останемся.

— Любовь это иное. В дружбе — том роде дружбы, которую питает к капитану мистер Спок — нет стремления к душевному единению. — На этих словах он заколебался. — Нет ощущения покоя от присутствия человека, которое исчезает с его отсутствием. Нет такой потребности. — Он оглянулся и посмотрел на звезды, на едва видимый темный силуэт, который смутно вырисовывался в бледном зареве пылевых потоков туч Перекрестка.

— Я не знаю, Консилиуму ли пришлось привить мне это, или же процесс единения просто высвобождает то, что большинство вулканцев настолько глубоко в себе похоронили, что даже забыли о его существовании, забыли его истинное наименование.

Звездный свет выделил внезапные морщины грусти на лбу, в уголках слишком юного рта.

— Я знаю только, что с теми узами, которыми я связан — заботясь вне всякой логики, как я это делаю — я не истинный вулканец. И очень немногие вулканцы-эмпаты возвращаются в свой родной мир, а те, кто делают это, лгут насчет того, что чувствуют.

Потом эта картина ускользнула, и она уже бродила по темным коридорам шестой палубы, а во мраке над ее головой слабо тлели пластины люминесцентных панелей. Она слышала и мельком видела людей, которые двигались в темноте на ощупь. Кто-то впереди вышел из двери, обернулся через плечо, перед тем как пропасть, и она увидела, что это Роджер. Как она узнала его в темноте, она сказать не могла, но очертания широких плеч, обтянутых голубовато-зеленым полотном, седеющие светлые волосы, широко расставленные умные голубые глаза это явно был он.

Она выкрикнула его имя, бросилась за ним, задев плечом за угол, наткнулась на невидимое препятствие, отчего у нее заныла голень. Двери, которые закрылись за ним,

отказывались открываться перед ней; ей пришлось обойти кругом, спуститься и подняться по слепым коридорам, причем со всех сторон из темноты раздавалось бормотание остальных, приглушенное шарканье ног. Они в ловушке, думала она. Мы все ослепли и попали в ловушку.

Мимо нее прошла еще одна смутно видимая фигура. И снова (она не могла сказать, как) она узнала черные волосы, голубую рубашку, блеск золотой эмблемы Флота. Она везде узнала бы, как он движется, как держит спину, даже через пятьдесят лет. Она выкрикнула Спок, но из ее горла не вырвалось ни единого звука. В страхе и отчаянии она бросилась за ним, громыхая подошвами по палубе, и ее сердце колотилось от страха, что она потеряет его след, навсегда потеряет его самого. Как и Роджер, он двигался впереди, а она оставалась позади, во мраке столь же непроницаемом, как и бездны космоса. Она шла за ним, как когда-то шла за Роджером, желая всего лишь знать, что с ним она в безопасности. Что она может быть в безопасности хоть где-то.

Потом перед ней во мраке возникла мерцающая фигура. Она поспешно бросилась к ней, выкрикивая мужское имя, и на этот раз вместо того, чтобы удалиться, эта фигура подошла, стремясь к ней, когда она вытянула руки.

И только когда она потянулась к ней, до Кристины дошло, что это зеркало. Туманным образом, который приветственно протягивал руки, была она сама.

— Естественно, было необходимо имплантировать в память отдельных, ключевых членов экипажа ложные воспоминания. — Грузный, бледно-желтый ученый шире распахнул огромные глаза на Маккеннон, словно удивленный, что она сама так не считает. — Как бы еще мы замяли потерю пяти дней?

— Почему мне не сказали? — раздраженно спросила она, отбрасывая прочь крохотный экранчик и сообщение, которое в нем было. — Ты говорил, что менять ничего нельзя, а теперь я узнаю, что ты что-то изменил...

— Ничего, что имело бы значение. Правда. — Цимрус Дартаниан сложил на груди руки, чуть пригнувшись, чтобы казаться еще более ничтожным и смиренным, чем на самом деле. Маккеннон приказала, чтобы одежду для него сделали в цветах Консилиума, сером и белом — его собственное, свободное и ярко окрашенное одеяние из выжженной громады Тау Лиры III уже пообтрепалась, а с такими короткими миссиями, как тут, прачечных на кораблях было очень мало.

— Большой частью это технические процедуры, такие как починка поврежденных видеоизображений, дублирующих те, что уже есть. Большинство экипажа будет уверено, что прошедшие пять дней они занимались обычными делами. Любой, кто хоть когда-то работал в правительственном учреждении, — криво улыбаясь, добавил он, — знает, как сложно отличить один день от другого в подобных обстоятельствах. А что до остальных, то они будут строить догадки... — Он вытянул нижнюю пару рук. — Но чем это кончится? Что такое, в конце концов, сны?

— Их догадки не повлияют на решение Кристины Чейпл уйти из Звездного Флота и поступить в Институт Ксенобиологии. Это не повлияет на ее исследования в нанохирургии центральной нервной системы и возможные открытия в области искусственного приращения псионных рецепторов. Это не повлияет на основание ею корпорации "Звездные поля" и исследование, которое в итоге спасет Федерацию от воздействия чумы.

Он помнил ее, хотя только мельком видел эту женщину, чье исследование спасет цивилизацию по всей галактике...и чьи преемники объединят неожиданные результаты технологического достижения и невероятного богатства, чтобы создать разумы, которые уничтожат его мир и оружие, которое откроет по нему огонь. Он помнил, как она — жилистая и неуклюжая (ему казалось, что все люди таковы) лежала, ослабев, на высокой кровати в странно пахнущем помещении для исцеления, окруженная друзьями. Он слишком мало знал об этой временной линии, чтобы вспомнить, узнает ли она когда-нибудь о том, что с ее работой сделали другие.

Где-то когда-то кто-то скажет ей нечто, что заставит ее свернуть с пути, ведущего к

нынешней смертоносной цели, на новую дорогу, к иной жизни. Но никто не мог сказать, когда или где или кто.

Он мог лишь коснуться ее воспоминаний и пожелать ей блага.

Домина опустилась на мягкую спинку кожаного кресла, снова и снова вертя в руках ручку, серебристо постукивая ею по твердой обсидиановой поверхности стола. За обзорным экраном — который передавал картинку с мостика и имел сходство с огромным, черным окном — на фоне мрака пастелью светились газовые гиганты Солнечной системы — оранжевые или зелено-белые, опоясанные лунами или окруженные ослепительно сверкающими кольцами льда.

Иногда по ночам Цимрус Дартаниан плакал от полнейшего опустошения, разрываясь между виной перед своей семьей, своим народом, миром, где он рос в течение девяносто семи лет, и изумлением и восторгом от этой ослепительной и необычной вселенной, в которую его забросило.

Очень трудно было осознать, что Йондри — Тау Лиры — его дом — уже двести пятьдесят лет как обратились в выжженные руины по мановению адского внутреннего ока яггхорта.

Айриен где-то там, думал он. Все они где-то там, потомки и наследники друзей и пленников, которых он в последний раз видел несшимися в шаттл "Саваша", когда закрывалась огромная стальная дверь отсека. Те, кто воссоздают его цивилизацию заново. Новые ученые Йона.

Вскоре с ними свяжется Дилан Ариос, ища помощи против Консилиума.

Излишне говорить, что мир, на который он, Дартаниан, указал этой женщине, что находилась сейчас перед ним, был очень далеко от туманности Перекресток. А раз ни следа колонии не найдено, что ж, значит, ей уже триста лет

Единственными, кто знал Йондри, были его братья-ученые на этом корабле и Айриен. Он молился ночами, надеясь, что тяжесть ее гнева угасла, как молился, чтобы исчез его собственный. Иногда в глубинах его разума оживал шепот, и он слышал ее удаленное пение.

Когда придет время, они встретятся.

— Ты уверен? — голос Маккеннон был голосом избалованного и порочного ребенка.

Цимрус Дартаниан кивнул. — Доверьтесь будущему, Домина, — мягко сказал он. События происходят потому, что в их природе случаться именно так. Сдублируйте условия, и они должны произойти и произойдут так снова.

Он знал, что это полнейшая ложь — и совершеннейшая нелепость для любого, кто хоть что-то знал о строении Времени. В коротком разговоре с Диланом Ариосом он почувствовал, что мастер-предатель это тоже знает. Прошлое было прошлым, но будущих было бесконечное множество. Узел, завязавшийся в Перекрестке, был одним из основных, и ответвления от него вели во всех направлениях. Он знал, что в некоторых будущих он сам и остальные ученые не избежали катаклизма на Йондри; в других шаттл с выжившими не выбрался из корпуса "Саваша". В иных именно Дилан Ариос выстрелил теми торпедами в солнце; Дилан Ариос, каким он стал или мог бы стать, изменял иные события, и на этом пути отделялись другие группы ветвей прошлых или будущих.

В одном или двух это был Джеймс Кирк.

— Есть сотни тысяч вариантов будущего, — мягко сказал он женщине, которая сидела за столом на фоне полыхающего задника из чужих звезд, женщине, которая была слишком молода, чтобы получить такую власть, и которая удерживала эту власть, не имея той мудрости, которую обретали ученые. — Но каждый из нас обладает ключом только к одному. — Он низко поклонился, собираясь уходить. Ваш слуга, Домина.

Еще одна полнейшая ложь, подумал он, развеселившись, когда покинул ее. Но она этого не узнает, пока не станет слишком, слишком поздно.

— ...меня все это достало, я пошел и купил самый старый, самый негодный и мерзкий планетолет, который только смог откопать. — Большие руки Эда Дейла, мозолистые, сильные, но изящные, как у женщины, бурно жестикулировали, а усмешка на лице была

похожа на проблеск солнца. — В смысле, эта штука, должно быть, лет пятьдесят служила сеялкой для какого-нибудь городского парка. И тебе бы понадобилось рогатка величиной со здание Галактического Суда, чтобы выбраться из атмосферы.

Он облокотился на стол Вароса, локтем на последние распечатки отчета о миссии на Перекрестке. Позади него тлел ало-янтарный Юпитер — яростный глаз Полифема во тьме. За плечом Дейла алмазным ожерельем блистала завеса астероидов, вокруг головы мерцали тучи межзвездной пыли. Беззаботный бог войны, бродяга-викинг, радующийся, что остался жив. После пары кружек эля он говорил чуть нечетко — как и у большинства землян, устойчивость к алкоголю у него была невелика.

— Ну и наработался я с ним, пока заводил двигатели, поднимал его и добирался до этого их "эксклюзивного загородного клуба", этого "личного Элизиума"...

Варос протянул руку и выключил голограмму, когда сенсоры в коридоре показали, что кто-то приближается. Он вытащил из плеера небольшой кубик и положил в коробку в нижнем ящике стола.

Это была единственная голограмма, которая у него осталась от друга — тот рассказывал эту нелепую историю о мальчишеских проказах и юношеских выходках. Варос знал, ему должно быть стыдно, что он до сих пор копается в этой кровоточащей ране.

Но друзья не забывают друзей.

Маккеннон позволила ему умереть.

Консилиум позволил ему умереть.

Маккеннон заставила его, Вароса — верного друга Дейла, его кровного брата, человека, чью жизнь он спас в мерзких болотах Денеба — отвернуться от Дейла, когда тот лежал и умирал, раскромсанный на клочки, но не безнадежный. Его еще можно было спасти, если быстро положить в морозильную камеру.

Но ей нужен был Дилан Ариос, нужен был Джеймс Кирк. А начальников службы безопасности во Флоте много.

Ненависть — это горькое пламя из самых глубин ромуланской натуры отдавалось железом в его желудке, серой и солью в рваных ранах его сердца.

Консилиум заплатит. У них есть над ним власть удовольствия и боли, но он знал, что есть способ это преодолеть. Его воля была его собственной.

Ярость — это самая суть воли, сказал как-то его дед. Друзья не забывают друзей. Варос всегда думал о себе в первую очередь как о капитане Флота, а потом уже как о ромуланце. Теперь он понимал, что это не так.

Шаги в коридоре принадлежали Каресе, и он дотронулся до выключателя, как только неровные шаги остановились. Многие в экипаже, особенно подчиненные, последнее время все больше и больше ее боялись. Дейл никогда этого не делал. Входите, — сказал Варос приветливым голосом.

Она начала было шипеть приветствие, потом поправилась. Вскинула голову и глаза снова стали глазами женщины. Старой, усталой и озабоченной женщины; она куталась в мягкое черное одеяние, которое носила вне службы, черные волосы были заплетены в косу, как перед сном. Она присела в кресло, которое обычно занимал Дейл, и села — прямо, а не сгорбившись, как делала иногда, забывшись.

Она сказала: — Я скорблю с тобой, капитан, — он кивнул и протянул руку. Ее ногти были похожи на длинные крючковатые когти. Она и Кези — так называли в их мире самых маленьких песчаных ящерок — играли в свои царапающие игры, и ей не нравилось всегда ему уступать.

— Ты поздно поднялась наверх.

Она вздохнула и пробежалась когтями по волосам. — Я немного поспала после прыжка, — сказала она. Пальцы ее были перепачканы шоколадом, а на одежде виднелись следы кофе. Много лет назад она была опрятнее. — Во время прыжка — и потом — Кези...был со мной из-за того, что узнал от яггхорта мятежников.

— Яггхорта мятежников? — Варос выпрямился, переводя странное, иносказательное

выражение, которым она обычно описывала свое проникновение в мыслительный процесс своего лишенного чувств партнера.

Только оглушить, сказала Маккеннон, как будто большее причинило бы ему боль.

Кареса кивнула. — Я не знала, что Кези по-своему скучает по своей сущности, — мягко сказала она. — Он...Кези... — Она нахмурилась, как всегда не в силах выразить, что яггхорт сказал или подумал. За эти годы Варос выяснил, что большинство эмпатов вырабатывают собственный язык, собственные термины для связи со своими двойниками, и слово быть часто заменяет говорить или думать. Он пришел к выводу, что им трудно размышлять в каких-то вразумительных терминах, кроме изменения цветов и запахов звезд.

Она шевельнула рукой, слабым эхом движения ногтей вытянула пальцы. — В любом случае он это не только он сам, — сказала она. — Как и я. В его разуме есть...ромуланская часть, как и во мне уже приличное количество от яггхорта. Да, я это понимаю, — сказала она, и ее улыбка была грустной улыбкой женщины.

— Ему было...приятно...столкнуться с Немо, яггхортом мятежников. Мысли переходили прямо из разума в разум. Кези... — Она заколебалась, заставляя себя сказать то, ради чего пришла.

— Кези присоединится к мятежникам. — Она произнесла это очень тихо, словно надеялась, что Варос просто не расслышит. Потом она вздрогнула, словно ожидая удара, а то и хуже. Она знает, подумал Варос, что сказать подобное любому капитану Флота значит подписать Кези смертный приговор — Кези, чья жизнь значила для нее намного больше, чем ее собственная.

Он знал также, что будучи капитаном Флота, он должен бы тут же стукнуть по кнопке вызова, пока яггхорт не исчез, как пропал из красноватой тьмы склада "Саваша" яггхорт "Наутилуса".

Он молчал, слушая и наблюдая.

— Кези...хотел, чтобы я сказала тебе, — мягко сказала она. — Я не знаю, зачем ему нужно, чтобы ты знал.

Да, подумал Варос, откидываясь в кресле. Под его спокойствием неслась горячая, обжигающая река ярости. Но Кези понял. Кези, чье сердце было сердцем "Саваша" и чье небрежное сознание проходило сквозь ткань корабля подобно паутине болотного паука, которая в своей обманчивой хрупкости могла покрыть сорок квадратных километров.

Он уже не в первый раз задумался, что же на самом деле знает Кези.

— А ты? — мягко спросил он. — Чего хочешь ты? — Они разговаривали на внутреннем ромуланском диалекте, которым владели оба. После многих лет по стандартам Федерации это все еще был язык их сердец.

— Конечно, я иду туда, куда идет Кези, — сказала Кареса. — Если он выберет мятежников, мятежницей стану и я.

— Он знает, как их найти?

— Не знаю. Думаю, он может снова пойти к Немо.

— А, — мягко сказал Варос и взял ее за руку. — Ну что ж, мой старый друг, как только мы доберемся до Земли и этот экипаж сойдет на берег, мы вместе станем мятежниками, я, ты и Кези. А тогда, — добавил он, понизив голос почти до шепота, — Консилиум пожалеет даже о том, что просто приказал "Саваша" войти в Перекресток или связаться с капитанами и кораблями из прошлого. Сейчас они все забыли — Кирк и его экипаж, которые подчиняются не мастерам, а долгу, как они его понимают, велению справедливости и своих сердец. Так и должно быть. Но я не забыл. И не забуду, пока жив.

Нам было бы нелогично протестовать против собственных натур, как-то сказал ей Спок. Тогда она подумала, что он ссылается на проблему, которую они тогда обсуждали — ужасающее влияние вулканской физиологии, заставляющей его возвращаться домой, на родную планету ко времени, назначенному вулканскими звездами и вулканскими генами.

Лежа на сумрачной границе сна и бодрствования, Чейпл осознала, что тогда он говорил о взаимоотношениях между ними.

А это именно взаимоотношения, поняла она. Просто не те, к которым она стремилась.

И такими они никогда не будут.

За прошедшие четыре года она иногда думала, что если бы ей только удалось заглянуть за эту неприступную стену, она бы увидела настоящего Спока. Но сейчас она знала, что обойдя эту стену, она увидит лишь ее обратную сторону.

Когда она заснула, ей привиделся этот исчезающий сон, странный сон о прогулке в холле десятой палубы с юношей-вулкунцем, юношей с длинными черными волосами и небольшими шрамами на руках; юношей с лицом, как у юного принца.

В этом нет стремления к душевному единению, сказал он ей о дружбе вулканцев. А еще Я не истинный вулканец.

Истинный вулканец или нет — а она не могла даже вспомнить, почему он так сказал — но она наконец поняла всю глубину различий между собой и вулканцами.

Когда я вернусь в свое время, сестра Чейпл, я все равно останусь вашим другом, хотя мы никогда не встретимся снова. А еще Любовь это нечто иное.

Ее взаимоотношения со Споком были далеки от завершения. Но они были такими, какими были, и продолжаться будут, поняла она, именно на вулканский лад — дружба, становящаяся временами более сдержанной, когда они физически удаляются друг от друга, но делящая всю жизнь.

Она уже от слишком много отказалась, поняла она, гоняясь за призраками в мрачных пространствах меж звезд. Девять лет преследовала одного мужчину, потом другого, такого же, и только для того, чтобы добравшись до них, обнаружить, что мечтает не об этом.

Наверное, в каком-то смысле ей хотелось, чтобы Спок был Роджером...и только богу известно, чего она хотела от Роджера. Но Роджер был только Роджером...и Спок был только Споком.

Пришло время вернуться к собственной работе. Маккой ей поможет — да и помог уже. Господи! Весь практический опыт, который она приобрела в ксенобиологии...! Спок бы с поразился от души, получи она степень доктора медицины и диплом по специализации, и сейчас — или уже давно? — она поняла, что Роджер бы никогда так не сделал. Спок остался бы ее другом, поддержкой, где бы он ни был.

Не совсем то утешение, которого она в глубине души искала — но тем не менее утешение.

После ужина, почувствовав себя сильнее, Кристина попросила ридер и пробежалась по бланку "окончание миссии", который откладывала день за днем.

Возвращение к гражданскому статусу?

Да Нет

Цель после увольнения?

Сан-Франциско — Земля

Альфа Мемори

Вулкан — Центральный порт

Другое

Она набрала Научный Институт Федерации и выбрала форму заявления для этого университета. Она подсчитала, что если повезет, утвердительный ответ придет как раз к тому времени, как "Энтерпрайз" через три месяца вернется на Землю, выполнив задание.

Эпилог.

Это случилось вскоре после начала вечерней вахты.

Чем бы "это" ни было.

Кирк помнил, как боксировал с Лао в спортзале, помнил — смутно помнил, словно в каком-то туманном сне — как кто-то позвал его к линии связи, когда пришло сообщение с мостика.

А следующее, что он помнил четко — как проснулся в четыре утра в холодном поту от жуткого сна. В этом сне нечто темное, смутно мерцающее, покрытое хитином, безглазое, со щупальцами и крыльями, с привычной легкостью разрывало людей на куски.... Это был сон

о яггхорте, которого можно было хорошо разглядеть при ярком свете и который был непохож на смутное, мигающее изображение предупреждающих записей.

Но никто из экипажа не пропал и не получил повреждений, за исключением Лао и Чейпл, которые находились в лазарете с тяжелым фазерным шоком.

А дальше этого его воспоминания не шли. Сидя в одиночестве в своей каюте, Кирк изучал сводку сообщений.

Спок провел героическую работу. Как только были выявлены отдельные несоответствия — вскоре после восьми утра, когда он сам пришел на мостик Кирк приказал каждому на борту, от Спока до имеющего сомнительную репутацию работника прачечной Бруновски, описать все, что они помнят о последних пяти днях. Большинство четко помнили, что занимались обычными делами, но к несчастью, когда всю эту информацию сопоставили, рассказы не сошлись. Большую часть дня Спок трудолюбиво извлекал из них все данные, которые мог, пытаясь уравнивать с косвенными свидетельствами и прийти к логичным выводам насчет того, что же здесь произошло на самом деле.

И продвинулся в этом совсем немного.

В лазарете были найдены листы флимсипласта, на которых от руки были записаны краткие данные о Кристине и Лао — там перечислялись фазерный шок у обоих, в случае с Лао осложненный еще и расстройством сна и нервным истощением; звездная дата приходилась как раз на конец пятидневного "Перерыва". Записки были сделаны рукой Маккоя. Маккой не помнил ничего.

Ровно 189 человек — почти половина экипажа — помнили, как проснулись в четыре утра или около того, и более ста из них сообщили о беспокойных снах и о чувстве, что все идет совершенно неправильно.

Фазерные склады разрядились на сорок процентов, хотя не пропало ни одной торпеды и оружие было совершенно не повреждено.

Выяснилось, что тридцать процентов магнитных замков на люках ручного управления дверей и в аварийных комплектах были размагничены и беспомощно болтались на петлях. А один — на двери инженерного отсека по левому борту был явно открыт сделанным вручную нейтрализатором, который соорудили из панелей управления электронными полями — видимо, судя по отпечаткам пальцев, лично мистером Скоттом, но для какой цели, даже он сейчас не мог определить.

Мистер Брайант, офицер связи третьей смены, по слухам, осторожно расспрашивал женскую часть экипажа о некоторых предметах одежды, которые нашел в своей каюте.

Старшина Зинк из исторического отдела сообщила, что она помнит ощущение, будто ее отделили от тела и вспоминала поразительные открытия насчет своих прошлых жизней. Лейтенант Бергдал из гео-антропологической лаборатории предоставил длинный и подробный рассказ о том, как он побывал на инопланетном корабле с маленькими, светящимися существами неизвестного происхождения, которые силой заставили его пройти медицинские процедуры. Адамс, его помощница, сообщила, что Бергдал возложил на нее разбор экспериментов, о которых нет никаких записей, и артефактов из таких регионов галактики, которые они никак не могли посетить за последние пять дней.

Старшина Вольфман, Ватанабе и Чавез сообщили, что всем им снятся сны о яггхорте, хотя никто из них не знал, как это существо называется и не видел имеющегося видео.

— Не понимаю, Спок, — сказал он, когда сразу после чириканья дверного звонка вулканец вошел в комнату. — Все это что-то значит...

Когда он развернулся в кресле, заболела его правая нога, как будто у него свело мускулы...или, понял он вдруг, как будто он и сам получил сильный удар фазера.

Мистер Спок протянул ему желтый инфо-диск. — Мои окончательные выводы, капитан, — сказал он. Глаз Кирка уловил розоватый цвет ладоней — искусственная кожа, которая выделялась на фоне чуть зеленоватого цвета кожи офицера по науке. Даже глубокий гипноз не смог раскопать воспоминаний об этой травме. Маккой сообщил, что искусственной кожи пропало больше, чем требовалось рукам Спока, а также исчезло

огромное количество редкого, но безвредного соединения Д 7.

— Есть какие-то выводы?

Спок немного помолчал, вертя в двухцветных руках диск.

Что-то случилось. Что-то случилось вскоре после окончания первой вахты, в звездный день 6251.1, и это что-то коснулось в какой-то степени каждого на борту...

Даже листья на небольших растеньицах, сидящих в горшках на его палубе которые его личный старшина, неуклюжий юноша по имени аль-Джазир, имел привычку подрезать каждый день — и то были подрезаны. Судя по виду, вчера. Что такого пагубного произошло за время Перерыва?

— Я не нашел ничего, — сказал Спок. — Только некоторые весьма необычные размышления.

Он уже некоторое время стоял, задумчиво склонив голову, с видом человека, пытающегося мысленно систематизировать некую странную информацию.

— Район туманности Перекресток уже давно считается зловещим, склонным к необъяснимым событиям, — продолжал вулканец. — Как вы знаете, стандартные предупреждения об опасности содержат в себе условие — перепроверять все данные, имеющие отношение к биохимическим или биологическим экспериментам, которые выполнены в этой части квадранта.

— Отлично, — сказал Кирк, скривив рот. — Мне всегда хотелось войти в исторические головидео; вот только внесение примечаний в стандартные предупреждения — не совсем то, о чем я думал.

— Возможно, не нужны будут даже примечания, — спокойно сказал Спок. Общаясь с экипажем, я в целом охарактеризовал Перерыв как долгосрочное воздействие взрыва Тау Лиры, но все свидетельства указывают на своего рода аккуратное и тщательное удаление следов происшествия. Возможно, лучше будет закрыть это дело.

Кирк удивленно взглянул на вулканца. — Закрыть это дело? — Он видел, как Спок подходил к самому краю смерти ради того, чтобы восстановить мельчайшие детали информации или незначительные артефакты просто из неискоренимого вулканского любопытства. — Не выяснив, что же произошло на самом деле?

— Не уверен, капитан, что мы можем выяснить, что произошло. — Спок вздохнул. — И я не совсем уверен, что должны. Помимо удаления — или изменения — воспоминаний всех на борту, кто-то или что-то стерло также все корабельные журналы за время Перерыва.

Кирк кивнул. Его собственный кончался на 6251.1, упоминанием об отправке в туманность Перекресток этим утром нескольких приборов, и комментарием насчет стандартного предупреждения.

— И не только официальные журналы, но и все резервные и внутренние журналы систем, даже личные дневники экипажа. Я только что закончил изучать микрокомпоненты следов, сохранившихся от тех дневников и от вашего личного журнала. Во всех случаях отпечатки голоса и сетчатки тех, кто уничтожил информацию, принадлежали их владельцам. Все свидетельства, которые я могу найти, показывают, что я единственный, кто занимался стиранием всего подряд даже рутинных передач и данных об энергии — из резервных копий и бортжурналов корабля, а корабельный и личный бортжурнал капитана уничтожили вы сами.

Он положил диск на стол Кирка, на вершину стопки твердых книг в бумажном переплете, которые были страстью Кирка.

— Возможно, это было сделано под воздействием насилия, — сказал он. — Но возможно также, что в то время мы полностью понимали, что делаем; лучше, чем понимаем это сейчас. И по-моему, это стоит учесть.

После того, как Спок ушел, Кирк какое-то время сидел, крутя в руке диск.

Искать новые формы жизни, новые цивилизации.

Смело идти туда, где не ступала нога человека.

И только в последнее время ему начало приходить в голову, что возможно, существуют

места, куда идти не стоит.

Он вздохнул и покачал головой, отогнав эти мысли прочь. Что бы там ни случилось, это подействовало на многих: когда Маккой в первый раз после Перерыва пришел на мостик, он выглядел старше лет на десять — следы сильнейшего утомления, мучительной бессонницы только сейчас начали исчезать с его лица. Первые двадцать часов после того, как пришел в себя энсин Лао, он молчал, сражаясь с воспоминаниями о снах, которые не мог описать; какое-то время Кирк опасался даже — не за его жизнь, а за тот бурлящий энтузиазм, который словно бы совсем погас.

И только сегодня вечером, когда Кирк прошел в лазарет, чтобы поболтать с Лао и Крис Чейпл, молодой энсин стал больше походить на себя. Он уже разразился полудюжиной теорий насчет Перерыва и болтал о том, как соединить световые волны и визуальные передачи — это было совершенно невозможно нигде, кроме чистой теории — чтобы на самом деле выяснить, что же случилось. Даже вулканское слияние разумов, которое Спок произвел и с Кирком, и с Лао, не принесло дальнейшей информации.

Кирк усмехнулся про себя юношескому энтузиазму мальчика, и встал. Через несколько месяцев "Энтерпрайз" закончит эту миссию. Через несколько месяцев ему будет сорок, и что? Что это была за проклятая миссия.

А на подходе иные, подумал он.

Он подобрал книгу, которую читал — Ксенофонт "Воспитание Кира" — и направился к кровати. И тут из страниц выскользнул сложенный кусок флиμισпласта, медленно, подобно огромному, бледно-зеленому листу опускаясь на пол.

Там было написано три строки.

Было так необычно, что кто-то написал это от руки по пластику, что Кирк развернул его и прочел раньше даже, чем поинтересовался, кто же и когда был в его каюте. Там говорилось:

Вы мое прошлое, но я не обязательно ваше будущее. Существуют тысячи возможных будущих, и если переменить траекторию всего лишь на градус, звездолет может изменить курс на тысячи парсеков и уничтожить мир или спасти его. Мы можем только попытаться.

Тысячи возможных будущих. И в одном из них можно отправиться в пятилетнюю миссию в тридцать четыре года и вернуться в тридцать девять, интересуясь, что же принесет будущее.

Чем бы это будущее в действительности ни было.

Мы можем только попытаться.

Кирк не узнал почерк. В конце концов он сличил его с почерком всех на корабле по компьютеру. Так не писал никто из четырехсот тридцати человек.